

едет к свободе. Изучая Тору, соблюдая заповеди, душа наша прозревает дорогу назад, в горные выси, и поет от счастья, предвкушая тот радостный момент, когда она вновь вернется к Б-гу.

Когда мы поем, душа наша как бы приподнимается над тяготами повседневности, отрешается от дольного мира с его несовершенством и выражает веру в то, что в конце концов отыщет правильный путь к Создателю и тогда вновь будет ощущать только бесконечную доброту Его.

...Вот ведь как получается: всего семь нот, семь основных тонов в музыке – а сколько в них чувств! Сколько родилось из них прекрасных мелодий, которые мы запомнили на всю жизнь и которые вызывают радость и слезы одновременно... А с другой стороны, достаточно при исполнении самой сложной мелодии взять неверно лишь одну ноту, и все волшебство исчезнет.

Так и в нашей жизни: бывает, незначительное слово или действие меняет все вокруг. Иной человек из обыденной повседневности, из внешне неярких будней создает чудесную, чистую мелодию счастья. А иной одним необдуманном словом разрушает все, что достигнуто долгими годами усилий, стараний.

Музыка учит, что все, окружающее человека, принадлежит к единой величественной мелодии Творения и, соответственно, самое простое сочетание дел, подобно простому сочетанию нот, может поднять нас на высший уровень, на уровень близости с Творцом. И музыка же учит нас тому, что у разных людей, как у разных инструментов, своя мелодия, своя «партия» – но вместе они способны слиться в единый оркестр.

Так пусть же наши души, наши сердца раскроются, найдут правильный мотив, верный путь к более осмысленной духовной жизни. И тогда в конце концов никто не останется глухим: все вместе мы радостно пустимся в пляс, и все вместе запоем: «Осанна! Тебя, Б-га, славим!»

Áëááí úé ðáááéí Ðíííéé Ááðé Éáçáð

ПОУЧЕНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Î áí áðáí -Î áí áë Ðí ááðíí

Çà áóéáíé Çàéííà

Áàéóóí áúáíðà

Ðáááé Ýéáçáð éç Ááððíóóí áááðéð: «Î óááé Áí ó òí, ÷òí ïðéíááéáæéð Áí á éáí òó é áíá ÷òí òó éí ááóí - Áá». Îí ÷óíí ó ïíáíáð óáðíí Áááéá ðéáçáé: «Áááí áíá ïð ðááý, é òí, ÷òí ï ï ïóáááí ðááá ïð ðááý æáííéð-áíí».

Î ïó-áí éý ïððíá 3:8

Высказывание рабби Элазара вполне ясно – в краткой форме здесь подытожено отношение евреев к благотворительности: все, что мы отдаем другим, изначально принадлежит не нам. Отдавая что-то на благое дело, мы лишь правильно распоряжаемся достоянием, данным нам Всемогущим.

Но в словах рабби Элазара есть еще один смысл. Одна из существеннейших черт заповеди о благотворительности, как всех Б-жественных заповедей, состоит в том, что мы совершаем соответствующее действие в силу нашего свободного выбора. В той же главе «Поучений отцов» приведены слова рабби Акивы: «*Все предопределено, но человеку дана свобода [выбора]*» (Поучения отцов, 3:19). Если бы творить добро было для человека столь же естественно и насущно, как есть или дышать, разве была бы в наших деяниях какая-то заслуга? Разве заслуга ветра в том, что он дует?

Дарованная человеку свобода выбора – один из самых парадоксальных аспектов Творения, ибо эта свобода вступает в противоречие с законом, лежащим в самой основе реальности. Мир держится на аксиоме: «*Нет другого, кроме Него*» (Дворим, 4:35) (См.: Рамбам, Законы оснований Торы, гл.1). Но тогда простая логика скажет нам: если Б-г – всеобъемлющ и вездесущ, то в мироздании, кроме Него, никто не может обладать никаким проявлением воли. Однако Б-г предпочел Сам нарушить этот «закон», сотворив своего рода «вакуум» внутри Своего бесконечного бытия, тем самым дав человеку свободу выбора между добром и злом (кабалисты называют эту «пустоту», предопределенную Б-гом внутри своего бытия, «цимцум»).

Поэтому, когда человек принимает решение разделить с кем-то свое достояние, он отдает то, что принадлежит ему: Б-г передал человеку право собственности и право выбора. Поэтому рабби Элазар говорит: «Отдай Ему то, что принадлежит Ему, ибо ты и все, что ты имеешь, – Его», а не «отдай Ему то, что принадлежит Ему, ибо Ему принадлежит все». Последняя формула лишает акт благотворительности всякого морального смысла. Но рабби Элазар подчеркивает: есть «ты», и есть деньги, – они «твои», ибо Б-г дал нам самость и Он же дал нам собственность.

Это действительно так. Но за этим стоит и другая истина: «ты и все, что ты имеешь, – Его», то есть Б-г дал каждому из нас независимость и собственность только во имя того, чтобы мы осознали, сколь важно выполнение Его воли.

Выбор принадлежит нам. Но всякий раз, совершая его, мы должны помнить, откуда наша способность к выбору. Мы должны помнить о Нем – о том, кто даровал нам бытие в качестве созданий, наделенных собственной волей, и о цели, во имя которой это сделано.

Î ðíéé ÷áéíááéá

Ðáááé Ýéáçáð éç Î íáééíá áááðéð: «Ðíð, éòí ïíéááðíýáð ïíýóóíé, éòí ï ïðáçáí éáí ïðííéðíý é áúðáííáéáíúí ïðáçáíééáí, éòí ïóáéé-íí óéæááð ïúíáá áééæáíáá, éòí ïððéóááð

çààò íàóáí ìðáíòòà Áàðáí à è òíò, èòí òíèèàò Òíòò á àòòá, ìðíòèáíðá-àíáí Áèíòá – ààèá àíèè áí ìí íàèààèè çíáíèýí è Òíòí è ààðèèè áíáðíá ààèè, – í á èì ààò ìáíáè àíèè á àýáòíáí ì èðá.

Поучения отцов, 3:15

Что общего между названными здесь прегрешениями, поскольку они идут единым «списком», и что отделяет их от иных нарушений законов Торы? На первый взгляд кажется, что рабби Элазар просто перечисляет никак не связанные между собой грехи, относящиеся к столь разным аспектам жизни, как служение в Храме, еврейский календарь, межличностные отношения, обрезание и изучение Торы. Но при всем том, опираясь на само высказывание рабби Элазара, можно выделить один объединяющий их признак – все эти грехи относятся к категории тяжких потому, что посягают на самую суть и цель нашей жизни.

× áèíáíè èàè òðáí è ò áèü Òáíðáí èý

К заповедям Торы можно относиться как к набору инструкций, данных свыше. Б-г сотворил мир, а в Торе дал описание границ и параметров этого мира, определив, что существует дозволенное и недозволенное, священное и мирское. Роль человека сводится к тому, чтобы блюсти эти границы: избегать профанного и охранять статусы священного и Б-жественного, присутствующие в нашем мире. Это довольно распространенная точка зрения на нашу роль в мироздании.

Однако при таком подходе мы рискуем упустить самую суть нашей жизненной миссии. Б-г дал нам Тору ради того, чтобы мы могли стать Его «соработниками в Творении» (см. Шабос, 10а и 119б), продолжить начатую Им работу и строить на основании, положенном Им. Мы приходим в несовершенный мир, разорванный на священное и мирское, и преобразуем его, чтобы в конце концов все в нем стало гармоничным выражением блага и совершенства Творца.

Тем самым «Мир грядущий» рождается из нашего исполнения заповедей в «мире нынешнем». Если наш нынешний мир подобен неделе, когда шесть рабочих дней мы погружены в материальность и лишь Суббота всецело проникнута духовностью, то Мир грядущий будет «днем единой и вечной Субботы» (благословение после субботней трапезы). Если мир нынешний одновременно скрывает Творца и свидетельствует о Творце, то Мир грядущий явит реальность, где все сущее будет исполнено осознания Б-жественного.

Если мир нынешний – это мир, каким он был сотворен Б-гом, разделенный на священное и профанное, то Мир грядущий рожден из вклада человека, ставшего соработником Б-гу, в творение. Это будет Мир, в котором все мирское исполнится святости.

Íýòü ì ðèì áðíá

Рабби Элазаром перечислены пять прегрешений, лишаящих человека его доли в Мире грядущем, и каждое из них по-своему указывает на одну и ту же ошибку, связанную с непониманием сути и функции заповедей. Собственно говоря, это – типичные заблуждения человека, который, «обладая знанием Торы и совершая добрые поступки», воспринимает заповеди как охранительные начала, способствующие поддержанию вселенского статус-кво, вместо того чтобы видеть в них средства для реализации миссии человека в мире – знаки на том пути, который позволяет человеку стать соработником Б-га.

Íñááðíýðíèèè ìáýòüíè

Там, где у рабби Элазара идет речь об осквернении святынь, в оригинале использовано слово «кодошим». Этим алохическим термином обозначалось животное, предназначенное в жертву Б-гу. Как только хозяин объявлял о своем намерении принести животное в жертву, оно приобретало статус «кодош» – твари, посвященной Всемогушему. С этого момента строжайше запрещалось использовать животное для каких-либо работ и наносить ему увечья. Оно просто ожидало, пока наступит момент, когда его забьют во дворе Храма, а мясо будет съедено с соблюдением всех ритуалов.

Принцип «посвящения животного Б-гу» – типичный пример того, как Тора дает человеку возможность освящать его «земное» достояние. Посвящая животное Всемогущему, человек вовлекает его в свое служение Б-гу. А унижение статуса жертвенного животного отрицает саму способность человека освящать мир. «Рационалист» может заявить: «Священно то, что освятил Сам Б-г. А если какой-нибудь дремучий крестьянин ткнул грязным пальцем в теленка и заявил, что хочет принести его в жертву, разве от этого теленок стал другим? Чем он отличается от теленка, который пасется рядом с ним на лугу?» Но тем самым «рационалист» отрицает замысел Б-га, лежащий в основе нашего мира.

Ń i dāḡāi éāi ī oī ī ṅyū è é ṅy é i dāḡāi é éāi

Если практика назначения жертвенного животного обнаруживает способность человека наделять вещи святостью, то установление праздников указывает на дар человека изменять и «очищать» саму суть времени. Законом Торы в основание еврейского календаря положен не какой-то внешний, существующий сам по себе от века цикл. Точкой отсчета служит «освящение месяца», осуществляемое бейс-дином – судом.

(В 4119 г. [359 г. н.э.], когда с момента разрушения Храма и изгнания евреев из Святой земли прошло почти 300 лет, глава Сангедрина Гилел пришел к заключению, что жизнь в рассеянии всерьез угрожает практике освящения каждого месяца бейс-дином, ставя под угрозу еврейский календарь. Поэтому Гилел установил 19-летний цикл, позволяющий легко определить начало каждого месяца по еврейскому календарю. Бейс-дин под председательством Гилела освятил все месяцы до прихода Мошиаха. С тех пор мы пользуемся этой системой. Можно сказать, что в основе этой системы лежит не мудрость Торы, а мудрость людей. Однако мы напряженно ждем восстановления Сангедрина и возвращения нашего народа к соблюдению заповеди «кидуш а-ходеш» («освящение месяца»). См.: Рамбам, Законы освящения месяца, гл.5.)

Существует специальная процедура установления «начала месяца». Необходимо, чтобы как минимум два человека засвидетельствовали, что они видели новорожденную луну. После перекрестного допроса свидетелей бейс-дин официально объявляет начало нового месяца. А значит, от людей, от их воли и активности зависит, на какой день выпадет Йом Кипур, на какой – Пейсах и т.д. По сути, Тора дает нам понять, что даже если бейс-дин по той или иной причине ошибся или был введен в заблуждение свидетелями, праздник не теряет своей святости.

Но тот, для кого Тора – лишь свод данных Б-гом правил, которые следует неукоснительно исполнять, откажется признать святость праздника, установленного по воле человека. И он может сослаться на святость Субботы: ведь недельный цикл задан Самим Б-гом от начала начал, когда Он, сотворив мир за шесть дней, почил от трудов Своих в день седьмой. Тем самым, цикл, состоящий из шести дней, связанных с работой и погруженностью в мирское, и седьмого дня, когда мир «истончается» и можно прикоснуться к трансцендентному, заложен в самой природе времени. Что до праздников, то они устанавливаются волей человека, а значит, им присуще то несовершенство, которое отличает все, созданное человеком. И те, кто склонны всячески приуменьшать роль человека как «соработника» Б-га в творении, относятся к праздникам как к особым дням, предназначенным Б-гом для того чтобы мы вспомнили то или иное событие из нашей истории. Но разве из этого следует, что эти дни чем-то особым выделены среди других? Неужели человеческое деяние – к тому же, возможно, основанное на ошибочных предпосылках, – превращает обычную среду в особый, святой день?

Ī ōāēē÷īī ōī èāāḡū è é āēēāī āī

Эта часть наставления рабби Элазара говорит о человеческих взаимосвязях. Ибо человек наделен способностью не только освящать окружающие его вещи, вовлекая их в служение Бгу, но и создавать «ареалы святого» в социальных и межличностных отношениях.

Яснее ясного, что негоже унижать кого бы то ни было при любых обстоятельствах. Но рабби Элазар говорит о конкретном случае: о человеке, унижающем ближнего – унижающем друга своего, причем публично. Уточним: речь идет о человеке, обладающем весьма специфическим восприятием мира. Он не приемлет саму идею, будто Мир грядущий рождается из мира нынешнего. Ибо тот, кто публично унижает друга, тем самым объявляет: «Мы подружились, но эта дружба имеет ровно ту цену, которую каждый согласен увидеть в ней! В этой дружбе нет ничего “святого”. Да и как в ней может быть элемент святости? Эта дружба родилась из наших обыденных усилий! И вот я сердит на тебя и не остановлюсь перед тем, чтобы публично тебя унижить. Сейчас ты значишь для меня не больше, чем любой чужак в этой

толпе. Ты утверждаешь, что тем самым я “предаю” нашу дружбу? Что ты имеешь в виду? Разве “дружба” – нечто вещественно-материальное? Это всего лишь род отношений между людьми. А сейчас мое отношение к тебе зиждется на том, что ты вызываешь у меня крайнее раздражение. Вот почему мне хочется унижить тебя».

Заповеди Торы делятся на два типа – те, что определяют отношения «между Б-гом и человеком», и те, которые описывают отношение «одного человека к другому». И наша способность качественно изменять и освящать мир не ограничена одними лишь отношениями «между Б-гом и человеком», эта способность распространяется также и на отношение «одного человека к другому». И в одном, и в другом случае мы творим реальность, которая неприкосновенна и свята: в этом и состоит превращение нашего мира в Мир грядущий.

Ī ò ðē ö ä p ù è é ç á á á ò Á á á á á ì á

Как быть с заповедями, определяющими взаимоотношения человека с высшим порядком вещей? Их соблюдение подразумевает одну только покорность высшей воле, или в них тоже присутствует творческое начало, привносимое человеком?

Рабби Элазар использует в качестве примера заповедь об обрезании, названную здесь «заветом Авраама». Использование в этом контексте распространенной идиомы вместо прямого названия сути заповеди рождает ряд вопросов. Б-г велел Аврааму совершить обрезание, таков союз между Б-гом и Израилем, изначально заключенный с Авраамом, но потом возобновляемый с каждым евреем. Суть сформулировал Рамбам: «Все, чего мы стараемся не делать, и все, что мы делаем ныне, мы делаем лишь в силу того, что так было велено Моше на Синае, а не в силу того, что это было заповедано Б-гом через пророков, живших до Моше... [Так, например] мы совершаем обрезание не потому, что обрезание совершил Авраам и его домочадцы, но потому, что Б-г сказал нам через Моше: мы должны совершать обрезание, как сделал то Авраам...» (см. комментарии на Мишну, Хулин, 7:6). Но при совершении обрезания младенца его отец говорит: «Благословен Б-г. Он освятил нас Своими заповедями и заповедал нам присоединиться к завету отца нашего Авраама».

Мы связываем заповедь об обрезании с Авраамом, чтобы подчеркнуть присутствующий в ней человеческий элемент. Хотя завет основан на велении Б-га, каждый еврейский мальчик вступает в отношения, определенные этим заветом, точно так же, как Авраам, – впервые для себя. Между каждым младенцем и Всемогущим устанавливается уникальная личная связь.

Воистину – заповедь об обрезании от Б-га, в ней выражено желание Б-га. Воистину – сказано в Торе: «*Не прибавляйте к тому, что Я повелеваю вам, и не убавляйте от этого*» (Дворим, 4:2). Как может осмелиться человек вмешиваться в установленное Бгом?

Но в то же время мы знаем, что само исполнение заповедей есть акт нашего соучастия в космическом преображении мира, есть приближение Мира грядущего. Поэтому мы можем и должны всеми силами соучаствовать в этом процессе: пусть мы конечны и смертны, но наше ограниченное понимание имеет для этого процесса значение. Точно так же значимы и наш субъективный эмоциональный отклик, и то, что каждый раз мы несколько иначе воспринимаем как суть заповеди, так и то, на что эта заповедь направлена.

Ō ĩ è é ö p ù è é Ō ĩ ð ó á ä ö ä , ĩ ð ĩ ò è á ĩ ð á : à ù à ĩ Á è ĩ ö á

Узы, связующие Б-га и человека, делают нас Его «сотрудниками». Это подразумевает не только соблюдение заповедей: мы столь же ревностно должны блюсти всю Тору, через которую Б-г сообщил нам свою волю.

Вместо того чтобы просто снабдить нас набором инструкций, Б-г даровал нам в Торе Свою мудрость, открыл нам Свою волю. Это был знак доверия к нам, подчеркивающий, что человеческий разум способен самостоятельно вычленять Б-жественные законы и заповеди, заключенные в Торе. Сама мысль об этом кажется невероятной: как человеческий интеллект способен проникнуть в законы Б-жественного разума? Но в самой Торе сказано: «*не на небесах она*» (Дворим, 30:12), но дана людям, чтобы изучали и постигали ее.

Попробуем задуматься над случившимся однажды с рабби Элазаром. Однажды он обсуждал с учеными мужами законы Торы и сказал, что никакой тип печи не может приводить к ритуальной нечистоте того, что на ней готовят. Другие же с этим не согласились.

«Á òíò ááíü - ííáííòáíò òáéí áá, - ðáááé Ýéáçáð íðéááé íáíéí íðíòéáíééáí ááí í ùííéíí ùá áíéáçáòáéííòáá íáíáé íðááíòü, ííé áá íòááðááé áá í íáíéá.. Òíááá íéáçáé íí íðéííòíòááíüéí : “Áíéé çáéíí òáéíá éáé ü óááðéááíð, í òíòü áíéáçáòáéííòááíí òíí ó ááááð íááí!” É ðáçááéííü í íááíí áéíííí “xòí áí òíòéòáíò ðáááé Ýéáçáðá? Çáéíí òáéíá éáé íí ááííðéò”.

Áíòáé ò íááá ðáááé Éáóá é íéáçáé: “Í á á íááííò Òíðá!”»

[xòí éí áéíííí á áéáó?] Ðáááé Éáðü éü íáííííü ýáò: “Í ü íá áíéí ááí áéáííò í íááííí òáá í íð éáé òü, Á-á íá Néíáá í áí éííé á Òíðá: “Í á íéááé çá áíéíííéííòáíí ”» (Óí í éí 23:2.)

Áíòðáòééííü í ííéá ýòíá ðáááé Í áòáí íí òí òí éíí Éééáé é íí ðáóéáááò: «xòí íáááé Á-á éí ááá ýòí áíéí íðíéçí áíáí í?» Éééü áá íòááðéé: «Óéúáéíð í çáðéééííí òíòá Áíááííó í ááí, é íéáçáé Áá “Í íáááééé Í áíü ááòé Í íé, í íáááééé!”» (Áááá Í ááéá, 59á).

Когда человек своим разумом пытается слова и начала Торы, выводы, сделанные им – по желанию Б-га, – имеют ту же силу, что и Его воля!

Рука об руку с этой, внушающей трепет привилегией идет и ужасная ответственность: мы должны быть достойными соратниками Творцу и блости каждую букву связующего нас договора. Тот, кто отступает от указаний Торы, касающихся истолкования сказанного в ней и применения ее законов, полагая, что правила истолкования Писания можно менять по собственному произволу, не понимает, что такое, на самом деле, Тора: это бракосочетание сознания человека и сознания Б-га.

Áí:ü äááóáü íááò

xòí áíòü «áíííòéí íá»?

Íááòü - çáíéòá áíçááéáí í ííðé.

Í íó:áí éü íòóíá 3:17

Между благими деяниями и моральными проступками лежит категория действий, которые можно квалифицировать как «допустимые». Но возникает вопрос: как правильно относиться к этим, вроде бы нейтральным поступкам?

На первый взгляд, Тора дает на этот счет двойственные указания. С одной стороны, Талмуд истолковывает формулу из Торы «Святы будьте» (Ваикро, 19:2) следующим образом: «Блуди святость, даже когда сталкиваешься с тем, что дозволено» (Иевомойс, 20a). С другой стороны, в упрек назарею, который, стремясь к святости, отрекся от вина, сказано: «Разве мало тебе запретов, данных Торой, что ты вводишь свои запреты?» (Недорим, 9:1).

В тридцатой главе книги «Бемидбар» эти два отношения к земным благам персонафицированы в образах дочери, приносящей обет, и отца, наделенного правом этот обет отменить. Обратим внимание, что в главе речь идет о принесении и исполнении клятв. И – среди прочего – о дочери, живущей в доме отца и произнесшей обет воздержания от некоего вида пищи или некоего удовольствия, и об отце, отменившем этот обет.

Как и во всех законах Торы, в этом положении описаны не только отношения человека с миром, но и «отношения», характеризующие внутреннюю жизнь человека, который сам есть «малый мир». В душе каждого из нас есть «дочь», которая бежит физического мира, и «отец», который препятствует этому бегству, своей волей пресекая ее попытки оттолкнуть мир, воздержаться от участия в мирских делах.

Все, сотворенное Б-гом в этом мире, сотворено во благо. Поэтому, несмотря на явные запреты Торы, в мире нет ничего, что можно было бы просто отвергнуть или не принимать во внимание. (Те

элементы, на которые Тора налагает запрет, также служат благой цели: противостоя этим сущностям, человек обретает власть над собой.) Однако человек уязвим и склонен к ошибкам. Вместо того чтобы использовать ресурсы и возможности материального мира для служения высшим целям, человек «увязает» в материальности, склоняется перед ней и, не заботясь о просветлении материального, сам становится его слугой.

Поэтому в тот момент, когда мы осознаем опасность капитуляции перед нашими инстинктами, необходимо предпринять меры, чтобы эти инстинкты обуздать. Мы должны возвести «защитную ограду» запретов и ограничений, иначе сверкающая обманчивым блеском внешняя сторона материального мира затмит для нас его внутренние потенции.

Как только мы произносим обет, отрекаясь от мирского, некая сущность внутри нас, облеченная бо льшим авторитетом, уже готовится этот обет отменить. Эта глубинная самость, которая находится ближе к трансцендентному порядку вещей, остается незатронутой мирскими соблазнами. И по мере того как человек обретает власть и контроль над собственной жизнью, он постепенно отменяет наложенные на себя ограничения, ибо обретает способность использовать Б-жие дары надлежащим образом.

Daí daçai ò àöëy, nãyçii è ààéí nò àí

Òdè òdřái ý í àøæ nũii í nò è èæé ààđáá

Daáæ Áèèáí àí àí òèè: «Èpraèi ÷ àéí àæ, èáí í í áúé mçáí í í í áðáçó Áæèp. Ýòà èpáí àí àí à í èéü áá í í òí ò ÷ òí àí ó áúéí nêaçáí í í á yòíí : “Í í í áðáçó Áííí èéü í á mçáæ Í í ÷ àéí àæà” (Áðáçó èñ 9:6). Èpraèi ù èpðæéí çü ý í á èáí í í è í á çü à ð ò ñ ý á à ò ù è Áàçáíí ÷ á á á. È ý ò à èpáí àí ò á è è è á à ò ñ ý ò á í, ÷ ò í è í áúéí àá í í ç á ò ù í á yòíí, èæé nêaçáí í: “Nũ í ù áí Á-áí, Áííí èéü í í ó ààø áí ó” (Ááí ò èí, 14:1). Èpraèi ù èpðæéí çü ý í á í í ò í ò ÷ ò í àá í è í á ð á á ò á í ú è è í nò ð ù á í ò. È èpáí àí ý ò à ò á í á í è á á è è á, í í ò í ò ÷ ò í è í áúéí nêaçáí í í á yòíí : “Áàp ááí á í á ð á ó: á í è á í á í ò ð æ á è ó á ù í ò ò ð ù í í á s” (Í è ø è á è, 4:2)».

Í í ó: á í è ý í ò ò í á 3:18

Рабби Акива был одним из величайших мудрецов еврейского народа. Он не претендовал на еврейские корни, так как происходил не из исконного еврейского рода, но был сыном родителей, сознательно перешедших в иудаизм. Воспитанный как еврей, он при этом до сорока лет совершенно не знал Торы, не умел читать и был безграмотным пастухом. И, тем не менее, рабби Акива стал одним из важнейших звеньев в изучении и передаче Торы.

Он смог, отталкиваясь фактически лишь от собственного опыта, постигнуть все три составляющие, которые делают еврея – евреем. Именно эти три составляющие сформулированы им в поучении, которое вынесено в эпиграф этой главы. В поучении рабби Акивы речь идет о человечности, принадлежности к еврейскому народу и изучении Торы. Эти же три черты можно сформулировать в иных терминах, описывающих нашу связь с Б-гом: мы есть отражение Всемогущего, мы связаны с Ним и мы заключили с Ним союз.

Í ò ð á æ á í è á è nãyçii

По сути своей человек есть отражение Б-га. Человек наделен разумом, волей и свободой выбора. Все это – атрибуты Б-га. Он даровал эти качества человеку как венцу Творения, сделал человечество «смертным зеркалом», в котором отразилось всемогущество Творца.

Принадлежность к еврейству связана с одним из глубинных аспектов наших отношений с Б-гом. Сказано нам от Б-га, что эти отношения подобны узам, связывающим отца и сына. Среди всех народов, населяющих землю, Б-г выбрал народ Израиля, чтобы тот был Его представителем в этом мире. Во имя этого Он дал нам заповеди многообразные, как сама жизнь, наставления, чтобы наша жизнь была наполнена Его присутствием.

Само слово «мицвойс» (заповедь) означает как «предписание», так и «связь». Повелев выполнять те или иные действия, Б-г дал нам возможность через эти действия прикоснуться к Нему,

установить с Ним связь. Ему было угодно пожелать, чтобы мы совершали поступки. При этом Его желание не имеет ничего общего с желанием, присущим этому миру, когда речь идет о восполнении чего-то, ибо Б-г ни в чем не испытывает недостатка. Но, исполняя Его волю, мы смогли установить с ним связь.

Поэтому наша сущность созданий, сотворенных по образу и подобию Б-га, в большей степени связана с тем, что мы есть, а не с тем, что мы делаем. С другой стороны, наша сущность евреев связана с тем, что мы наделены возможностью установить связь с Б-гом, сделав наши жизни орудием Его воли. (*В конечном счете, «еврей, даже отступившись, не перестает быть евреем» [Сангедрин, 44a]*). И еврей, пренебрегающий исполнением заповедей, в меньшей степени «сын Бга», чем тот, кто ревностно соблюдает все установления Торы. Но это не значит, что наша принадлежность к еврейству никак не связана с заповедями. Избрание нас Бгом среди других народов определяет нашу сущность как евреев, исполняем ли мы заповеди или, Б-же упаси, нет. Но мы являемся евреями именно в силу нашей особой связи с Бгом, а связь эта осуществляется через заповеди. Исполняя их, мы реализуем эту связь в буднях нашей жизни, – в противном случае эта связь остается лишь потенциальной возможностью.)

Īäæää è ìèüà

Исполнение заповедей может быть лишь «внешним» действием, не затрагивающим глубин человеческого «я», – чем-то существующим лишь на уровне поведения. Однако чисто «механическое» исполнение заповедей тоже важно. Ведь даже «механическое» действие – «механически» произнесенные слова или скользнувшая по поверхности сознания мысль – остается тем действием, которое назначено нам Б-гом во имя исполнения Его воли. При этом следует помнить, что, даже исполняя все заповеди, человек может воспринимать их совершенно отстраненно и они не будут оказывать никакого воздействия на его «я».

Но кроме заповедей есть еще Тора, и с ней связан иной план наших отношений с Б-гом. Как и заповеди, Тора является каналом, который Всемогущий открыл для нас, ограниченных рамками конечного существования в материальном мире, чтобы мы могли прикоснуться к Его бесконечности. Разница между Торой и заповедями – это разница между двумя различными «способами контакта», дарованными нам Б-гом. Заповеди – некоторые конкретные (чаще физические) действия, в которых нашла свое отражение Его воля, а Тора – сообщенная нам Его мудрость, выраженная в понятиях, доступных человеческому сознанию.

Иными словами, исполнение заповедей является осуществлением Его воли в нашей повседневной жизни, тогда как изучение Торы призвано наполнить человеческий разум Б-жественной мудростью.

Этим объясняется, почему Тору часто называют «пищей» для души, а заповеди – «одеяниями» души (см. Тания, гл. 5, и приведенные в ней источники). Рука, повязывающая тфилин или подающая милостыню, сердце, сосредоточенное на молитве, и губы, твердящие ее слова, – все это род активности, утверждающей присутствие Б-жественного в мире, активности, избранной для нас Всемогущим, чтобы через нее была явлена Его воля. Однако, в определенном смысле, эта активность носит односторонний характер: наши тело и чувства поглощены неким действием, но это действие может не затрагивать сокровенных глубин нашего «я». Человек делает то, что предписывает заповедь, но она не может что-либо сделать для человека, во всяком случае, на глубинных уровнях личности, чтобы нечто способно было «работать» в нас достаточно долго. Заповедь «соединяет» нас со Всемогущим, но задействованными оказываются только наши внешние проявления и не происходит трансформации нашей личности. Аналогией может служить отношение между одеждой и тем, кто ее носит: одежда всегда остается лишь внешним покровом тела.

Тора же есть пища для души. Пища усваивается нашим организмом, ее элементы входят в наш органический состав. Сознание, размышляющее над той или иной идеей, не просто поглощено предметом размышления, – оно, в свою очередь, само поглощает эту идею. *«Всякий разум в процессе осознания и постижения схватывает познаваемое и собою объемлет его... И разум также облачается в познаваемое в тот момент, когда он постигает его и объемлет собою... Это удивительное единство, которому нет ничего подобного, и в вещественном мире не существует такого совершенного единства со всех сторон и во всех отношениях»*, – пишет рабби Шнеур-Залман из Ляд (Тания, гл.5).

Если идея, «развернутая» перед сознанием человека, связана с Торой, человеческий разум достигает того «совершенного единства со всех сторон и во всех отношениях» с Б-жественной сущностью,

которую Б-г дает нам познать как Свою мудрость. С одной стороны, разум, занятый постижением этой мудрости, погружается в Тору (само погружение сопряжено с действием и в этом подобно исполнению заповедей), с другой стороны – сознание «поглощает» эту мудрость, так что она становится неотъемлемой частью сознания, а человек, тем самым, изменяет свой взгляд на мир, изменяется внутренне.

Все это можно сформулировать следующим образом:

душа, просто в силу того, что она такова, как зеркало, отражает свой Бжественный исток;

исполняя заповеди, еврей делает следующий шаг в укреплении своей связи со Всемогущим, когда эта связь становится не просто смутным отблеском и не всегда осознаваемым «проводником» Бжественного в мир, но – активно формируемым действием в мире;

изучая Тору, еврей не только устанавливает контакт с Б-гом, но достигает слияния с Ним в буквальном смысле слова.

Ènoîdeÿ, aeiãaöeÿ è îaeí aáiü eae ííè íðemònoãpò á aeeci è aãdaÿ

История рабби Акивы отражает историю всего еврейского народа. Народ Израиля, точно так же, как рабби Акива, – это потомки тех, кто «обратился» в иудаизм. Б-г запечатлел Свой образ в сознании первого сотворенного Им человека, но прошло более двух тысяч лет, прежде чем Он положил начало пути, который привел к избранию Израиля народом Б-жым. И в самом начале формирования еврейского народа тот уже знал «вкус» Торы, и единение евреев с Б-гом было глубоким. Достаточно заметить, что еще во времена египетского рабства Всемогущий говорил о еврейском народе: «Израиль – мой первенец!» (Шмойс, 4:22), и евреям уже тогда было велено соблюдать целый ряд заповедей. Однако только 6 числа месяца сивана в год 2448-й от сотворения мира (1313 г. до н.э.), когда весь народ Израиля стоял у подножия горы Синай, Всемогущий даровал нам Свою Тору, открыв новые глубины связи между Ним и нами.

В некотором смысле каждый из нас в течение своей жизни проходит через эти три стадии, и их же можно выделить в каждом дне нашей жизни: так большой космос мироздания отражен в микрокосме человека. С момента нашего рождения мы – человеческие существа, в которых отражен и запечатлен облик Б-га, по подобию которого мы созданы. Но та наша сущность, которая делает нас евреями, полностью реализуется, лишь когда мы достигаем возраста двенадцати (для девочек) или тринадцати (для мальчиков) лет, когда мы принимаем на себя обязательства соблюдать заповеди и тем самым становимся человеком из народа, избранного Б-гом. И хотя мы учим слова Торы с того момента, как начинаем говорить, но только лишь после многих лет углубленного ее изучения – на протяжении этого процесса мы достигаем высоких степеней познания и наш разум обретает зрелость: то, что необходимо для истинного постижения мудрости Всемогущего, – мы, наконец, обретаем радость подлинного единения с Б-гом.

Если говорить об одном дне нашей жизни, то аналогия будет выглядеть так: утром, перед пробуждением, мы обретаем контроль над всеми данными нам способностями. Но наша связь с Всемогущим в этот момент носит абсолютно пассивный характер: она существует просто потому, что мы такие, какими Он сотворил нас. Мы – зеркало Бжественных качеств и атрибутов, которыми Он нас наделил. Следующий шаг: пробуждение нашего сознания для восприятия Б-га мы выражаем в словах утренней молитвы («Возношу Тебе благодарность, Живой и Вечный Царь, за то, что восстановил мою душу: велика верность Твоя»). Служа Б-гу молитвой, мы актуализируем наше «я» как евреев и тем самым устанавливаем «сыновнюю» связь с нашим Небесным Отцом. И, наконец, мы переходим «из зала молитвы в зал учения» (Брохойс, 64а), где сознание еврея и сознание Бга сливаются воедино.

Áñací aí eá è ññáiãã áñáiðã

Áñã í ðãñí ðãñãáí í, íí :aeíããeo aái à ññáiãã (áñáiðã).

Í íó:áiÿ íòõíã 3:19

На протяжении веков наши мудрецы говорят о двух основаниях иудаизма: о всезнании Б-га и свободе выбора, дарованной Им человеку. Немало было написано о кажущемся противоречии между этими двумя принципами: разве может человек иметь свободу выбора, если знанию Всемогущего нет

предела и Он провидит все, что произойдет? Если Б-гу «уже» ведомо, что я совершу завтра, не является ли моя свобода выбора иллюзией?

Рамбам писал:

«Свобода выбора дана каждому... Учение о свободе выбора – одно из тех начал и столпов, на которых покоится Тора. Сказано: *“Смотри, предложил Я тебе сегодня жизнь, и добро, и смерть, и зло”* (Дворим, 30:15), то есть – выбор в твоих руках... Ибо если бы Самим Б-гом назначено человеку стать праведником или грешником, если бы в самой сути каждого из нас изначально было заложено нечто, толкающее его именно к этому жизненному пути, этим убеждениям, предопределяющее его черты характера и поступки... как мог бы Б-г велеть нам через пророков: “делай то-то” и “не делай того-то”, “исправь пути свои” и “не поддайся искушению”?.. Что значила бы тогда Тора? И о каком справедливом воздаянии праведникам и грешникам может тогда идти речь?..

Можно задаться вопросом: “Конечно же, Б-гу ведомо все, чему суждено произойти. Но – прежде чем некое деяние совершено – знает ли Б-г, поступит ли совершающий сие как праведник, или как грешник? Если Б-гу известно, что человек этот поступит праведно, то он не может поступить иначе. Если же утверждать, что Б-гу ведомо, что человек поступит праведно, но при том у человека есть возможность в этих же обстоятельствах выбрать грех, то тем самым утверждается, что Б-г не обладает всезнанием!” Знайте же, что ответ на этот вопрос – *“длиннее земли мера и шире моря”* (Иов, 11:9). На том зиждутся основы основ, и великие горы стоят на том. Но осознайте, что я хочу поведать вам сейчас. Во второй главе “Законов оснований Торы” нами изъяснено, что “сознание” Б-га не есть нечто иное по отношению к его существу, как видим мы то в человеке. Б-г и “сознание” Его есть одно, – и не в силах человеческий разум сие объять. Как не может человек постигнуть и объять истину Творца, сказано же: *“Не может увидеть Меня человек и остаться в живых”* (Шмойс, 33:20), так не может он постигнуть и объять “сознание” Творца. Как сказал пророк, *“мысли Мои – не ваши мысли, и не ваши пути – пути Мои”* (Ишайя, 55:8). Следовательно, нам не дано познать природу Б-жественного знания всего сущего и всего, что произойдет. Но мы знаем несомненно: деяние человеческое – в Его власти, и Б-г не принуждает человека совершать что бы то ни было...» (Законы покаяния, гл. 5).

Рабби Авраам бен Давид (известный как Раавад), написавший множество глосс к Рамбаму, говорит в связи с этим следующее:

«Здесь автор поступает не так, как свойственно мудрым: не следует начинать рассуждение, не будучи способным закончить его ясным выводом. Он же начинает с того, что указывает на сложную проблему, потом оставляет ее неразрешенной и обращается к аргументу веры. Лучше было бы оставить это вопросом веры, для неискушенных, вместо того чтобы смущать их противоречием и оставлять в сомнении...»

Рабби Авраам заключает этот пассаж так: «хотя нет на поставленный вопрос определенного и ясного ответа», он бы предложил «что-то вроде решения» проблемы, поднятой Рамбамом. Суть мысли рабби Авраама такова: Б-г знает, какой выбор сделает человек, однако это знание никак не влияет на природу человеческого выбора. Это можно сравнить с «предсказанием звездочета», который знает, как будет действовать некий человек, но ни в коей мере не предопределяет его действия.

В комментарии «Тойсфойс Йом-Тов» на интересующее нас поучение рабби Йом-Тов Липман Геллер, разрабатывая эту проблему дальше, ссылается на решение, предложенное рабби Шмуэлом Укедой в работе «Мидраш Шмуэл»:

«Прежде всего, здесь нет противоречия. Знание Б-гом будущего есть результат того, что Ему ведомы деяния, совершаемые человеком в настоящем. Точно так же как, наблюдая действия ближнего, мы вовсе не принуждаем его к совершению этих поступков, так и Б-г, созерцая творимое нами, ни к чему нас не принуждает. И нельзя утверждать, что, поскольку Б-г знает, что совершит человек в будущем, тем самым Он предопределяет эти действия, ибо для Б-га нет “того, что до” и “того, что после”, ибо Он не подвластен законам времени... В Б-жественной реальности нет “будущего”, – вся полнота времени для Б-га есть “настоящее”. И как наше знание настоящего не влияет на будущее, так и Его знание всегда пребывает в Его “настоящем” и потому не предопределяет [наши поступки]...»

В «Тойсфойс Йом-Тов» сказано далее, что «этот вывод согласуется с замечанием Раавада, сравнившего знание Б-га со знанием звездочета».

Dyā āi dīmā

Учитывая вышесказанное, попробуем кое-что прояснить. Как ответил бы Рамбам на доводы Раавада? И почему возникла философская дискуссия о проблеме, для которой нет философского решения?

Впрочем, утверждение «Мидраш Шмуэл», что «здесь нет противоречия», кажется, имеет под собой веские основания. Б-г, являясь Творцом времени и пространства, явно трансцендентен по отношению к ним. И для Него вся полнота времени – открытая книга. Однако утверждать, что Он «уже» знает будущее ранее, чем мы, смертные, достигнем соответствующей временно й точки, равнозначно тому, чтобы пытаться описать Его реальность в понятиях, присущих реальности дольного мира. В описании, адекватном Его реальности, Бжественное знание не предвосхищает наши деяния, а напротив, является результатом того, что Он обнаруживает в нашем будущем (подобно условному звездочету Раавада, который способен «читать будущее», но не влиять на его ход).

Но почему же сам Рамбам не предложил такой ответ? Нет ли причины, по которой он просто не удовлетворился подобным объяснением? Точно так же, как Раавад, который, казалось бы, дает ответ, но называет его лишь «чем-то вроде решения проблемы», а в конце добавляет, что «на поставленный вопрос нет определенного и ясного ответа»? И, наконец, если всякий ответ на этот вопрос уязвим (а это явно осознают и Рамбам, и Раавад), то почему об этом не задумывается ни автор «Мидраш Шмуэл», ни его комментаторы?

Éîé dīā cī āîéü

Ключ ко всем этим вопросам мы найдем в «ответе, ответом не являющемся», который предложен Рамбамом. Вместо того чтобы просто констатировать: человек не может постигнуть Бжественный разум, Рамбам ссылается на свою более раннюю работу, где он писал, что Б-г и Его «сознание» есть одно целое. Обратимся непосредственно к указанной Рамбамом второй главе его «Законов оснований Торы», где сказано:

«Все сущее, кроме Создателя, – от высших [духовных] форм до последней мошки, копошащейся в грязи, – все обладает бытием лишь силою Его реальности. Потому, зная реальность Своего бытия... Он тем самым знает все.

Б-г осознает Свою реальность и знает ее так, как она есть. Он “знает” ее не “сознанием”, отличным от Него Самого, как то свойственно нам. Мы и наше сознание пребываем разделенными; Творец же – Он, Его сознание и Его бытие – всецело едины. Ибо, если бы Он знал “сознанием”, отличным от Него, существовало бы несколько “Бгов”: Он, Его сознание и т.д... Тем самым мы должны заключить, что Он есть знающий, знание и сам познающий ум, существующие в одном и как единство. Это нельзя выразить словами, внять слухом и понять сердцем людей...

Тем самым, Он знает все тварное не как мы, когда воспринимаем то, что существует вне нас, – Он знает все через восприятие Собственного бытия».

Таким образом, не совсем правомерно приписывать Б-гу атрибут «знания». Обладание «разумом» и «знанием» – в нашем понимании этих терминов – оказывается связано с несовершенством и дробностью. О несовершенстве речь идет потому что нечто, отличное от меня (знание), дает мне то, чем я не обладаю. О дробности же мы говорим здесь потому что «знание» предполагает как минимум три составляющих: «я» – обладатель знания, информация, которой «я» обладает, и разум, усваивающий информацию. И если я знаю множество вещей, то количество составляющих, образующих мое познающее «я», многократно возрастает. Да, эти компоненты образуют некую общность, но эта общность глубоко отлична от того, что есть Б-г, который суть абсолютное, чистое единство.

Поэтому Рамбам говорит, что, приписывая Б-гу знание всего сущего, мы должны сделать заключения: Его знание бесчисленного множества фактов, связанных с нашим существованием, по сути своей есть единое знание (учитывая, что «сущее» является всего лишь выражением Его бесконечной творческой силы); Он знает Себя не посредством отличного от Него «разума», но Он, Его знание и Его «разум» составляют одно целое.

Хасидизм идет дальше. Согласно этому учению, сам акт творения есть акт Б-жественного познания. Выбрав «знание» о Себе как об истоке тварного существования, Всемогущий даровал бытие и реальность всему сущему. Следовательно, всякое тварное бытие есть не что иное, как знание о нем Б-га.

По словам рабби Шнеура-Залмана из Ляд, *«знанием Себя самого Он знает всех сотворенных, ибо все – от Него, ибо само это знание есть жизнь и бытие, и именно это знание вызывает сущее к бытию из небытия»* (Тания, часть II, гл. 7).

Поэтому совершенно невозможно описать знание Б-гом будущего или же Его знание прошлого как проистекающее из фактов и событий нашего существования. Наоборот, факты и события нашего существования порождены знанием Б-га о них.

Ôèì öòì

Однако заметим, что, кроме этого единого всеобъемлющего творящего знания, существует и иной уровень Бжественного знания.

По сути, людские деяния никак не затрагивают Б-га. *«Если ты грешил, – что ты сделал (этим) Ему? И, умножая прегрешения твои, – что причиняешь ты Ему? Если праведен ты, – что дашь Ему?»* (Иов, 35:6,7). Б-г избрал иное: Он внимателен к нашим деяниям, Ему «приятны» одни наши поступки, тогда как другие – вызывают Его «гнев» (*«Благоухание, приятное Б-гу»* (Ваикро, 1:9); *«Приятно Мне, что Я дал заповедь и воля Моя была исполнена»* (Сифри, Бемидбар, 28:8); *«Они... гневили Меня светой своей»* (Дворим, 32:21); *«Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше... чтобы не возгорелся гнев Б-га на вас»* (Дворим, 11:16,17). Он придал Себе эти «черты» с тем, чтобы связь с Ним была для нас значима.

Этот феномен известен как «цимцум» («сжатие»): Б-г «истекает» в тварный мир таким образом, что «ограничивает» свою бесконечную сущность, принимая ограниченные атрибуты, чтобы установить связь с нами.

На этом уровне, «по эту сторону цимцум», знание Б-га о нас можно сравнить со знанием, свойственным человеческому разуму: Он знает нас по делам нашим. Но одновременно Он знает и иным, высшим знанием, которое есть часть Его знания о Себе, – и на это знание тварное не оказывает никакого влияния. Хасидизм говорит об этих двух уровнях Б-жественного знания как о «высшем знании» и «низшем знании» (см. Тора Ор, 15а).

Î î çî àî è á î áî î çî à à à à î î ã

Мы помним восклицание поэта: *«Высота небес, земная ширь, глубина бездны – кто их постиг до конца?»* (Апокрифы, Бен Сира, 1:3). В свете вышесказанного, мы начинаем понимать, что воззрения Рамбама, Раавада и других на проблему Бжественного знания и свободы выбора различны.

Явленное нам воздействие Б-га на наше существование (так же, как Его «реакция» на наши поступки) развертывается в рамках, заданных ограничениями, связанными с «цимцум», и теми атрибутами, которые принял Б-г. Поэтому можно говорить, что в этом случае «нет противоречия» между всезнанием Б-га и свободой выбора, данной человеку. «Низшее знание» Б-га, хотя и не подвластно временным, пространственным и прочим ограничениям, все же остается знанием, близким к человеческому. Это знание рождено из Его наблюдения за нашим существованием (будь то прошлое, настоящее или будущее), поэтому не влияет на нашу свободу выбора.

Но, по сути, Б-г знает нечто не потому, что это нечто произошло. Он знает это, зная Себя, знание же сущего, в свою очередь, вызывает это сущее к бытию.

Это «высшее знание» является частью реальности, существующей «по ту сторону цимцум», и потому не оказывает какого-либо осязаемого воздействия на наш опыт. (Вообще, всякое логическое рассмотрение связи Б-га с нашим существованием должно сводиться к реальности «по эту сторону цимцум», ибо все существующие феномены, включая логику и законы, порождены цимцум. Столь же ясно, что нельзя говорить об «определениях» и «противоречиях», обсуждая Творца логики в Его бытии «по ту сторону цимцум»: в этом смысле Б-г чужд всяким определениям.) Вот почему «Мидраш Шмуэл» и

не только личность и характер человека, но видит его истинную сущность: каждый из нас свидетельствует о Б-ге, сотворившем нас по Своему образу и подобию. Каждый человек выражает один из бесчисленных ликов Создателя, являясь, тем самым, неповторимым «окном», через которое мы можем видеть всеобъемлющий, явленный всюду источник мудрости. Вот почему истинно мудрый смотрит на каждого из людей – даже на глубоко порочного – как на того, кто несет весть о Творце.

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

ВЫДАЮЩЕМСЯ НАРОДЕ

Насколько еврейский народ выдающийся, обычно судят по его истории, щедрой на подтверждения этого факта. Самое весомое из них, вероятно, долголетие. Вопреки гонениям и утратам, преследованиям и травле, а то и акциям массового истребления. Вряд ли на долю какого-либо другого народа досталось то, что досталось евреям. Таким образом, места для зависти нет.

Фортуна, конечно, никого не баловала. Но даже на таком фоне евреи не значились в ее любимцах. А кто значился, коль многонациональный перечень мучеников и жертв бесконечен? Однако именно евреям суждено было держаться в списке прочнее, чем другим. Хотя и другим доставалось, а фавориты зачастую делались изгоями. Евреи же лишались передышки. Их вина была априорной, вечной и бредово безмерной. Бредовость поддавалась доказательствам. Но и они не исключали давних обвинений и новых спекуляций.

Тоталитарные режимы минувшего века вряд ли восторжествовали бы без антисемитизма как питательной среды. Будь то гитлеризм или сталинизм. Различие между ними в методах, в масштабе. И последствиях. Немцы принесли общенародное покаяние. Россия довольствовалась отказом от анкетных ограничений. Этого хватило, чтобы многие обладатели «пятого пункта» реализовали свой потенциал, заняли места сообразно способностям, склонностям. Кто-то попал во власть, кто-то – в закрытые для него прежде сферы науки, кто-то преуспел в бизнесе.

Всё, казалось бы, в порядке. Но всё ли?

Быть евреем в нынешней России – это значит (в идеале) быть этически безупречным. Что и вообще-то нелегко, а в условиях почти откровенного отказа общества и государства от нравственных ограничений, в условиях вседозволенности и произвола вряд ли достижимо. Но народ, претендующий на роль и звание выдающегося, должен добиваться недостижимого.

Нет уверенности, что его сыны, обладающие финансами и властью, уже совершили этот подвиг. Уже добились. Помня о своей принадлежности к выдающемуся народу, чья роль и чье место в очередной раз ставятся под сомнение. Пусть и не с гитлеровской беспощадностью, не со сталинским коварством. Но тенденция просматривается. Национализм – в какой уже раз – претендует на роль государственной идеологии. Пока еще не слишком громогласно, однако уже достаточно определенно, не встречая сколько-нибудь реального противодействия.

Партии, победившие при последних выборах в Государственную Думу, так или иначе, одни откровенно, другие – слегка прикрито, строили свою агитацию на национализме.

Об испытаниях, в очередной раз ожидающих еврейский народ, остается догадываться. Но необходимость подтвердить свою роль, свое историческое призвание вне сомнения.

ΣΗΓ

Νεὶ ἰὶ Ἀεαεῖαμῖ

*Γαεῦγῃ πῆεοῦ ἰ ἀσοδαίλαε πῶε εεοῦ ἰὶ ἀλαοῖαὶ ὁ ἀεῖα ὀαε, ἰαῖδεῖαδ, ÷οῖ
πῶοῖααοῖγῃ ῥα ἰ εδεῖααὶ ε ἰ-αδῖααοῖεῦ ἰὶ ἰεεῖεῖε, ὀεοῖ πῆαοαβῶε ἰ ἰαα ἰα ῥαῖ ερ? Ἰοεῖα
ἀαδῶοῖγῃ γοε ἀεῖα αἰ ἄεῖ? Ἰ ἰεαὸ αῖοῦ, γοῖ ἡαῖ ἰ ἰααῖ ἄαῖδεὸ ἡἰαῖ ε?*

*Ἰεῖοεεεῖ ἰαῦγῃγῶ, ÷οῖ ἄα ἰ ἰαοαδεαεῖεῖε Ἀπῆαῖεῖ εἰαὸ ἡαῖ ἀοῖαῖε
ἰαδαεεῖεῖ Ἰἰαῖαῖ ὀῖ ὀ, εἰε πῆα - ἀλαοῖα ἰδῖαεῖεα ἰ ἰοεε ÷αῖεῖε, ἰ ἄα - ἀἰδαεαῖεα ἄα
ἰαδῶε, ἰα ἰαοῖαε ἀἰοῖα, ὀαε ε ὀεε-ἄεεα γαεῖεῖ ἰ ἰαῖαοῖα ἰδῖεῖοεαεα ὀ εῖ ἀοῖαῖε
δαεῖεῖ πῶε. Ἰ ἰε ἰ ἰ ἰ ἰεα ἰ ἰεαεὸ ἄα ἰδῖαεῖεαῖ.*

*ὀαεῖ ἰαδαῖ, ἡαῖ - γοῖ εἰαε ἰαδῶε, γοῖ Ἀ-αῖαῖαῖεῖε ἄαῖ ἰαδῶαβῶεεῖεῖ ε ἰαῖ
÷αδῶεεῖεῖ ἰε ἰαδαῖ ἄεῖ ὀῖα, ÷οῖαῖ ἰ ἰ ἰεε ἄαῖδεῖγῶοῖαῖ ἄαῖ ε ἰγῶοῖ ÷αῖαῖ ε.*

Метеоролог может рассматривать снег как результат смены давления и уровня осадков. Физик признает в снеге субатомные частицы, которые и создают его. Но мистик усматривает в снеге проявление космической энергии и считает, что он освящает грани нашей души.

Рассмотрим, что же такое духовная суть снега?

Вода во всех своих формах есть символ знания. Вода, падающая сверху вниз, олицетворяет передачу знаний, это – поток информации, от учителя к ученику. На космическом уровне вода принимает формы дождя и снега. И дождь, и снег отражают различные пути, по которым из высокой – духовной – сферы течет к нам Б-жественная энергия. Таким образом вода, текущая вниз, – это символ того, как Г-сподь передает нам Свою энергию. Это – канал, где взаимодействуют наше материальное существование и Б-г.

Цель существования – установить единство между Б-гом и человеком. Установить, чтобы мы в своем ограниченном материальном бытии могли вступить в доверительные и равноправные отношения с Б-гом. И тем самым – смогли бы стать едины с Ним. Для достижения этой цели нельзя поступаться ни Б-жественным, ни человеческим. Если бы подобное единство было достигнуто на условиях, продиктованных Б-гом, тогда оно аннулировало бы самобытность человека, зачеркнув его существование как личности. Можем ли мы, то есть наши «эго», с нашими тщеславными стремлениями и нуждами, сосуществовать в единении с Б-гом? С Тем, Кто бесконечен, безграничен и не поддается определению?

С другой стороны, единение с Всемогущим, осуществленное на наших – материальных, конечных – условиях, было бы ущербным для Б-га. Потому что тогда Ему пришлось бы ограничить Себя нашими возможностями, ограничить Себя нашим существованием.

Если бы вода – Б-жественная премудрость – текла постоянно, тогда она неминуемо затопила бы и уничтожила все вокруг, не позволяя существовать никому и ничему, кроме нее самой. Поэтому вода и течет более или менее размеренно и каким-то удивительным образом рассредоточивается повсюду. Порой вода течет в виде дождя, порой замерзает и превращается в другую субстанцию – в снег, град или в нечто

среднее вроде снега с дождем. Но стоит лишь вдуматься, и мы осознаем: все это – метафоры, рисующие, как наш Учитель следит за потоком воды и какими средствами преобразует знание в такие формы, которые Его ученики в состоянии усвоить.

Дождь – это форма передачи воды, более всего отвечающая условиям Б-га. Дождь падает каплями, символизируя какой-то уровень сжатия материи. Дождь, однако, падает непрерывно, как поток информации, сохраняя при этом текучесть и быстро впитываясь в почву.

Лед, наоборот, – передача информации, больше отвечающая условиям получателя. В виде льда информация приобрела компактную форму, дабы ученик смог быстрее вобрать ее и освоить. Вода перестала литься потоком и приобрела форму льда, твердого тела. Для чего? Дабы ученик не был ошеломлен непрерывным потоком новых идей и успевал их усвоить.

Снег – промежуточная стадия между жидкой водой и твердым льдом. Чтобы глубоко и всесторонне оценить духовные аспекты этого процесса, необходимо детальнее ознакомиться со свойствами снега. Для формирования снежинки требуются, по меньшей мере, три компонента. Во-первых, необходим холодный воздух, это ясно. Во-вторых, нужен пар, то есть мельчайшие капельки воды в воздухе. И, наконец, в-третьих, в этом паре необходимо наличие ядра. Ядро, в свою очередь, состоит из пылевых осколков – минералов или других находящихся в воздухе микроскопических частиц. Снежинка образуется в тот момент, когда вода обволакивает эти микроскопические частицы, и при этом холодный воздух превращает ее в кристаллы льда. Таким образом, снег, а значит, каждая из составляющих его массу снежинок, состоит из двух компонентов – из воды и земли.

Земля – материальный мир, не знающий Б-га. Вода – познание Б-га, это – Б-жественная энергия, передаваемая нам без каких-либо «контейнеров-емкостей».

Таким образом, именно снег, будучи наполовину небесным, а наполовину земным телом, является идеальным посредником между этими двумя мирами.

Снег состоит из отдельных снежинок, каждая из которых представляет собой фактически независимое целое. Каждая из снежинок состоит примерно из сотни ледяных кристаллов. Снежинки подчас слипаются друг с другом, но в то же время они вовсе не существуют как что-то единое. Хотя при этом снег и состоит из капелек, и когда каждая капля соединяется с другой, лишь тогда они в массе становятся единой водой.

Каким же представляется символический смысл этого явления в потоке передачи и усвоения знания?

Когда учитель должен достучаться до своего ученика, который находится на низком уровне знаний и понимания, он не может допустить, чтобы вода информации текла свободно, бесконтрольно. Приходится облекать ее в метафоры, поток знаний приходится выдавать строго отмеренными дозами. А для того чтобы ученик понял новую концепцию, учитель отталкивается от какого-то отправного пункта, ссылаясь на то, что ученику уже известно. Поэтому учитель нередко использует примеры, анекдоты, разные истории и аналогии.

Снежинки подобным же образом иллюстрируют необходимость сообщать ученику знания постепенно, шаг за шагом, излагая их доступным языком. Снег падает тихо, мягко, наглядно показывая нам, как следует вести себя не только при обучении других, но и воспитывая самого себя. Ясно: так снег учит нас, что учитель должен быть мягким, дружелюбным, понимающим.

Если мы станем обучать с помощью кувалды, – то есть будем обрушивать на ученика непрекращающийся поток знаний, что выйдет из того? Поток этот попросту затопит потенциальный урожай понимания, усвоения – и уничтожит его...

Даже если идет проливной дождь, наука говорит нам, что в небесах – на более высоком уровне, – возможно, все начиналось со снежинок. Итак, снежинки – это символ первого, мягкого шага в деле обучения.

...В ком не вызывала благоговения красота города, сельского пейзажа после снегопада? Белизна и нежность тихого снегопада привлекают нас неизменно. Мы радуемся чистоте снега, когда,

просыпаясь утром, видим, что улицы, укрыты белым одеялом. Снег уравнивает всё. Все дома – от убогих хижин до роскошных дворцов, все автомобили – от шикарных «лексусов» до рабочих лошадок-«хонд» – всё под снежным покровом! Снег способен скрыть нечистоту, нередкую в жизни, и призван напоминать нам о нашей внутренней чистоте.

Итак, снег – это небеса, беседующие с нами, радующие наши души своей чистотой, говорящие с нами тихо и неспешно, чтобы они были поняты нами. Снег – промежуточная стадия между небесами и землей. Мокрый снег – промежуточная стадия между снегом и льдом.

Лед же намного ближе к земле.

Все явления природы – будь то дождь, снег, лед, изморозь или град, – воспринимаются нами, как имеющие определенный смысл. Воспринимаются как дающие нам урок.

В конечном счете, снег должен растаять и превратиться в воду. Но если снега слишком много, если он мешает уличному движению, если замело дороги к нашему дому, тогда мы хотим, чтобы снег поскорее растаял.

Вот и в процессе обучения есть подобное: в учебе обязательно следует делать перерывы. Они просто необходимы, чтобы ученик смог усвоить урок.

...Вода на холоде должна замерзнуть, затвердеть, став льдом. Однако же – рано или поздно! – потеплеет, а тогда лед должен растаять и опять превратиться в воду. Дабы, сделавшись частью нашего организма, вода и далее способствовала его росту и развитию.

Идея метода обучения с помощью использования метафор может быть выражена посредством раскрытия цифрового «секрета» снега.

Гематрия – числовой эквивалент суммы всех букв, составляющих какое-либо слово. Так вот, гематрия слова «снег» (на иврите «шелег»), выражается числом 333 (шин = 300, ламед = 30, гимел = 3).

В кабале сказано, что «шелег» – гематрия трижды взятой буквы алеф. Буква алеф означает число 111 (алеф, ламед и фей = 1 + 30 + 80 = 111). Итак, трижды по 111 равняется 333, а это и есть гематрическое значение слова «шелег» – снег.

В чем же кроется глубинное значение этого факта? Мудрый царь Шломо использовал три тысячи метафор. Число 3000 в буквенном выражении, – это три алефа, так как буква алеф также применима и к слову «элеф» – «1000». Выходит, алеф одновременно равен также и одной тысяче, и это следует тоже обязательно учитывать в гематрии снега. Итак, цифровое значение снега сопряжено еще и с концепцией трех тысяч метафор.

Какова же связь между тем и другим? Шелег (снег) – это концепция самой метафоры. Духовное измерение снега и его призвание – служить посредником между Б-жественной энергией и Вселенной. Снег – концепция передачи знания с помощью метафор.

Космическое значение снега следующее: оно призвано помочь нам понять тот процесс, с помощью которого Б-г создал Вселенную. Ибо Б-г не мог допустить, чтобы духовность и Б-жественность текли вниз безостановочно и размыли бы границы всего существующего. Б-гу необходимо было сдерживать поток. Он и сделал это, а каким образом – отражено в таком явлении, как снег.

Мистический же смысл существования снега – в его двойном качестве: небо встречается с землей, вода – с сушей.

...Когда в следующий раз вы посмотрите на снежинки – эти мягкие создания Всемогущего, падающие с неба и принимающие землю в свои белые объятия, – вспомните о том, что вы являетесь свидетелем поцелуя.

Это – поцелуй двух начал: Б-жественного и земного.

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

МАРТОВСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ РАВВИНОВ В ВЕНЕ

Сто ортодоксальных раввинов, представляющих еврейские общины Восточной и Западной Европы, а также гости из Израиля и США съехались на конференцию в столицу Австрии 1 февраля, чтобы обсудить актуальные проблемы европейского еврейства.

В торжестве по случаю начала работы конференции приняли участие президент Еврокомиссии Романо Проди, главный ашкеназский раввин Израиля Иона Мецгер, главный раввин России Берл Лазар.

В своем выступлении раввин Берл Лазар отметил огромные усилия президента России Владимира Путина по обеспечению свободы вероисповедания во всех регионах страны. Главный раввин России провел встречу с президентом Австрии Томасом Клестилем и мэром Вены Михаэлем Хауплю, а

также принял участие в церемонии вручения «Премии прав человека-2003», учрежденной Раввинатским центром Европы, президенту Еврокомиссии Романо Проди.

Выступая на этой церемонии, главный раввин Антверпена Давид Либерман назвал президента Еврокомиссии «политиком, душой и сердцем выступающим в защиту национальных меньшинств и особенно еврейских общин; самое лучшее средство борьбы с антисемитизмом, – сказал далее раввин, – образование, а самое ошибочное – закрывать глаза на это явление». В присутствии высоких гостей Романо Проди была вручена медаль лауреата «Премии прав человека», а главный ашкеназский раввин Израиля Йон Мецгер благословил его.

По окончании церемонии участники конференции отправились в Lauder-Chabad-Campus, где состоялся прием в честь нового лауреата высшей награды европейского еврейства. Первыми гостей встретили воспитанники еврейского детского сада Вены: длинная цепочка ребятишек, размахивавших флажками ЕС, Израиля и Австрии, символизировала новое поколение европейского еврейства, нуждающееся не только в единении, но и во всеобщем школьном и духовном образовании.

Торжественная церемония открытия нового здания Еврейской педагогической академии в Вене (PADAК) стала центральным событием второго рабочего дня конференции. В ней приняли участие президент Еврокомиссии Романо Проди, министр финансов Австрии Карл-Хайнц Грассе и бывший бургомистр Вены Гельмут Цильк.

Как еврейская преподавательская школа PADAК работала в Вене до 1939 года. Затем последовал почти 60-летний перерыв. В 1997 году учебное заведение было возрождено венским представительством движения Хабад во главе с раввином Яковом Бидерманом. В нынешнем году PADAК-Akademie, в которой обучаются 40 студентов, получила новое здание с просторными аудиториями, помещениями для подготовительных курсов, библиотекой, уютным общежитием. Половина студентов – граждане Австрии, около 30% – граждане стран Евросоюза, остальные 20% – из государств, не входящих в ЕС. Академия готовит учителей для народных, начальных и средних общеобразовательных школ по специальности «Религия и еврейский язык». Диплом Академии признается в Австрии, а также во всех странах ЕС, Израиле и США.

Последний день работы форума целиком был посвящен возрождению еврейских общин в странах Восточной Европы.

Было решено, что Раввинатский центр Европы (RCE), штаб-квартира которого расположена в Брюсселе, отреставрирует 80 свитков Торы, пострадавших в годы Холокоста, а затем передаст их возрождающимся еврейским общинам. Кроме того, RCE, действующий под эгидой движения Хабад-Любавич, в сотрудничестве с Фондом Рональда Лаудера планирует расширить программы отдыха и обменов, ориентированные на детей из еврейских общин Восточной и Западной Европы, направить молодых раввинов в скандинавские страны, Германию, Россию и Украину, чтобы курировать более двухсот недавно образовавшихся еврейских общин, нуждающихся в духовном руководстве.

Конференция завершила свою работу большим торжественным собранием, в котором участвовали представители общественности.

Говоря о ее итогах, главный раввин России Берл Лазар отметил, что одной из важных обсуждавшихся тем была тема антисемитизма. «Опасность этого явления чувствуется сегодня в Европе, но что надо сделать – еще до конца не ясно; ясно лишь то, что требуется немедленная переоценка ситуации, причем с новых позиций. Конечно, повторение Холокоста невозможно, – продолжал раввин. – Я согласен с господином Проди в том, что в новой Европе нужно делать все, чтобы права любой нации были соблюдены и защищены, что должно быть больше толерантности, ясного понимания, что такое ксенофобия, юдофобия, расизм, то есть все то, что представляло собой в Европе проблему многие века».

«Для меня очень важно было рассказать о ситуации в России, – подчеркнул раввин Берл Лазар, – о новых отношениях, которые строятся и уже есть. Я хочу, чтобы Европу и Россию объединял опыт еврейской жизни и они могли быть полезны друг другу, чтобы продолжался религиозный диалог между разными конфессиями».

יְיָ יִסְאָדְעֵנוּ אָמֵן

ЭХУД ОЛЬМЕРТ ПОСЕТИЛ МЕОЦ

Вице-премьер правительства Израиля встретился с главным раввином России

13 февраля в рамках программы визита в Москву заместитель премьер-министра правительства Израиля, министр промышленности и торговли Эхуд Ольмерт посетил Московский еврейский общинный центр. Он осмотрел синагогу, зал для научных конференций, побывал в учебных группах, художественных студиях, ознакомился с некоторыми видами деятельности еврейской общины.

Затем состоялась встреча Эхуда Ольмерта с главным раввином России Берлом Лазаром. Израильский министр высоко оценил достижения российской еврейской общины за последнее десятилетие. Как оказалось, Эхуд Ольмерт хорошо подготовился к визиту: он выказал прекрасную осведомленность в вопросе межнациональных отношений в России, знание основных проблем российской еврейской жизни, и в частности, понимание роли известного предпринимателя и филантропа, президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева в развитии еврейского образования и воспитания в странах СНГ.

Министра интересовало: сколько евреев принимает участие в ежедневных и в субботних молитвах, как община привлекает в свои ряды молодежь, как она противостоит ассимиляции. Раввин Берл Лазар подробно ответил на все эти вопросы. Эхуд Ольмерт не скрывал своего удивления по поводу того, что еврейская община сумела так быстро «вырастить» собственных спонсоров – российских евреев-бизнесменов, активно участвующих в еврейской жизни и материально поддерживающих общину. В беседе было отмечено, что этому во многом способствует как проведение рыночных реформ, так и поддержание межнационального мира, борьба с экстремизмом и антисемитизмом.

Эхуд Ольмерт выразил восхищение зданием МЕОЦ, которое напомнило ему израильскую архитектуру. «Это словно кусочек Израиля среди русского снега, – сказал он, – это символ близости российских евреев к Израилю».

Важное место в беседе израильского министра и главного раввина России было отведено взаимоотношениям светских и религиозных евреев. Не секрет, что в Израиле эта проблема принимает порой конфликтные формы. Раввин Берл Лазар в этой связи подчеркнул, что в России проблема противостояния на почве отношения к вере полностью отсутствует.

«У нас есть много евреев, которые не пришли к вере, но нет ни одного, кто был бы против веры, – сказал он. – Мы вообще не склонны делить евреев на религиозных и нерелигиозных. Все мы – евреи. Долгое время нам не давали жить еврейской жизнью, но сейчас ситуация коренным образом изменилась. Но чтобы восстановить еврейскую жизнь в полном объеме, нужно столько еще сделать! И лучше вместе, чем порознь».

МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ СОВЕТУ РОССИИ ПЯТЬ ЛЕТ

Σεααά ιαι θαάτ: εμνίεί εοαεύύ τέ ηαέδαοαδύ Ι αεδαεεαείγίτα Νίααοά θηί αι Νεεαί ούαά; γαι αηοεοαεύύ ιδααηααοαεύύ Οαί οδαεύύτα Αοοταίτα οηδαεαίεγύ ι οηεύύ αι θηηεε, ι οοοεε Ιαδι ηεεε ιαεαηοε Ι οαί ι αααεε Οοεί; ιδααηααοαεύύ Νίααοά Ι οοοεαά θηηεε ι οοοεε θαεεύύ Ααεί οαεί; αααί τέ θααεί ΕΑΔΙ Ι Δ Ααίεύύ Οααεε; ι εοθηίεεο Νί ιεαί ηεεε ε Εαεείε ιααηηεε Εεεεε; αααί τέ θααεί θηηεε Ααε Εααο; αααά αααεεηεε οδαεοείίίε ηαί αε θηηεε Ι αι αεοί Οαί αι Εαί α Ααί αα Αηοαά

В последних числах января в Паломническом центре Московского патриархата состоялось торжественное заседание Межрелигиозного совета России, посвященное 5-летию его деятельности.

Заседание открыл исполнительный секретарь Межрелигиозного совета Роман Силантьев. Он рассказал о деятельности Совета, принципах его работы и объявил, что 2 и 3 марта нынешнего года по инициативе Совета созывается II Межрелигиозный миротворческий форум.

Роман Силантьев зачитал также поздравление президента России Владимира Путина, направленное участникам торжественного заседания, в котором, в частности, говорится: «Сердечно поздравляю вас с 5-летней годовщиной деятельности Межрелигиозного совета России, объединяющего организации исторически исповедуемых в нашей стране религий – православного христианства, ислама, иудаизма и буддизма. За годы своей деятельности ваша авторитетная организация внесла весомый вклад в сохранение и приумножение традиционных духовных ценностей, ставших неотъемлемой частью нашего общего духовного наследия. Заслуживает глубокого уважения роль Совета в развитии межрелигиозного диалога, в укреплении межконфессионального мира, общественного согласия и взаимопонимания между людьми. И в этой связи поддерживаю инициативу Совета по проведению в Москве II Межрелигиозного миротворческого форума. Желаю вам новых успехов в работе на благо России, во имя процветания и благополучия народов».

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в своем выступлении подчеркнул важность диалога религий; он напомнил, что Совет был создан по инициативе самих представителей традиционных конфессий.

Затем состоялась пресс-конференция. Журналистов интересовал вопрос о предполагаемом введении в школах курса об основах православной культуры. Митрополит Кирилл ответил, что этот курс планируется как факультативный, не входящий в число обязательных предметов. Муфтий Равиль Гайнутдин заявил, что члены Совета имеют четко выработанную единую позицию по вопросу преподавания основ религии в средних школах, и один из ее основополагающих принципов гласит: подобные вопросы нужно решать сообща, чтобы учесть интересы всех конфессий. «Наши дети должны знать и уважать духовную культуру своего соседа – представителя другого вероисповедания», – подчеркнул он. По этому вопросу высказал свое мнение и главный раввин России Берл Лазар: «В школах должны преподаваться основы всех традиционных религий России. Было бы неверно разделять их или говорить детям о плюсах и минусах той или иной религии. Напротив, надо информировать о том, что их объединяет, доносит духовные ценности до каждого учащегося, и тогда дети будут толерантны, хорошо понимающими многонациональную Россию, и станут настоящими патриотами».

Среди других тем был также затронут вопрос о строительстве в Москве, на Ходынском поле, центра Общества сознания Кришны. Митрополит Кирилл выразил «категорическое несогласие» с этим проектом.

Главный раввин России Берл Лазар в этой связи отметил: «Сейчас мы видим усиление активности множества различных сект и миссионерских групп. Разными путями они привлекают верующих из других конфессий – тех, кто еще не окреп в своих убеждениях. Увы, мы часто встречаем различные секты, которые не только не помогают, но и вредят людям, и важно, чтобы органы власти контролировали их деятельность».

На вопрос о том, каковы дальнейшие пути развития межконфессиональной жизни, намечаемые Советом, раввин Берл Лазар ответил: «Межрелигиозный совет показал, что существует правильный путь – путь диалога; он объединяет нас всех, и по этому пути мы должны идти дальше».

Созыв II Межрелигиозного миротворческого форума раввин Берл Лазар назвал важной инициативой. «Впервые форум будет проходить на столь высоком уровне; на нем будут представлены не только основные религии России, но и традиционные религии стран СНГ. И мы хотим показать, что у нас есть общая цель: донести до всех людей идеи мира и добра».

À. Àààààà

ÈÒÁÁÈ ÐÌÑÑÈ ÌÁÈÀÈÈÁÐÒÈÍÒÀÈÕ ÑÌ ÕÑÕÈÌ ÁÌÁÌ ÈÑÒÁÌ Û

Áààí ùé àààé Ðìññé Áàðé Èçàð ìíçàààé ì õñõì áì Ðìññé ñ àààí ùì èñèì ñèè ì ðàçáééè - Èòááì-Áàéðàì, èí òíðé ì òì á-àèñÿ Ì óááàéÿ.

מִן הַיָּמִים הַזֵּהִם הָיָה לְרַבֵּנוֹ הַגָּדוֹל הַזֶּה אֶת הַפְּגָעָה הַזֹּאת וְהָיָה לְרַבֵּנוֹ הַגָּדוֹל הַזֶּה אֶת הַפְּגָעָה הַזֹּאת וְהָיָה לְרַבֵּנוֹ הַגָּדוֹל הַזֶּה אֶת הַפְּגָעָה הַזֹּאת

«Я участвовал сразу в нескольких важных мероприятиях форума, – рассказал раввин Берл Лазар. – Но для меня главной, пожалуй, была встреча представителей религий разных континентов.

Собрались видные деятели основных религиозных направлений: христианства, ислама, буддизма, индуизма и др. Мы вели разговор по комплексу межрелигиозных проблем. Но в первую очередь нам необходимо было выработать позицию, и мы определили ее: «религии мира – за мир»».

В рамках этой встречи главный раввин России сделал один из основных докладов: о ситуации в мультирелигиозном и полиэтническом обществе в условиях демократии, а также о проблемах развития еврейской общины России. «Доклад вызвал большой интерес, – отметил Берл Лазар. – Меня буквально засыпали вопросами. Слушателей заинтересовало, в частности, как традиционные религии отбивают натиск агрессивных сект; мусульманское духовенство хотело знать подробнее об опыте взаимодействия мусульманских и еврейских общин в России (ведь в целом ряде стран, в том числе Европы, это – серьезная проблема); представители Ватикана в связи с предстоящими переговорами с руководителями русской православной церкви хотели узнать, как иудеи уживаются с православными, как находят точки соприкосновения, как учитывают озабоченности друг друга».

Главный раввин России подчеркнул, что придает особое значение повышению роли религиозных деятелей и всех верующих в воспитании терпимости у людей и замене атмосферы конфронтации атмосферой диалога. «Одно из проявлений конфронтации, нетерпимости – антисемитизм и исламофобия. И поэтому важно показать: корни и источники всех религий одинаковые. Но при поверхностном взгляде видны лишь разные проблемы, а при взгляде серьезном становится ясно, что все хотят одного и того же: мира и добра».

Затронув проблему терроризма, раввин Берл Лазар отметил: «Сейчас необходимо найти способ дать понять террористам, что их деятельность ни к чему хорошему не приведет, что надо скорее сойти с пути террора и сесть за стол переговоров, ведь сейчас единственный путь к успеху – это диалог и взаимопонимание».

Главный раввин России принял также участие в двух дискуссиях, проходивших в рамках Давосского форума. В частности, он выступил на семинаре по проблеме глобализации. Это – одна из важных тем, интересующих широкую аудиторию. Глобализация – объективный процесс, продиктованный нуждами экономики, однако на уровне эмоций он вызывает отторжение у значительных групп людей; возникают и конфликты, иногда серьезные. Чтобы преодолеть этот негатив, необходимы образовательные программы, усилия воспитателей.

«Что нужно сделать, чтобы люди мира, особенно дети и молодежь, поняли лучше друг друга и идеи глобализации? – продолжал Берл Лазар. – Нужно, чтобы каждый осознал: его судьба и судьба его страны зависит от судеб других государств. Сегодня никакая страна не может добиться положительных результатов без интеграции в мировое сообщество. И эти идеи нужно нести в массы».

«Есть еще один вопрос, – говорил раввин Берл Лазар, связанный с глобализацией. – Это вопрос о бедности. Мы должны стыдиться самого факта существования людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума. Не им должно быть стыдно, что они бедны, а нам, что они живут так тяжело. И сегодня надо понять, что глобализация, работа другого человека, его удача не менее важны для общества, чем собственные успехи; достижение соседа может помочь тебе».

Вторая дискуссионная арена, где выступил главный раввин России, была организована в Давосе впервые. Ее тема – «Как обрести радость внутри себя?» На первый взгляд данная проблема – не для рассмотрения на экономическом форуме. Но на самом деле это не так: ведь не секрет, что эмоциональное состояние человека, его внутренний мир оказывают важное, едва ли не определяющее влияние на экономические показатели и стабильность в обществе.

На Давосском форуме у раввина Берла Лазара состоялись также десятки серьезных двусторонних встреч; среди его собеседников были политики самого высокого ранга, такие, как президент Польши А. Квасьневский. Особое удовлетворение вызвало то, что встреч с Берлом Лазаром искали члены делегаций многих мусульманских стран, причем не только «умеренных» (Иордания, Марокко), но и весьма радикального плана (Пакистан и даже Саудовская Аравия).

«Представители этих стран честно сказали мне, – отметил раввин Берл Лазар, – что у них есть проблема в отношениях с еврейским государством и поэтому они хотели бы знать, каким образом в России евреи и мусульмане сумели наладить диалог. Из этих бесед я вынес представление о том, что мои собеседники действительно хотят диалога с евреями, но не очень представляют себе пока, как это сделать. И я надеюсь, что наши неофициальные беседы внесли лепту в понимание позиций сторон и создание условий для продвижения вперед».

А. І Шейнман

ДАААЭДІААӨŮ ІА ОАДДИДААСІДААНӨААІІІ Е ІІАНІІ

Совет Безопасности ООН на своем последнем январском заседании не принял внесенную США резолюцию, осуждающую теракт в Иерусалиме, совершенный 29 января в городском автобусе палестинским террористом-самоубийцей, в результате которого погибли 10 израильтян и более 50

получили ранения. Генеральный секретарь ООН Кофи Анан в своем выступлении возложил ответственность за террор в равной степени на Израиль и палестинскую сторону, приравняв теракты против мирного израильского населения к акциям уничтожения вооруженных палестинских террористических формирований. Все это вызвало гневную реакцию правительств Израиля и США, а также волну возмущения еврейской диаспоры во всем мире. В ходе трехчасового обсуждения выяснилось, что большинство стран – членов Совета Безопасности ООН не готово поддержать текст резолюции, однозначно осуждающий палестинский теракт. Мусульманские страны, а также Бразилия и Китай заявили, что будут голосовать против, представители России и Франции – что воздержатся от голосования.

Позиция Франции и особенно России, на себе познавшей ужасы современного терроризма и тяготы борьбы с ним, вызывает удивление и сожаление.

Молчаливое потакание террористам, террору опасно и может стать возвращающимся бумерангом, то есть обернуться против самих себя.

В заявлении Всемирного конгресса русскоязычного еврейства от 2 февраля 2004 года говорится:

«Мы глубоко убеждены, что террор НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не может быть средством разрешения политических споров.

Выражая искреннее соболезнование народу Израиля в связи с постигшей его трагедией 29 января 2004 года, мы одновременно заявляем о своем резком неприятии деятельности Совета Безопасности ООН и Генерального секретаря Кофи Анана и призываем Организацию Объединенных Наций прекратить политику «двойных стандартов» по отношению к террористической войне против Израиля.

Мы призываем всех, кто понимает непреходящую важность противостояния террору, в том числе и мировое русскоязычное еврейство, к объединению и решительным шагам в этой борьбе».

Í tã çãÿããí èãì ñò tÿò í tãí èñè

í ðãííããò ãëÿ È t t ðã è í ãò è í í tã ñããò ã ã è ðò t ðã Ì è ðã è è ã Í ãì è ð tã è tã (ÑÒÀ),

çãì ãñò è ðã è è í ðãííããò ãëÿ È t t ðã è í ãò è í í tã Ñ tããò ã Æ t ðãã Æ t ð è í ã (Ð t ñ èÿ)

è Æ í è ð ð èÿ Õã è ù ù ã í ã (Æã ð ã í èÿ),

è ñ t è í è ðã è ù ù tã ã è ðã è ðò t ðã ã è ðò t ðã

Æã è ð èÿ Ý tã èÿ (Ð t ñ èÿ).

Выставка «Дети против террора» открылась в Киеве

«Если террорист выбирает мишенью детей, какая моральная преграда существует для него?»

Эти слова можно считать эпиграфом к экспозиции.

Выставка, на которой представлены детские рисунки, открылась 2 февраля в киевском Дворце детей и юношества. «Дети против террора» посвящена светлой памяти ребят, погибших 1 июня 2001 года в результате теракта в тель-авивской дискотеке «Дельфинариум».

Идея создания выставки принадлежит матерям двух погибших детей – Фаине Дорфман и Евгении Джанашвили. Эмблемой экспозиции стала недорисованная роза, которую среди рисунков дочери нашла мать погибшей.

Благодаря поддержке Всемирного конгресса русскоязычного еврейства и Еврейского агентства «Сохнут» экспозицию уже посетили тысячи людей в Праге и Берлине, Одессе и Днепрепетровске. Однако особенно высокий статус выставка получила в столице Украины, где к организаторам присоединились Федерация еврейских общин СНГ, ВААД Украины и Институт иудаики.

Открыла выставку супруга главы украинского государства, президент фонда «Украина – детям» Людмила Кучма. В своем выступлении она отметила, что «террор – это ужас, и самое главное – быть равнодушным к этому». Она пожелала мира всем детям. Супруга президента Украины была потрясена историями личных трагедий еврейских семей. Забыв о выделенных протоколом двадцати минутах, она провела на выставке более полутора часов.

В своем выступлении посол Израиля на Украине Наоми Бен-Ами подчеркнула, что терроризм – это грязная война, война без принципов, линии фронта и линии тыла. Она выразила восхищение мужеством родителей погибших ребят, тем, что осиротевшие мамы и папы находят в себе силы бороться с терроризмом тяжелым для них путем: рассказывая миру о своих погибших детях.

Посол США на Украине Джон Хербст отметил, что терроризм сейчас является главной угрозой международной безопасности. «Многие в мире не понимают, какую угрозу для человечества представляет это явление, – сказал посол. – Мы с вами видим здесь рисунки детей, которых больше нет. Чтобы справиться с терроризмом, нам нужны именно такие выставки, экспозиции, которые пронзают сердце».

На открытии выставки присутствовали также посол Великобритании на Украине Роберт Бринкли, члены правительства, депутаты Верховной Рады Украины, руководители украинских и еврейских организаций, журналисты.

Мать погибшей в «Дельфинариуме» Жени Керен Дорфман – Фаина Дорфман специально прибыла в Киев для участия в церемонии открытия выставки. Она сказала, что «глубоко тронута отзывчивостью и большой сердечностью Людмилы Кучмы, которая не могла отойти от экспонатов, не прочтя биографий и стихов каждого из погибших ребят, не посмотрев фильм о жертвах теракта и их убитых горем родных».

Языком изобразительного искусства дети говорят о красоте и многообразии жизни, о том, что никто не имеет права лишать их жизни, преградить им путь в будущее.

В память о погибших во время терактов все участники церемонии зажгли траурные свечи.

У. Аїєї

Ἰὶ ἰὺ ἁἰὸ ἁὶ ὀἰἁἔ ὀἰἁ

Поддержка русскоязычных израильтян – жертв терактов – со стороны израильской общины и еврейской общины России продолжается. 2 февраля в офисе Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ) в Иерусалиме в рамках акции «Спешите делать добро» состоялось вручение материальной помощи.

Пожертвования собирают среди граждан Российской Федерации. Примечательно, что в числе полутора тысяч евреев России, отдавших свои средства, есть не только состоятельные и среднеобеспеченные люди, но и пенсионеры. Собранные суммы распределяются среди пострадавших в терактах на территориях Израиля и России.

Кого поддержали на этот раз?

Директор иерусалимского отделения ВКРЕ Юлия Каплан и председатель Комитета в поддержку Израиля ВКРЕ Шмуэль Азарх вручили чеки шести семьям, пострадавшим в различных терактах на территории Израиля. Среди них были три юные девушки – студентка Людмила Лакир, тяжело раненная в ногу в иерусалимском автобусе № 14, Евгения Кремнева, пострадавшая от теракта в автобусе № 20 в ноябре 2002 года, и Светлана Гельман, потерявшая в этом же теракте мать Симу Новак. Девушки говорили о своем тяжелом положении, о методах лечения, о перенесенных операциях.

19-летняя Людмила Лакир пришла на встречу со своей матерью, специально приехавшей из Украины, чтобы ухаживать за дочерью, обучающейся в Израиле по программе «Сэла». Людмиле трудно передвигаться: она постоянно ощущает боль в ноге.

Большинство семей получает помощь от Конгресса не впервые, а вот Белла Ригер, потерявшая мужа Илью в ноябре 2003 года в результате теракта на строящейся иерусалимской кольцевой автодороге, получила чек от ВКРЕ первый раз. Белла так рассказала о своем горе: «Муж – охранник, но в тот день он был выходной. Хозяин же потребовал, чтобы он вышел на работу, и угрожал в случае невыхода увольнением. Мы и не знали, что его посылают на такой опасный объект, как автодорога. Я не могу прийти в себя после случившегося, все время задаю себе вопрос: “За что?” У нас двое сыновей, которые очень тяжело переживают гибель отца. Младший два месяца не мог разговаривать. Я работаю медсестрой на полставки. Потеряв кормильца, оказалась в тяжелой материальной ситуации». «Чек от ВКРЕ – это первая и очень важная помощь», – добавила она.

Ольге Тагильцевой, матери 14-летней Маши, погибшей при взрыве у дискотеки «Дельфинариум» 1 июня 2001 года, чек переслали по почте. Ольга живет в Нетании и приехать в Иерусалим не смогла.

Теракт в иерусалимском автобусе № 20 унес жизни восьмилетнего Илана Перельмана и его бабушки Киры. Галина Перельман, потерявшая сына и свекровь, рассказала: «Помощь, которую мы получаем, дает мне возможность по крайней мере не думать о том, как свести концы с концами; иначе вообще можно было бы сойти с ума. Я, воспитывая двоих детей без мужа, делила расходы со свекровью, с которой жила вместе. Мне трудно без нее воспитывать старшего сына, оплачивать квартиру. Помощь, которую семья получала в первое время, была больше, но я не жалею. Прекрасно понимаю, что появилось, к сожалению, еще много пострадавших и всем надо помочь. Мы очень благодарны Конгрессу за ту поддержку, которую он нам оказывает».

В. ὀἰἁἔ ὀἰἁἔ

ΑΑΔΑΕΝΕΤΙ Ο Ι ΑΔΙ ΑΟ Ι ΑΕΥΣΒ ΟΑΔΒΟΥ ΝΑΙ Ε ΟΔΑΑΕΟΕΕ Ε ΑΟΟΙ ΑΙ Ι ΝΟΥ

Бранденбурге?

*Ἰτέταάέα «δυνέεε» ἀδίαά α
ι ἀεάιύεε ἀδίαά Αάδι αίεε - γοί «ἀοοί αίύε
Οίείείη».* Οαé η:ε:οάαο ἀεάιύε δάάεί
*ι δάιηδάαε:οάειηδάα ἀεεαάεγ Οάάά α γαί εά
Αδαί αάι αόά Ι γοοί Ι δάη αί.*

Вот содержание беседы с ним корреспондента АЕН Клары Цельш.

– Раввин Прессман, вы работаете на территории, которая, по самым сдержанным оценкам, считается неблагоприятной с точки зрения количества и активности праворадикальных группировок. Какова статистика антисемитских акций с их стороны в

– К сожалению, такой статистикой мы сейчас не располагаем. Дело в том, что вот уже около двух лет еврейской общины в Бранденбурге практически не существует. Однако, насколько мне известно, случаев физического насилия со стороны правых радикалов по отношению к евреям пока не было. Но я думаю, что причина этого кроется в трусости правых: напасть открыто они, видимо, боятся и предпочитают проявлять себя по ночам, когда их никто не видит, и там, где их никто не остановит, – на еврейских кладбищах.

– И как часто они оскверняют кладбища?

– Этого я тоже сказать не могу. По причине финансового кризиса и развала еврейской общины ставка ответственного за еврейские кладбища в Бранденбурге ликвидирована. Поэтому фиксировать случаи осквернения могил или хулиганства на кладбищах сейчас попросту некому.

– Сколько «русских» евреев, живущих в земле Бранденбург и ее столице, Потсдаме, контактируют с движением Хабад?

– Приходят к нам многие. Но важно, не сколько людей пришло, а сколько осталось. Таких более тысячи человек, или около 250 семей. Они еженедельно получают от нас по почте небольшой бюллетень с информацией религиозного характера, в нем содержатся также сведения о важных событиях в Израиле. Всего же в земле Бранденбург мы поддерживаем контакт примерно с двумя тысячами еврейских переселенцев.

– Как это осуществляется на практике?

– В некоторых городах есть достаточно большие (40–50 человек) общины; мы поддерживаем с ними связь, планируем совместную работу. Но есть поселки и деревни, где живут всего 2–3 еврейских семьи, а иногда и вообще одна; люди звонят мне, приглашают, и я приезжаю к ним.

– Экономическая ситуация в восточных землях Германии тяжелая. Безработица привела к тому, что многие населенные пункты бывшей ГДР оказались на грани вымирания: молодежь оттуда уехала, остались старики. Как живется в таких поселках и деревнях еврейским переселенцам?

– Плохо живется. Перспектив найти работу – никаких. Значит, об интеграции в немецкое общество говорить не приходится. Возможность объединиться в еврейское сообщество тоже отсутствует, так как ближайшая синагога находится далеко, иногда в сотне, а то и более километров, а ближайшая община – в десятках километров. Иными словами, национальная жизнь этих людей протекает в изоляции. Что будет с ними по прошествии нескольких лет? Представителями какой национальности будут считать себя их дети?

Ненамного лучше обстоят дела и в достаточно многочисленных общинах небольших городов. Ведь эти общины возникли на голом месте: как известно, на территории ГДР еврейских общин не было. Они создавались и создаются в отрыве от национальных традиций и потому иногда напоминают профсоюзные организации. Убедить их лидеров в том, что еврейство – это прежде всего кропотливое и непрерывное освоение традиций и религии, бывает очень трудно. И в конечном счете в таких общинах со временем социальная работа замирает. Ведь жизнеспособность любого еврейского сообщества определяют прежде всего еврейская ментальность и еврейские традиции.

– Ситуация в западных землях выглядит лучше?

– Ничуть. Возможность интегрироваться в еврейское сообщество получают там лишь те, кто оказывается в крупных городах, где есть солидные, развитые общины. А в городках или деревнях картина та же, что и на востоке страны. И особенно тревожит то, что огромная масса еврейских переселенцев из стран бывшего СССР как раз и оказалась в маленьких поселках.

– Как же вам видится их национальное будущее?

– Очень драматично. Я опасаюсь, что эти люди будут ассимилироваться. Я опасаюсь также, что лет через пять начнется серьезный кризис даже в больших общинах, созданных в последние годы. Тенденция ставить во главу угла социальную и культурно-массовую работу может их развалить.

– Существует ли решение этой проблемы, о которой вы только что говорили?

– Представители движения Хабад в Германии стараются наладить контакт с маленькими и молодыми общинами, пытаются морально поддержать тех, кто оказался в изоляции. Большое дело делает сейчас ВКРЕ, рассылая по маленьким общинам и даже в отдельные семьи библиотечки еврейской литературы. Уделяет внимание духовным проблемам «русских» евреев и Центральная благотворительная организация евреев в Германии. Однако всего этого мало. Нужны другие меры, чтобы вытащить этих людей из той ситуации, в которую они попали. И нужно как можно быстрее перестать множить их число, а для этого приостановить распределение переселенцев в маленькие населенные пункты. Однако этот вопрос можно решить только на правительственном уровне.

Άγαθὴ τὴ ἐοῶσα ἀδελφεῶν ἐεῶντᾶ καὶ ἰνὶ ἰουπρῆ ἐ ἀπὸ ἀδελφῶν ἰσραὴλ οὐκ ἐστὶν ἕως οὗ (5 ὁ ἀδελφεῶν 2004 ἄ). Ὑοὶ ἰσραὴλ αἰ ἄντι ἐδὶ ἰτᾶ ἐπὶ ἀδελφῶν οὐκ ἐστὶν ἰτᾶ ἀδελφῶν ἂ ἐ ἰ εἰ ἐπὸ δὸ ἀὶ οὐ δαὶ ἰ εῶ ἂ ἐ ὈΔᾶ Ἰ ὀ οὐ Ὀεεε. Ἀὶ ὀ ἂ ὀ ἀεῖ ὀ.

Глубокоуважаемый господин министр!

Обратиться к Вам нас побудила непрекращающаяся многочисленная почта, получаемая нами от еврейских беженцев из государств бывшего СССР, проживающих ныне в Германии.

Впервые за многие годы эти люди получили возможность открыто исповедовать свою веру. Однако существующая практика распределения вновь прибывших в соответствии с земельными квотами ... приводит к тому, что многие из них оказываются в маленьких городах и селах, где нет синагог. Тем самым прибывшие лишаются возможности посещать синагогу, в полной мере приобщаться к еврейским традициям, изучать еврейские законы и обычаи, остаются изолированными от еврейской жизни. Насильственно оторванные от нее в прошлом, они продолжают испытывать духовный голод и ныне.

Руководство еврейских общин радикально изменить сложившуюся ситуацию не может, хотя и пытается помочь в переселении еврейских беженцев в крупные города, где есть синагоги. Мы уверены, что только Ваше живое участие поможет этим людям в полной мере ощутить себя носителями еврейской веры и не даст испытать им своего рода «духовный Холокост».

Ἰ ἀδελφεῶν οὐκ ἐστὶν ἰτᾶ ἀδελφῶν οὐκ ἐστὶν ἰτᾶ ἀδελφῶν ἂ ἐ ἰ εἰ ἐπὸ δὸ ἀὶ οὐ δαὶ ἰ εῶ ἂ ἐ ὈΔᾶ Ἰ ὀ οὐ Ὀεεε (ΝΘΑ)

Ἰ ἀδελφεῶν οὐκ ἐστὶν ἰτᾶ ἀδελφῶν οὐκ ἐστὶν ἰτᾶ ἀδελφῶν ἂ ἐ ἰ εἰ ἐπὸ δὸ ἀὶ οὐ δαὶ ἰ εῶ ἂ ἐ ὈΔᾶ Ἰ ὀ οὐ Ὀεεε (Ἀδὸ ἰ εῶ)

ВСПОМИНАЯ ЛЕНИНГРАДСКУЮ БЛОКАДУ

В конце января в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга состоялась встреча, посвященная 60-летию снятия блокады Ленинграда. В Большом зале собрались около двухсот жителей осажденного города, сумевших выстоять в те страшные дни Великой Отечественной войны и выжить.

Со словами признательности к уважаемым согражданам обратились главный раввин Санкт-Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и председатель еврейской общины города Марк Грубарг. Каждому блокаднику вручили свидетельство о пожизненном закреплении за ним места в синагоге. Затем начался праздничный концерт, а за ним воспоминания. Вот что рассказал реб Зуся Гуревич, испытывавший все тяготы фашистской блокады. «Эта единственная оставшаяся тогда в городе синагога работала и в годы войны. Увы, в основном... на похороны. Здесь был скорбный «сборный пункт»: отсюда умерших увозили на Преображенское кладбище. Оставшиеся в живых евреи старались быть поближе к синагоге, но приходиться сюда каждый день не хватало сил. Молебны проводились по субботам; в Малом зале стояла печурка, здесь и собирались. Помогала ли нам вера? – задал сам себе вопрос реб Зуся. И ответил коротко: – Да. И вот еще что примечательно. Синагога стояла на возвышении, ее хорошо видно с Пулковских высот, и фашисты ее неоднократно обстреливали. Но в здание попал лишь один снаряд, и тот лишь скатился с крыши, не разорвавшись. Одно из служебных строений во дворе было отведено под детскую больницу, и оно тоже осталось невредимым»

Α. Ἀεεεε

НАДО ЗНАТЬ, К ЧЕМУ ПРИВОДИТ АНТИСЕМИТИЗМ

27 января, в годовщину освобождения заключенных нацистских лагерей смерти Аушвиц и Биркенау, во многих странах Европы отмечается День памяти жертв Холокоста. В Израиле эта дата объявлена Днем борьбы с антисемитизмом.

Главный раввин России Берл Лазар считает, что в этот день, когда люди разных государств вспоминают о Катастрофе европейского еврейства, есть основание задуматься над вопросами: «В полной ли мере усвоены уроки Холокоста? Не может ли нечто подобное повториться, пусть в рамках иной идеологии или при иных обоснованиях ненависти к евреям?»

Берл Лазар считает, что никто из евреев не защищен от проявлений антисемитизма, и это не зависит от страны проживания, времени и места. Об этом говорит и такой факт: в последнее время в Европе поднялась такая волна антисемитизма, которую нельзя себе было представить еще пять лет назад, — настолько увеличились и ужесточились случаи неприятия еврейской культуры, религии и традиций. Поэтому новые поколения должны знать о Холокосте, знать и помнить об этой страшной в истории человечества трагедии, когда значительная часть еврейского народа была уничтожена (а все начиналось тоже с антисемитизма), проникнуться сознанием того, что такое не должно повториться нигде и никогда: это противоречит всем нормам морали и религии.

По словам раввина Берла Лазара, «руководители европейских стран должны держать под контролем опасную ситуацию с проявлениями антисемитизма и сделать так, чтобы каждый антисемитский эксцесс получал немедленную и четкую правовую оценку».

ААІ

ÒÀÐÀËÒÀ ÁÄÐÄÁÍÒÁ

Еврейская община дагестанского города Дербент, насчитывающая почти 8 тысяч человек, потрясена терактом, совершенным 25 января: поздно вечером во двор дербентской синагоги бросили боевую гранату РГД-5; в результате разбита большая часть окон, повреждена стена здания, пострадали кабинеты раввина и председателя еврейской религиозной общины. К счастью, взрыв произошел тогда, когда в синагоге уже не было людей. На место происшествия оперативно прибыли сотрудники милиции, ФСБ и прокуратуры.

За более чем вековую историю существования дербентской синагоги подобное случилось впервые.

Ñ. Èääĩæñëÿ

Ї І ПАЕАІ ЕА АІ ДОІА Ñ «ДИ ÑÑЕБІ ÑЕЕІ ÑЕІ І ЕСІ І І»

В двадцатых числах января в Тверском межмуниципальном суде Москвы состоялось слушание дела по иску лидеров распущенной Министерством юстиции Национально-державной партии России, возглавляемой А. Севастьяновым и С. Тереховым к главному раввину России Берлу Лазару и Всемирному конгрессу русскоязычного еврейства. Предмет иска – открытое письмо, написанное осенью 2002 года и направленное в адрес президента России и генеральной прокуратуры, с требованием пресечь деятельность НДПР, имеющую «погромный характер». НДПР просила о защите своей чести и достоинства. Судья – г-жа Федосова – постановила отказать истцам по всем пунктам их заявления, кроме одного. Слова же о «погромном» характере высказываний членов НДПР, приводимые в открытом письме еврейских лидеров, были признаны не соответствующими действительности, поскольку к моменту написания письма НДПР еще не успела провести никаких публичных действий, которые соответствовали бы подобной квалификации. Вместо требуемых НДПР четырех миллионов рублей в качестве компенсации за ущерб судья постановила взыскать с ответчиков всего 100 рублей. Последнее решение судьи НДПР приняла за свою огромную победу, поскольку сразу же на сайте партии появилась статья о «победе, одержанной национальными лидерами НДПР над ударными силами российского сионизма». Адвокат главного раввина России и ВКРЕ В. Новицкий высказал намерение обжаловать судебное решение, поскольку даже маленькая уступка таким противникам может способствовать росту антисемитизма.

Ñ. хадііе

Судья – г-жа Федосова – постановила отказать истцам по всем пунктам их заявления, кроме одного.

Ў ДАЊОЎЇ Ї ЕЕЕ АЇ ЕЕЇ У АУЎЇ АЕАЇ У

В ночь на 15 февраля неизвестные вандалы совершили беспрецедентный акт осквернения могил на еврейском участке кладбища Жертв событий 9 января в Петербурге.

Примерно на пятидесяти памятниках черной краской были нарисованы свастики и «руны Торр» – символ СС. На нескольких надгробиях был намалеван лозунг:

«Жида, убирайтесь!» Примерно к двум десяткам надгробий приклеены листовки антисемитского содержания.

Кладбище Жертв 9 января является одним из исторических памятников «северной столицы». Оно получило свое название, поскольку там были захоронены петербургские рабочие, погибшие во время событий «кровавого воскресенья» 1905 года. Однако еще до этого часть территории занимало еврейское кладбище, где хоронили главным образом состоятельных людей, предпринимателей, врачей и ученых – людей, которые и в царские времена считались гордостью России. Показательно, что именно эти основательные, из дорогого камня вытесанные надгробия стали объектом надругательства полуграмотных подонков.

Агентство еврейских новостей «по горячим следам» взяло интервью у председателя еврейской общины Петербурга Марка Грубарга, и он особо подчеркнул, что акт вандализма совершен «в городе, который только что отметил шестидесятилетие снятия фашистской блокады, городе, где изображение свастики можно считать плевком в собственную историю».

Марк Грубарг как в воду глядел – уже на следующий день неизвестные подонки оставили те же свастики и «руны Торр» на гранитных плитах Марсова поля – мемориала в самом центре Петербурга.

На сей раз, в отличие от происшествия на окраинном кладбище, негодяев заметил охранник, но они успели разбежаться. По показаниям этого и других свидетелей, скорее всего речь идет о несовершеннолетних или по крайней мере об очень молодых людях. По данным Санкт-Петербургской милиции, не менее 20 тысяч малолеток являются членами разного рода экстремистских уличных группировок, в том числе неонацистского и «национал-большевистского» характера. Подобно тому как Петербург долгое время считался «бандитской столицей России», сейчас его впору именовать «столицей фашистской преступности».

Пока власти явно плохо себе представляют, как бороться с этим явлением. А тем временем экстремистские выходки и преступления на этнической почве в городе учащаются и приобретают все более жестокий характер. Если в отношении евреев малолетние бандиты (пока еще!) ограничиваются свастиками и неграмотными надписями антисемитского содержания, то выходцев из стран Азии и Африки они просто убивают. Буквально за неделю до осквернения еврейского кладбища молодежная банда убила девятилетнюю девочку из Таджикистана – и вновь ни одного из виновных в этом диком преступлении задержать не удалось. «Не потому что мы не хотим, – мы просто еще не выработали эффективных мер борьбы именно с подростковой преступностью», – объясняют в правоохранительных органах.

Возможно, именно этим сознанием собственного бессилия был вызван тот факт, что на протяжении почти двух суток после сообщения в питерских СМИ о погроме на кладбище никто из руководителей города и правоохранительных органов не позвонил в еврейскую общину или в синагогу и не принес извинений за то, что «недоглядели».

Возможно, сообщение о свастиках на кладбище так и исчезло бы с новостных лент, не вызвав ни общественной реакции, ни отклика властных структур, если бы российские евреи не начали требовать от властей ответа и отчета. Главный раввин России Берл Лазар уже спустя несколько часов после погрома на кладбище разослал во все СМИ и новостные агентства заявление, в котором призвал «местные органы власти и правосудия достойно и активно реагировать на антисемитские проявления, с тем чтобы такое больше не повторялось, а преступники были найдены и наказаны». В аналогичном духе было выдержано заявление евреев Петербурга, подписанное раввином города Менахемом-Мендлом Певзнером и председателем общины Марком Грубаргом. «В нашей стране, где в борьбе с фашистами погибли десятки миллионов людей, появление свастики является плевок в собственную историю и должно, безусловно, караться самым строгим образом. В этой связи мы понимаем, что осквернение кладбища осуществляется подонками, не имеющими национальности и религии. Для евреев, чья историческая память уже проходила этот путь, начавшийся со свастики на кладбищах и закончившийся газовыми камерами в Освенциме и Холокостом, это не только история, но и вечное напоминание и предупреждение ко всем людям остановить “коричневую чуму” в самом зародыше».

«Наш президент Владимир Путин неоднократно подчеркивал, что в нашей многонациональной стране любые националистические проявления чрезвычайно опасны и недопустимы. Мы отлично понимаем это и поэтому ответственно заявляем, что еврейская община поддерживает усилия президента по укреплению нашего многонационального государства и считает, что события последних дней инициировали силы, выступающие против России», – подчеркивалось в заявлении еврейской общины Петербурга. «Мы призываем всех жителей нашего города независимо от национальности объединиться в борьбе против экстремизма и фашизма. Этих подонков ничтожное количество, мы должны объединиться в борьбе с ними. Мы призываем правоохранительные органы бескомпромиссно бороться с бандитами, сеющими межнациональную рознь. Мы просим руководителей телевидения и масс-медиа не допускать экстремистских призывов и выступлений с экранов. Мы призываем органы государственной власти сделать все для борьбы с разжиганием межнациональной розни».

Когда эти заявления были растиражированы в российской и иностранной прессе и вопрос, таким образом, приобрел международное звучание, губернатор Петербурга Валентина Матвиенко провела совещание с руководством правоохранительных служб города и жестко поставила задачу в кратчайшие сроки разыскать подонков и примерно наказать – чтобы другим неповадно было. Впрочем, даже самые искренние старания властей положить конец национал-экстремизму не обеспечат быстрого успеха. Это очень хорошо понимают евреи, сталкивающиеся с подобными проблемами не впервые и не только в России. Беда в том, что недостаточно «разыскать и примерно наказать» одного негодяя или даже одну уличную банду. У национал-экстремизма в России есть питательная среда, ежедневно рождающая все новых «нацболов» или «скинхедов». Директор Российского этнографического музея Владимир Грусман подчеркивает в этой связи, что «почва для ксенофобии сформировалась в нашей стране во второй четверти XX века, когда власти внедрили формулу равенства наций и права каждой на самоопределение вплоть до отделения, но на этом фоне происходили депортации чеченцев и ингушей, калмыков и балкарцев, а спецслужбы пачками фабриковали антисемитские «дела». Тем самым в национальную структуру

государства была заложена мина замедленного действия. А когда СССР распался, социальные низы, недостаточно образованные, чтобы анализировать причины, и недостаточно мобильные, чтобы завоевать себе «место под солнцем» в новом обществе, стали привычно искать виноватых.

В этой ситуации главным обнадеживающим фактором стали не заявления политиков и не грозные указания милицейским начальникам, а поведение простых людей. Это особо подчеркивается в заявлении Берла Лазара: когда на следующий день после погрома представители еврейской общины пришли на кладбище, «они были удивлены и душевно тронуты тем, что работники кладбища сами убирали и приводили в порядок оскверненные могилы».

На это обратил внимание и корреспондент АЕН в Петербурге Алексей Елкин, посетивший кладбище 16 февраля. К тому времени большая часть надгробий уже была приведена в порядок – частично приехавшими на место обеспокоенными евреями, а большей частью – самими рабочими кладбища. Рабочие привычно ругают «подростков с Софийской улицы», которые, по их словам, уже не впервые забегают ночью и пакостят на могилах. А пожилой питерский еврей Яков Абрамович, приехавший на кладбище по просьбе знакомых, живущих в другом городе, чтобы удостовериться, что могилы их предков не пострадали, добавляет: «Подонки есть везде. Не исключаю, что кто-то их научил, науськал это сделать. Но власть должна в любом случае принимать меры, чтобы такого больше не повторилось».

А. І Жетілія

**Ā ĪĀĪ BŌŪ Ī ĀŅŅĪĀĪ Ī DĀŅŅŌDĀĒĀ
ĀĀDĀĀ ĪŅŌĪ ĒĒ**

27 января еврейская община Эстонии отметила День Холокоста традиционным посещением мемориала в Калевилйва, возведенном в Таллине на месте массовых расстрелов евреев в годы фашистской оккупации.

Как отметила руководитель общины Циля Лауд, в этом году церемония поминовения была особенно многочисленной и торжественной. В ней участвовали бывшие узники нацистских лагерей, ветераны войны, ученики таллинской еврейской школы. С речами к собравшимся обратились руководители дипломатических ведомств Германии, Чехии и Польши, председатель парламентской группы поддержки Израиля Сийри Овийр, директор еврейской школы Михаил Бейлинсон, книгоиздатель Эльхонен Сакс. Главный раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот прочитал поминальную молитву.

Циля Лауд в своем выступлении отметила, что считает неправомерным вспоминать в День

Холокоста и преступления, совершенные коммунистическим режимом (а с таким предложением выступил на страницах газеты «Постимеэс» министр образования Эстонии Тойво Майметс) «...Депортации 1941 и 1949 годов коснулись всех граждан, проживавших в Эстонии, независимо от национальности. Так, 14 июня 1941 года в числе 10 000 высланных из республики граждан было 414 евреев. На еврейском кладбище в Таллине установлен памятник евреям, погибшим в результате депортаций. В День скорби, который отмечает вся Эстония, мы поминаем и их», – сказала Циля Лауд.

Ī. ĪĀĪĀĀ

Ī daānāāō āēū āāāēēēēē īāūēī ū – āāī ūēīā

Занимать такой пост – задача не из легких, а для женщины она сложна вдвойне: ведь надо командовать и сильным полом. Кроме того, все, что связано с евреями, – трудно. Наверное, это обусловлено с одной стороны трагической судьбой народа, а с другой – особенностями национального характера, метко запечатленными в фольклоре.

Но Циля Лауд хорошо справляется со своими обязанностями председателя еврейской общины. Все, говорившие о ней, в первую очередь подчеркивали ее организаторские способности, неистощимую энергию и властность. Зачем эта морока – председательство – потребовалась самой Циле, она объяснила так: зов крови, а кровь – не вода.

О Циле есть еще два единодушных мнения: у нее хорошее чувство юмора, и она всем всегда помогает. Сама она объясняет последнее тем, что потребность помогать воспитана у нее семьей. Папа всегда помогал людям, бабушка в тяжелые годы пекла пирожки и раздавала голодающим.

Люди редко бывают к Циле равнодушны: ее или любят, или не любят. Это – судьба практически всех сильных личностей.

Раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот говорит о ней так: будучи председателем общины, Циля выполняет функцию, сходную с функцией головы в человеческом организме: если где-то беда (болит рука или нога), голова сразу это чувствует и начинает думать, как помочь, что можно сделать. И всегда находит верное решение и все делает хорошо.

Циля согласна с тем, что у нее властная натура, но на таком посту, как у нее, это качество полезно.

А теперь еще несколько слов о чисто житейских пристрастиях таллинского председателя. Циля любит поесть, но любит и готовить; особенно ей удаются печеночный паштет и язык по-еврейски. Она с детства увлекается театром. Циля – патриотка Таллина и не представляет себе жизни в другом месте; где бы она ни была, путешествуя, но как только под крылом садящегося самолета появляется озеро Юлемисте, ей сразу становится радостно от сознания, что она дома.

На просьбу прокомментировать положение Израиля, Циля Лауд ответила так: если в Европе сейчас сильны антиизраильские настроения, то в этом считаю виноватыми и СМИ, которые предоставляют миру однобокую информацию.

Ī . Ōāāāāī ēī

Āāāōā «Ūñōīī ēŷ»

נִיְאִי אֲנֹי אֵב דְאָאִי וְאֵי עִיּוּעִי יְאֵרְאֵי אֲנֹי

28 января в Москве состоялась торжественная встреча главного раввина России Берла Лазара и губернатора Иркутской области Бориса Говорина.

Главный раввин России обратился к губернатору с теплыми словами, поблагодарил за визит и представил нового главного раввина Иркутской области Аарона Вагнера, которого охарактеризовал как молодого и энергичного человека; он сказал, что надеется на развитие успешных взаимоотношений между еврейской общиной и светскими властями. Встреча проходила в теплой, дружественной обстановке. Берл Лазар подчеркнул важность морали и нравственности для современной России, а также работы среди молодежи и выразил надежду, что его новый коллега будет работать в этих направлениях.

«Такая встреча – хороший знак для начала года. Мало руководителей регионов, которые так активно участвуют в еврейской жизни, как вы, господин губернатор», – так завершил свою речь главный раввин России.

Раввин Аарон Вагнер сообщил, что приехал в Иркутск на постоянное место жительства, имеет большие планы и приложит все усилия для того, чтобы сделать иркутскую общину одной из самых успешных.

Разговор на встрече коснулся реставрации иркутской синагоги. «Синагога – это лицо общины, часть лица города, и поэтому ее необходимо отреставрировать как можно быстрее, – сказал Борис Говорин. – Нужно иметь в виду, что большая часть городской интеллигенции находится в сложном финансовом положении и нуждается в благотворительной помощи. Надеемся, что наш новый главный раввин поможет и общине, и нам».

Губернатор пригласил главного раввина России посетить Иркутск, подчеркнув, что город имеет «мощную» еврейскую общину с глубокими историческими корнями. В свою очередь, Берл Лазар вручил губернатору менору, выполненную из фарфора, и пожелал ему успехов. Он сказал: «Наша совместная работа только начинается, и мы уверены, что она даст положительные результаты».

А. Аарона

Главный раввин России Берл Лазар с главным раввином Иркутской области Ароном Вагнером вручают губернатору Говорину менору.

2004 – Ἀἰῶν ἐδᾶ ἡ Παῖσι ὁ ἀσπασμὸς τῆς ἐκείνης

Ἡ ἡγεσία τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς τῆς Ἀνατολῆς τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος ἰσοπέδουσε τὴν ἐκείνην ἐπιπέδου ἐπιπέδου τῆς ἐκείνης ἡ Παῖσι ὁ ἀσπασμὸς τῆς ἐκείνης Ἀ.Ἀ. Ἐκκλησίας τῆς Ἀνατολῆς τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος ἰσοπέδουσε τὴν ἐκείνην ἐπιπέδου ἐπιπέδου τῆς ἐκείνης ἡ Παῖσι ὁ ἀσπασμὸς τῆς ἐκείνης.

В числе участников встречи были и духовные лидеры: глава Ростовской епархии, епископ Ростовский и Новочеркасский Пантелеймон; епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан; глава епархии армянской апостольской церкви на юге России епископ Мовсес; председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа муфтий И. Бердиев; президент буддистского союза Калмыкии, лама Троицкого хурула А. Доржинов. Иудейские общины региона представлял председатель Ростовской еврейской общины Юрий Рубинов.

Властные структуры региона были представлены на самом высоком уровне в лице губернатора Старопопского края А.Л. Черногорова, президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова, начальника оперативного координационного управления ФСБ по Северному Кавказу А.Л. Едилеева.

Участники встречи обратились к представителям государственной власти с предложением оказать всестороннее содействие деятелям традиционных конфессий в предотвращении распространения идей экстремизма и терроризма, а также помочь в реализации миротворческих акций, проводимых конфессиями.

В составе Миротворческого межконфессионального совета Южного федерального округа были созданы рабочие группы по проблемам религиозного образования и изучения основ разных религий, решались вопросы об информационном обеспечении миротворческих инициатив и восстановлении христианского храма, мечети и синагоги в Грозном.

В своем выступлении Юрий Рубинов подчеркнул, что основой взаимоотношений между конфессиями, представленными на юге России, должны быть взаимопонимание, терпимость, уважение друг к другу. «Многие недоразумения, а порой и противостояния между людьми разных национальностей связаны с простым незнанием обычаев, традиций, культур, религий проживающих совместно народов, – сказал он. – Значит, мы должны как можно больше знать друг о друге, общаться, интересоваться делами, приобщать к этому процессу наших детей. Понимание окружающих – самый прямой и верный путь к стабильности и согласию. И это должно проявляться на всех уровнях – от таких, как сегодня, встреч лидеров диаспор и конфессий до просветительской работы с массами». Далее Юрий Рубинов представил собравшимся позитивный опыт работы еврейских общин региона по созданию многонациональных молодежных клубов и центров сотрудничества еврейской, греческой и армянской диаспор, реализации образовательных проектов и программ работы с детьми-инвалидами.

Участники встречи с интересом приняли предложения еврейской диаспоры об организации в Интернете работы совместного Web-ресурса Soglasie.ru, где будут представлены проекты всех конфессий и общин региона, объединяющие усилия по реализации образовательных и социальных региональных программ. В завершение собравшиеся поддержали инициативу об объявлении 2004 года Годом мира в Южном федеральном округе и наметили ряд мер.

Ἐ. Οἰκονομίδης

*×ŌĪĀŪ ĒDĀĪ ĒĪ ĀÇĀĒĪ ĪĪĪĪ ĒĪ ĀĪ ĒĀ
Ī ŌŌŌĒŪ ĀĪ Ē ĀĀDĀĀĀ ĀĀĒŌ*

28 января в Баку состоялась встреча раввина Меира Брука с главой городской администрации Гаджибалы Абуталыбовым.

Г. Абуталыбов отметил, что «мусульманам и евреям столицы Азербайджана давно удалось достичь взаимопонимания». «Я рос, – сказал он, – в знаменитом еврейском поселке “Красная слобода”, который и по сей день существует. Примечательно, что я был единственным мусульманином в классе, где все были евреи, но я никогда не чувствовал неприязни с их стороны. Эту хорошую традицию надо всеми силами поддерживать». Мэр города попросил раввина Меира Брука информировать его о жизни еврейской общины, предлагать меры по развитию дальнейшего сотрудничества. Раввин преподнес Гаджибалы Абуталыбову серебряную менору и журнал «Лехаим», а мэр подарил раввину традиционный азербайджанский ковер ручной работы с изображением герба города.

Ÿ. ŌĒĒĪ ĀĪ

Тамбовская проблема

В конце января председатель Тамбовской еврейской общины получил от Комитета по управлению имуществом администрации Тамбова уведомление о расторжении договора о безвозмездном пользовании помещением по улице Комсомольская, 64, в котором сейчас располагается управление общины. Это по меньшей мере странно. Ведь до революции в Тамбове работали две синагоги, здания которых были национализированы в годы Советской власти и у общины изъяты. На месте одной из них в настоящее время находится развлекательный центр, а из второго помещения вопреки обещанию мэра сохранить за тамбовской общиной занимаемое ею здание подведомственный мэрии комитет упорно пытается общину выселить.

Ē. Ī ĀĒĀĪĪ

Министр в гостях у харьковского раввина

4 февраля в синагоге Харькова состоялась встреча главного раввина города Мойше Московича, председателя Государственного комитета Украины по делам религий Владимира Бондаренко и сопровождавших его лиц.

Раввин показал гостям здание и рассказал об истории его восстановления. Синагога была реконструирована, и в мае 2003 года прошло ее официальное открытие. Реконструкция стала возможной благодаря поддержке Фонда Рора, а также местных и иностранных спонсоров. Владимир Бондаренко вспомнил о своем прошлом визите в харьковскую общину, который состоялся в марте 2002 года и был связан с торжествами по случаю 100-летия со дня рождения седьмого Любавичского Ребе; в честь этой даты прошли тогда два концерта в Оперном театре с участием известного американского певца Авраама Фрида. Г-н Бондаренко говорил также о важности принципа свободы вероисповедания и о том, что он восхищен развитием еврейской общины Харькова.

À. Ðàáíóí èéíàà

№íáãã ì íæáò ñòàòü ò óðèñòè-áñèì íáúáèòíì

3 февраля губернатор Костромской области Виктор Шершунов принял главного раввина Костромы Нисона Руппо и председателя костромской еврейской общины Михаила Гейдмана.

На встрече обсуждались насущные вопросы еврейской жизни: возвращение исторического здания синагоге и выделение нового участка для еврейского кладбища. Руководители еврейской общины рассказали губернатору, что старое кладбище существует уже около ста лет и на нем не осталось места для захоронений. Раввин Нисон Руппо предложил внести синагогу в туристический путеводитель по Костроме, что, по его мнению, будет способствовать привлечению туристов. В завершение встречи еврейские лидеры подарили губернатору ханукальную менору, а также коробку пасхальной мацы, журнал «Лехаим» и книгу «Евреи России в 5762 году».

À. Ðááôí èèíáà

À Áèòîí èðáíæèòèè Õíðú àíçáðáíáí ù ááðáèíèé íáíèíá

В начале февраля в Житомире (Украина) произошло важное событие не только для еврейских общин, но и для всего региона: по решению областной администрации государственный архив передал еврейским общинам Житомирщины 17 свитков Торы, хранившихся ранее в архивных фондах. Это решение было поддержано комитетом по делам религий Совета министров Украины.

На церемонии передачи присутствовали главный раввин Украины Азриел Хайкин, раввины городов Центрального и Западного регионов Украины. Представители администрации в своих выступлениях подчеркивали, насколько непросто было это решение. Было отмечено, что передача свитков Торы – лишь первый шаг на пути возвращения еврейским общинам их ценностей. Главный раввин Украины поблагодарил украинские власти за содействие в деле возрождения еврейской жизни на Украине и подчеркнул, что «сегодняшнее событие важно потому, что речь идет о большом количестве свитков главной книги еврейского народа – Торы. «Я надеюсь, что примеру Житомирской области последуют и другие областные администрации нашей страны», – сказал он.

Î. Ðííòíáíáá

ΝΟΤ ΕΑΘΕΑ ΑΑΔΑΕΝΕΙ Ε ΑΙΕΥΙ ΕΘΟΥ Α ΑΑΕΤ Ε ΟΑΔΕΑΕ

В декабре 2003 года исполнилось 100 лет со дня основания в украинском городе Белая Церковь еврейской городской больницы.

Вот что писала в начале прошлого века «Киевская газета»:

«21 декабря 1903 г. в присутствии представителей местной интеллигенции и чиновного мира состоялось освящение и открытие здания еврейской больницы, сооруженного на капитал, пожертвованный местным крупным лесопромышленником Бяликом. После долгих мытарств сооружение здания, обошедшееся жертвователю в 30 000 рублей, наконец, благополучно завершилось, и больница открыла свои двери страждущим». До 1988 года эта больница была единственной в Белой Церкви. За годы ее существования тысячи жителей города и близлежащих районов получили здесь высококвалифицированную медицинскую помощь.

В конце декабря 2003 г. состоялось празднование знаменательной юбилейной даты. Произошло это в Доме культуры «Сельмашовец». На торжестве присутствовали мэр города Белая Церковь Геннадий Шулипа, депутат Верховной Рады генерал-полковник Дмитрий Рудковский, главный раввин города Меир Гольцберг, председатель белоцерковского общества еврейской культуры им. Шолом-Алейхема и еврейской общины Харитон Берман, заведующий городским отделом здравоохранения Николай Тищенко, главный врач 1-й городской больницы Григорий Яценко, представители всех религиозных конфессий города, бизнесмены.

Харитон Берман рассказал об истории создания больницы, которой теперь присвоено имя Бялика. Раввин Меир Гольцберг установил мемориальную доску на одном из корпусов больницы – том единственном, сохранившемся с начала прошлого века, где сейчас находится пульмонологическое отделение.

Г. Айорабев

ח'ו'ל'א'ו' א'ו'ע'ע' צ'א'י'ד'א'ו'י' ע'ו'א'ע'י' ע' א'ו'ו'

20 января в Алма-Ате состоялось торжественное открытие спортивного клуба «Маккаби». Это – воплощение совместного проекта Еврейского учебно-воспитательного комплекса «Гершуни» под руководством Шеваха Златопольского и представительства Еврейского агентства в Казахстане и Киргизстане во главе с Шломо Азаром.

Теперь в распоряжении еврейской молодежи города есть прекрасно оборудованные тренажерный и гимнастический залы, баскетбольная площадка. Все, что там есть, – подарок клубу от Еврейского агентства. Поздравить ребят с этим событием приехали руководители департамента по репатриации из стран СНГ и Восточной Европы Амос Лахат и Карол Унгар, посланники Еврейского агентства в странах Южного Кавказа и Средней Азии, представители посольства Государства Израиль.

«Мы открываем спортивный клуб в конце еврейского месяца тевет, – отметил в своем выступлении Шевах Златопольский, – вскоре после двух памятных дат: одна связана с величайшим еврейским философом и врачом Рамбамом, другая – с основателем движения Хабад, рабби Шнеуром-Залманом из Ляд (Алтер Ребе). В трудах этих мыслителей уделяется внимание физическому здоровью, заботе о нашем организме, который рассматривается как инструмент, данный нам для духовной работы в этом мире. Пусть спортивный клуб послужит воплощению этой идеи».

י'ו'ע'ו'י' א'י'

אַנױדאַ װאָ אַאַעײַנעיאַי דאַאַעיאַ נײַנעיאַי בײַעײַע

23 января Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в Азербайджане Тошиюки Фудживара принял в своей резиденции председателя бакинской еврейской религиозной общины «Хабад-Любавич – Ор Авнер» раввина Меира Брука.

Раввин рассказал о деятельности центра «Хабад» в Азербайджане, о развитии отношений с другими общественными организациями республики, о помощи, которую оказывают еврейским общинам правительство и президент Азербайджана. Он выразил надежду, что отношения между посольством Японии и бакинской еврейской общиной «Хабад-Любавич – Ор Авнер» будут постоянными и иметь конструктивный характер.

Г-н Тошиюки Фудживара поблагодарил раввина за визит и сказал, что надеется на установление контактов прежде всего в области образования и культуры.

אַ. אַאַאַאַאַ

ױאַי עײַ אַאַעײַע ןעײַע אַיאַי עײַעיאַי אַױעאַעײַנעױ אַאַעױעײַע

Баскетбольная команда «А-поэль» из Тель-Авива, приехавшая в Пермь на матч Евролиги, посетила в предпоследний день января еврейскую школу и детский сад «Ор Авнер».

Гостей встретил главный раввин Перми Залман Дайч, затем их приветствовал детский хор школы. Тренер баскетбольной команды Оded Нахман не ожидал увидеть в заснеженной и холодной Перми еврейских детей с кипами на голове, встречающих гостей песнями на иврите; тем приятнее это оказалось. Раввин рассказал гостям о школе «Ор Авнер», существующей всего второй год, но уже собравшей в своих стенах более ста учеников. Затем все направились в актовзый зал, где состоялась беседа учеников школы со спортсменами на иврите и английском языках.

«Мы тронуты теплым приемом, оказанным нам раввином Дайчем и учениками школы, – сказал заместитель директора команды Шалом Шерман, – и нам было приятно посетить такое замечательное место».

י. ןעױ אַי

Øéîëüü üé îðíæò «Áæó-Ëçðæëüÿ Îð ÑÁÐÄÖÀ Ê ÑÁÐÄÖÓ»

Дети из бакинского учебного комплекса «Хабад – Ор Авнер» стали инициаторами совместного проекта «Баку – Израиль: от сердца к сердцу»; этим актом они выразили чувство единения и братской солидарности с народом Израиля. Название проекта выбрано не случайно: каждый террористический взрыв в Израиле становится для бакинских евреев поражающим сердца отголоском террористических актов, имевших место в столице Азербайджана в недалеком прошлом.

Проект возглавляет Зеава Гусятинская и преподаватели учебного комплекса «Хабад – Ор Авнер» – в прошлом воспитанники «Бэйт-Хана» Днепропетровска.

Идею поддержал раввин Меир Брук: он, в частности, связался с директором израильской школы «Синай» в Ришон ле-Ционе Дворой Порати и с заведующей учебной частью этой школы. Те с радостью откликнулись.

Áñá ó:áüèáñŷ øéîëüü «Öáááá - Îð Ááíáð» íáìèñæëè îèñüü à ñáñèì ñáððñòíééáì á Ëçðæëüÿ è íáðèññáæëè èáððèéíéè, ññæäâðüèéá òááððíðèçì.

Все учащиеся школы «Хабад – Ор Авнер», а это 202 ученика, написали письма своим сверстникам в Израиль и нарисовали картинки, осуждающие терроризм.

В своих письмах они вспоминали о взрывах в бакинском метро, описывали свои представления об убитых и раненых в магазинах, кафе и автобусах, на улицах городов Израиля. В каждом послании было еще обращение к Всевышнему с мольбой, чтобы наступило то время, когда дети не будут бояться взрывов на улицах своих родных городов и человека в маске, который способен взять их в заложники.

Директор школы «Синай» в телефонном разговоре с раввином Меиром Бруком подчеркнула, что учащиеся комплекса «Хабад – Ор Авнер» сделали первый шаг для воплощения в жизнь проекта, который поможет становлению и укреплению дружбы детей Израиля и Азербайджана. Раввин Меир Брук отметил, что это действительно первый шаг: сейчас в школе идет достаточно интенсивное изучение иврита, и в скором времени учащиеся обоих учебных заведений смогут самостоятельно переписываться по электронной почте. «Будем надеяться – сказал раввин, – что терроризм исчезнет с лица земли, а голубь мира и созидания поднимет свои крылья».

Á. Áááññáááá

ὉἈἴτιόν τῆς ἱστορίας «ὉἈἴτιον»

Шалом! – Мир вам, мир вашему дому! Мир в семье, мир между людьми и народами! – так приветствуют друг друга евреи от Лос-Анджелеса до Владивостока.

И неудивительно, что передача на нижегородском канале ННТВ об иудаизме тоже называется «Шалом».

Программа уникальна: будучи едва ли не единственной постоянной еврейской по содержанию телепередачей в России, она умудрилась продержаться на экране целых 10 лет и уходить не собирается.

О том, что такое теле- «Шалом», рассказывает ее автор и ведущая Инта Серебро.

– Наша программа – передача широкого профиля. Мы рассказываем в ней о еврейской религии, культуре и традициях. Ведь эта тема у нас в стране долгое время не освещалась. Представитель любой другой национальности мог с гордостью объявить свою принадлежность к такому-то народу, сказав, например: «Я – узбек!» или «Я – украинец!» Но трудно себе представить с подобным заявлением еврея. Мне хотелось показать наш народ таким, каков он есть: великим и мудрым, умеющим безудержно веселиться и смеяться, зачастую даже сквозь слезы.

Представляем вашему вниманию беседу с Интой Серебро журналистки Ольги Сембровской.

– Почему такая программа возникла именно в Нижнем Новгороде?

– Наверное, не случайно. И дело не в богатом духовном еврейском наследии нижегородцев (в других местах оно не меньше), а скорее всего в том, что Нижний Новгород достаточно демократичен, к тому же здесь велик процент интеллигенции, а интеллигент не делит людей по национальному признаку. Поэтому неудивительно, что многие представители нашего народа именно здесь находили себе работу

тогда, когда в нашей стране евреев по негласному распоряжению властей на работу брали с большими ограничениями!

Выпустить на нижегородском телеканале передачу об иудаизме в то время, когда в России об этом только-только начали говорить, – было, конечно, смелым поступком и со стороны ННТВ, и со стороны его директора О. В. Носковой. Примерно в это же время я начала изучать еврейское искусство, и меня все отговаривали, предрекая обязательную тюрьму. Такой страх сидел в людях! Но все же целую программу для телевидения мы сделали!

– Каким сюжетам вы отдаете предпочтение в программе?

– В первую очередь мы показываем жизнь нашей нижегородской еврейской общины, а эта жизнь у нас очень насыщена. Ведь в нашем городе – несколько еврейских организаций: синагога, Еврейский культурный центр «Цви Гирш», благотворительный центр «Хэсед Сара», отделение Еврейского агентства в России, детский сад «Ган Менахем», еврейская школа «Ор Авнер» и др. В них всегда что-то происходит. Мы иногда еле успеваем снимать, особенно во время праздников. Конечно, нам повезло: в нашем городе есть что показать!

Вместе с тем нам интересно, как живут наши соседи. В связи с этим мы показали фестиваль еврейской книги, прошедший в Рязани, Казанский фестиваль еврейской музыки им. Сонца, ассамблею народов России, состоявшуюся в Москве.

– Вот уже два года в программе «Шалом» существует «портретная галерея». Кто же герои «портретов»?

– В основном это известные люди нашего города: музыканты, артисты, режиссеры, фотографы, учителя, врачи, политики; все они – Личности, признанные зачастую не только в России, но и во всем мире. Например, ректор Нижегородской консерватории, профессор и композитор Эдуард Фертельмейстер, главный дирижер Нижегородской филармонии Александр Скульский, известный предприниматель Дмитрий Бирман. В последнее время мы решили показать представителей и более молодых, но не менее талантливых поколений. Так, в нашей программе появились лауреаты международных конкурсов: пианист Евгений Брахман и скрипачка Елена Корженевич.

Рассказывали и о столичных знаменитостях: удостоивших нас своим посещением народном артисте России Романе Карцеве, известной журналистке Алле Гербер, израильском дипломате и искусствоведе Йоси Таворе, председателе ассамблеи народов России Рамазане Абдуллатипове.

– Ваша аудитория в основном еврейская?

– Не только. Я не люблю, когда «Шалом» называют передачей для евреев. Нашу программу смотрят люди всех национальностей, а их в нашем городе предостаточно. Я считаю, что делать передачу для узкого национального круга бессмысленно; лучше такую передачу не создавать вообще! Нас должны смотреть разные люди, и надо, чтобы у них возник интерес к нашей культуре, понимание ее и менталитета; если будет так, значит, уже не возникнет агрессия. Еще одна наша задача – сделать так, чтобы интерес к теме не пропал.

– Откуда вы так хорошо знаете еврейскую культуру? Ведь в СССР, наверное, и литературы на эту тему не было.

– Я занимаюсь еврейской культурой уже более одиннадцати лет, и сегодня уже не представляю без нее своей жизни. Много читаю, смотрю видеоматериалы, периодически езжу на разные семинары, где рассказывают о еврейской истории и традициях. Чтобы подготовить сюжет для «Шалома», мне зачастую приходится перелопатить кучу материала. В работе для меня огромным подспорьем является библиотека еврейского центра «Цви Гирш». Иногда консультируюсь с компетентными людьми, например с преподавателем еврейских традиций Ириной Щивель. Помимо «Шалома», вот уже шесть лет я руковожу еврейским вокально-танцевальным ансамблем «Зильбер».

– Кто работает вместе с вами над программой?

– Трудится целый творческий коллектив, в том числе режиссер Игорь Спичек, оператор Александр Корнишин, звукорежиссер Анна Светлова. Все они – профессионалы, мастера дела, люди, никогда не считающиеся со своим временем, готовые всегда поддержать.

– Что нового ожидается в вашей программе?

– Нам хочется, чтобы она стала более насыщенной и динамичной. Планируем сделать страничку, рассказывающую о священных для каждого еврея предметах, например хотим объяснить людям, что такое тфилин, мезуза. С недавнего времени у нас появился свой именной пейджер, на который зрители присылают нам свои пожелания, замечания. Мы мечтаем лучше откликаться на них, выстраивая новые сюжеты.

– Что бы вы хотели пожелать своей программе в связи с ее десятилетним юбилеем?

– Конечно, чтобы она была интересной и ее смотрели как можно больше зрителей. Своей команде я желаю оставаться такой же дружной, как и сейчас.

×óæíé ááúú í á áúááó

Волгоградская еврейская община активно помогает малообеспеченным людям независимо от их национальной принадлежности. Об этом свидетельствуют результаты заседаний Координационного совета (КС) по социальной защите населения при администрации Ворошиловского района Волгограда. В работе КС постоянно участвует председатель Совета Волгоградского еврейского общинного центра Яэль Йоффе. Еврейская община намерена оказать материальную помощь девушке, у которой ампутированы обе ноги и которая находится на иждивении бабушки и дедушки – тоже инвалидов. Община поможет также семье, глава которой после аварии получил инвалидность и нуждается в постоянном уходе; в этой семье двое несовершеннолетних детей, доход на человека составляет всего двести рублей(!). Наконец, община поддержит студентку-сироту, которая просит предоставить ей работу.

Благотворительность и еще раз благотворительность – так кратко охарактеризовала позицию еврейской общины Яэль Йоффе.

À. Ðàáíòíééíáá

Ì àçé Òíá!

Поздравляем **Бродского Михаила Анчиловича**, кандидата экономических наук, боксера, чемпиона СССР 1953 г. по обществу «Спартак», полуфиналиста первенства СССР 1954 г., тренера команды МГУ в 1954 – 1957 гг., с 70-летием! Желаем крепкого здоровья, благополучия и долголетия.

Поздравляем с 45-летием председателя казанской еврейской общины **Вельдера Александра Моисеевича**. Желаем здоровья, счастья, успехов. Живите до 120 лет.

×éáí ú èàçáí ñéíé ááðæíéíé íáúéí ú.

Поздравляем **Димента Генриха Ильича**, участника ВОВ, с 80-летием. Желаем здоровья и долгих лет жизни.

Æáí à çòúé áí ó:éè.

Дорогого и любимого **Резникова Леонида Семеновича** 30 марта поздравляем с днем рождения. Желаем крепкого здоровья, успехов во всех добрых делах.

Ñíðáòíééè.

Дорогого **Семена Аркадьевича Шифрина** поздравляем со славным юбилеем – 60-летием со дня рождения. Желаем здоровья, счастья, успехов и долгой жизни – до 120 лет.

Ëþáúíéá Áæý è Í áóí.

Поздравляю дорого друга **Леви-Ицхока Друца** с днем рождения и желаю удачного года, только радости и счастья. Мазл тов!

Áí ðíáèá áðóçüü!

Áíñè áú òí òèòá í íçáðááèòú ðíáí úð, áéèçéè è áðóçáé á óúáðèéá «Ì àçé Òíá!», ñí íáúíèòá í á çòúí

á óááàèóèþ:103055, Ì íñéáá, 2-é Áúèíñéááðáá í áð, 5á Òáéáóíí 231 27 77, óáèñ 231 30 20

Ī ÒÈDÛÈÑB ÁÁDÁÈÑÈÈÉ Ī DÁÑÑ-ÒÁÍ ÒDÁ Ī ÁDÌ È

В конце января в Еврейском общинном центре «Хабад-Любавич – Ор Авнер» Перми начал работать пресс-центр. Теперь отчеты о местных встречах, презентациях, интервью, конференциях, работе еврейской школы и других событиях сразу станут достоянием общественности. Опытные журналисты занимаются поддержкой сайта Хабада в Интернете, готовят материалы для еврейской газеты «Кэшэр» и отправляют местные новости в Агентство еврейских новостей в Москву.

Пресс-центр оснащен всей необходимой современной оргтехникой, приобретенной с помощью спонсоров при содействии раввина Залмана Дайча. В распоряжении журналистов – компьютеры, лазерные принтеры, диктофоны, факсимильная связь, выход в Интернет. Благодаря новой пресс-службе повысится авторитет городского Еврейского общинного центра, его открытость, а это вызовет интерес к еврейской жизни.

ÈĪ ÈÈÁÈÛ Á ÁÁÈĪ É ÒÁDÈÁÈ

Вот уже больше года в Белой Церкви (Украина) работает коллель – школа для мужчин молодого и среднего возраста по изучению традиций еврейского народа. Возглавляет коллель Аши Городецкий, а спонсором выступает городской раввин Меир Гольцберг. Занятия проводятся два раза в неделю.

Все слушатели получают стипендию и деньги на проезд. На уроках изучают главы Торы, Талмуд, Шулхан Орух, историю и традиции еврейского народа, иврит и многое другое. Очень часто занятия проходят в форме дискуссий или обмена мнениями. Каждый слушатель может задать интересующий его вопрос и получить исчерпывающий ответ.

ÁĪ ÇDĪ ÈÁÁĪ ÈÁ ÁÁDÁÈÑÈÈÉ ÁÈÁÁĪ ÒÁÍ DÈÒÁÈÛĪ Ī ÑÒÈ

В Доме культуры завода «Эльмаш» в Екатеринбурге состоялась презентация новой прекрасно оформленной и содержательной книги «Благотворительность на Урале: парадоксы времен», подготовленной Уральским институтом социального образования (автор проекта – профессор М.А. Галагузова). В книге – большие обзоры, краткие информации, документы, выдержки из книг и газет, хронологические материалы, серия очерков «Благотворительность в лицах и судьбах», жанровые фотографии, портреты... Привлекает внимание одна из статей: «Благотворительность – это образ жизни еврейской общины». В ней читаем: «На иврите “благотворительность” обозначается словом “цдока”. Это слово имеет более широкое значение. Буквально “цдока” означает долг, помощь, справедливость, сострадание, милосердие и доброту».

На презентации издания выступил Анатолий Вольфсон, который рассказал о дореволюционной благотворительной деятельности екатеринбургских евреев и сделал сообщение на тему «Возрождение еврейской общины – возрождение еврейской благотворительности». А.В. Вольфсон поведал собравшимся также о работе Екатеринбургского еврейского общинного центра во главе с раввином Зелигом Ашкенази.

Ī. Òèòì àí

Ī. ÁĪDĪÁÁÈÛ

js.ru

Ἀ Ἀεὶ ὁ ἀρετὴ ἀόρατῆ ἰοῦ ἐδύο ἀπαρνεῖται ἅ ἅ ὀνεῖται ἡ ἡ

5 ὁ ἀρετὴ ἀ ἰοῦ ἐδύο ὀρατῆ ἡ ἡ ἰοῦ ἐδύο ἰ ἰ ὀνεῖται ἡ ἡ ἰοῦ ἐδύο ἡ ἡ ἀρετῆ ἡ ἡ ἰοῦ ἐδύο ἡ ἡ «ἰ ὀ ἡ ἡ ἡ».

Это произошло после прохождения многочисленных проверок: санитарно-эпидемиологической, пожарного надзора и других. Экспертная комиссия министерства образования Свердловской области приняла решение о выдаче детскому саду государственной лицензии. Члены комиссии остались довольны состоянием всех помещений капитально отремонтированного здания, высоко оценили работу педагогического коллектива; они выразили надежду, что это образовательное учреждение будет способствовать духовному и физическому развитию детей, поможет им изучить традиции еврейского народа.

Детский сад открыт при содействии международного фонда «Ор Авнер». В нем три младшие и одна ясельная группа. При поддержке фонда проведен качественный ремонт, помещения укомплектованы необходимым оборудованием, во дворе построены детские и спортивные площадки, где с удовольствием гуляют и занимаются спортом не только малыши, но и все дети образовательного комплекса «Ор Авнер», вплоть до гимназистов выпускного класса.

Ἀ. Παῖ ὀ ἡ ἡ ἡ

ΑΤΕΛΙΑ ΔΑΔΝΕΑΒ ΘΕΤΕΑ «ΙΔΑΑΙΔ» ΪΤΕΟ ΧΕΕΑ ΑΕΕΔΑΑΕΟΑΟΕΡ

Επι εοαο ΪΪ ΙαδαΓαατερ αα ειεηοδαοεε Ατεααααεεε Ιαεαηοε αταεε θεεεα «Ιδ Αααα» Ατεααααα «Ναεαοαεηηοαί Ι αηηααηοααίτε αεεδαεοαοεε» Ιο 13 ΪΪααΪ 2004 α Α Ια:αεα οαααεΪ ΪΪ αηεε αο:αί Ι αεδαεοΙδθ θεεεΪ Α. Α. Ιεεεοείτε.

Что значит для этой школы госаккредитация – ведь она и так работает давно и достаточно успешно? Ответ на вопрос звучит так: акция повышает статус образовательного учреждения, появляются льготы по аренде помещения и некоторые налоговые льготы, теперь школе должны выделяться деньги из бюджета. Немаловажно и то, что выпускники будут получать аттестаты государственного образца об окончании школы «Ор Авнер», а не о сдаче экстерном экзаменов в муниципальной школе, как это было прежде. Высвобождающиеся от снижения арендных ставок средства будут потрачены на проведение школьных утреников и вечеров, факультативов, да и просто на призы детям.

Ε. χεεεείτα

יְאִדְאִיֶּה אֲדִיֶּה אֲאִדְאֵנֵיֶּה אֶעֱיָא עֵדֵיִי אִיִּדְאֵי

праздник Ту би-Шват.

2 февраля в Краснодаре открылась еврейская воскресная школа. Впервые за много лет дети собрались на занятия, посвященные еврейским традициям, ведь единственная в городе еврейская школа была закрыта коммунистическими властями почти полвека назад вместе с синагогой.

На урок пришли пока всего 13 человек. Детей и их родителей встретила супруга раввина Хава Сегаль. Взрослым она рассказала о планах общины по организации еврейского образования в городе, а затем дети со своей первой учительницей, преподающей курс еврейских традиций, отправились в класс. Темой занятия был Новый год деревьев –

אֲאִדְאֵנֵיֶּה אֶעֱיָא עֵדֵיִי אִיִּדְאֵי

Школа «Ор Авнер» в Кировограде (Украина) была зарегистрирована в ноябре 2000 года, и уже через два месяца дети сели за парты. Тогда в школе насчитывалось 26 учеников. Сегодня школа «доросла» до седьмого класса, а количество учеников – до сорока. Вскоре коллектив ожидает переезд в новое, более просторное здание.

В течение всего учебного дня дети находятся под присмотром воспитателей, которые помогают делать домашние задания, организуют экскурсии и праздники. Дети получают двухразовое кошерное питание. Кроме общеобразовательных предметов, учащиеся углубленно изучают иврит, еврейские традиции и историю. Еженедельно ребята отмечают Шабос: девочки пекут халы, зажигают свечи, мальчики делают кидуш; дети и взрослые разыгрывают сценки из жизни праведников, рассказывают субботние истории. Ежемесячно в школе проводится «Рош Ходеш»: празднование начала нового месяца по еврейскому календарю, на котором подводят итоги прошедшего месяца, награждают лучших знатоков еврейских традиций, вручают подарки именинникам и, конечно, дети знакомятся с тем, что готовит им месяц будущий.

По инициативе старшеклассников в школе был открыт еврейский детский клуб. Для учителей раз в неделю проводят лекции по иудаизму, организованные супругой главного раввина Кировограда Сарой. Школьное помещение всегда оформлено в соответствии с символикой приближающегося праздника. Обстановка в классах позволяет создать такую атмосферу, при которой дети глубоко проникаются еврейскими настроениями.

«Школа «Ор-Авнер» – это прежде всего источник знаний для еврейских детей, – говорит ее директор и главный раввин города Дан Закута. – Это возможность получить традиционное еврейское воспитание, а также хорошее всестороннее образование».

ᾠΑΑΙΝᾶ ἘᾎΑΝΙ Ἰᾶᾎᾎᾎ Ἰ Ἰ ἘᾶᾶἘᾶ Ἰ Ἰ ᾠᾠᾠ

24 Ἰᾶᾎᾎᾎ ᾶ Ἐᾎᾎᾎ Ἰᾶᾎᾎᾎ, ᾶᾶ Ἰ Ἰᾶᾎᾎᾎ Ἐᾠ Ἰ Ἰ ᾠᾠᾠ Ἰᾶᾎᾎ ᾶ ᾠᾎᾎᾎᾎᾎ ᾎᾎᾎᾎᾎ, ᾶᾎᾎᾎᾎ Ἰ ᾠᾎᾎᾎᾎ Ἰᾶᾎᾎᾎᾎᾎ Ἰ Ἐᾎᾎᾎ ᾶ ᾎᾎᾎᾎ Ἐᾎ Ἰ ᾶᾎᾎᾎ.

«Двухэтажное здание из красивого красного кирпича площадью около пятисот квадратных метров арендовано общиной с помощью благотворительного фонда семейства Рор, – рассказал раввин города Шнеур Сегаль. – Этот фонд создан американским филантропом Джеймсом Рором для финансирования различных еврейских религиозно-просветительских проектов, в частности для возрождения еврейской жизни в тех странах, где само понятие “еврейство” долгие годы было под запретом».

Коллективная субботняя молитва состоялась 24 января 2004 года в Краснодаре в первый раз за много лет: ведь единственная в городе синагога была закрыта коммунистическими властями почти полвека назад. Поэтому не стоит удивляться, что в первой церемонии приняли участие только 20 человек. Но председатель еврейской общины Краснодара Юрий Тетельбаум убежден, что уже в ближайшие недели Шабос придут отметить намного больше евреев города.

У Ю. Тетельбаума много планов по дальнейшей активизации общинной жизни: открытие воскресной школы, женского клуба и др. Примечательно, что раввин Шнеур Сегаль, приехавший в Краснодар всего полтора месяца назад, уже успел активно включиться в общинную жизнь города с пятитысячным еврейским населением.

יִי אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ

10 февраля в Мытищах открылись Еврейский общинный центр и синагога. Торжественную церемонию посетил главный раввин России Берл Лазар. Он прикрепил мезузу у входа в здание. Руководитель мытищинского общинного центра Арон Гуревич пригласил почетного гостя на праздничную трапезу. Раввин Берл Лазар поздравил общину с новосельем. «Каждый еврей должен знать, что синагога – это его родной дом, – сказал главный раввин России, – и мы сделаем все, чтобы мытищинские евреи смогли это почувствовать». Интересно отметить, что прежним хозяином здания, в котором разместился мытищинский еврейский общинный центр, было местное отделение КИРФ, устроившее там свой агитационный пункт.

י. זעליץ

יְיָ נֹחַ יְאִי יְדֹאָעַא

28 января в синагоге украинского города Николаева состоялся торжественный прием в честь нового раввина Леви-Ицхака Перельштейна и его супруги Ханы, приехавших из Израиля. Раввин возглавит общину города Первомайск Николаевской области. На прием прибыли раввины юга Украины: главный раввин Одессы Авроом Вольф и главный раввин Херсона Йосеф Вольф.

Раввин Леви-Ицхак Перельштейн рассказал, что его корни здесь, в Первомайске: прадедушка его супруги родом из этого города он был раввином одной из синагог. Когда при советской власти начали закрывать синагоги, он вынужден был уехать. На своем новом посту раввин Перельштейн будет способствовать становлению и укреплению еврейской жизни в городе.

י. דיִעֹאָוּוּ

יְדֹאָא: יְיָ אֱלֹהֵי דְאֵאֵי אֵי נֹחַ דִּי אֲבָאֵנֵי יְאִי יְדֹאָא

В конце января раввин – посланник Любавичского движения Шарон Эршко с супругой Лиорой прибыли в белорусский город Оршу, некогда бывший одним из центров еврейской жизни. Сейчас в городе проживает несколько тысяч евреев. В планах нового раввина – открытие синагоги и организация концертных программ в одном из залов города к празднику Пурим.

י. עֵשֶׂר אִי

Àëàéñá àð Ðíçáí ááóí - ãñò ù ááðáéñéíã ááòñéíã áíí à

Èçãñòí ùé ááòíð è èñíéíéðáéù ïííðéçðí ùð íáñáí, ááíòáò Áíñááðñò ááííé áóí ù íò íáðòéé «Ááéíáç Ðíñéç» Áëáéñáí àð Ðíçáí ááóí ïíñòéé 3 óáððáéç ááðáéñéç ñáñéíó è ááðáéñéé ááòñéé áíí à Íáðáðáððá Áã ãííðíáçááéé áááí ùé ðáááéí ãðñáá Í áíáóáí - Ì áíáé Í ááçíáð è ïðááíñáò áéù ááðáéñéé ñáñéíó Ì áðé Áðóáððá

Артист был очень растроган, когда к нему подошла девочка и рассказала о своей жизни до поступления в детский дом. «Я счастлива, что могу учиться в еврейской школе, – добавила она, – где такие добрые и хорошие преподаватели». Завершая визит, Александр Розенбаум обещал свою помощь еврейской общине; в частности, он планирует организовать в синагоге на Пурим свой праздничный концерт.

À. Ðááíòíééíãá

Убийцами были не все

Ádàò à Èíí èèñ Áíðèñ Èáí ààüü

Ííà òàèèí íàçáíéáí á Ááðí áíèè íááááíí (á 2001 ááò) áíóèà éíèáí Ì èðáéü Áááí à Ìáííè-ááèáííííá øèðíèí - íí áííè òòðáíá Ááòíð - èè-ííòüü á Ááðí áíèè áííòáòí-íí èçáííòíáé: íí è òáèèííáò, òááíòááòèè ñ Èíá áðíí Ááðá áííí, Ìáòáðíí Õáááèíí, Áíðèáí Òááíðè, è áèòáð ñíèí ááèèéüü á áíèüòíí èèíí è á òáèáííðèáèáá. Øèðíèéé íáèèèá Ì èðáéüü Áááí çáííí íèèüü èáè ó-áíòíèè ííííèüðíüò òáèáíí áðááá- è èáè èíííèííèòáèü ðíèáè á òèèüü áò «Áíí áü» è «Òáèííá ááèí òáèòá», ááá íí ñíáðáè Ááíèüüà Áèòèááðá.

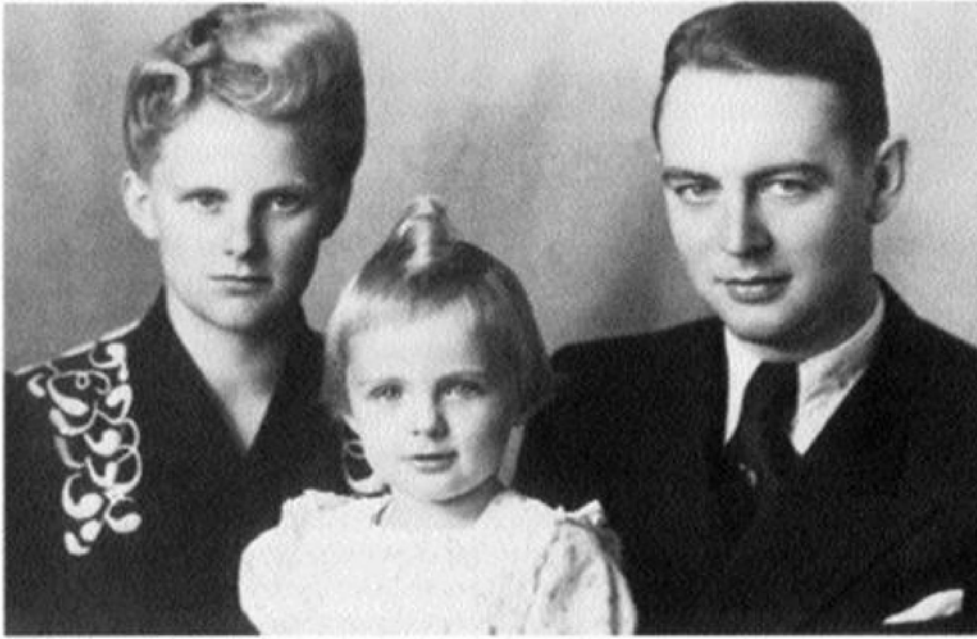
У книги «Убийцами были не все» есть подзаголовок – «Детство в Берлине» (Michael Degen. Nicht alle waren Mörder. Eine Kindheit in Berlin). Детство автора, родившегося в 1932 году в семье евреев из Хемница, пришлось на лихие времена. Времена миновали, но воспоминания глубоко запали в душу. Книга Дегена – еще одно свидетельство о Холокосте, хотя в ней отсутствуют бараки, переклички на лагерном плацу, газовни и печи. В концентрационный лагерь Заксенхаузен осенью 1939 года из всей семьи попадает лишь отец Михаэля, владелец магазина, торгующего шерстью и трикотажем, маленький щуплый человек, юморист, отчаянный весельчак, с сумасшедшинкой, свойственной многим еврейским чудачкам. После зверских избиений уже в феврале 1940-го его препровождают на кладбище.

Его красавица-жена, женщина отважная и решительная, оставшись с двумя сыновьями, продолжает бороться за жизнь. Весной 1940-го ей удается отправить старшего в Швецию, откуда он попадет в Палестину. В Берлине остается Михаэль. Вдвоем они перебиваются как могут, оба работают. Десятилетний Михаэль после закрытия еврейских школ моет больных, таскает параша и покойников в туберкулезном отделении еврейской больницы. В книге подробно рассказано, как выживали Михаэль с матерью в течение двух лет, начиная с 43-го. Почему выбраны эти годы? Потому что в 1943 году состоялась последняя большая акция гестапо. Евреи Берлина в течение суток были выловлены и этапированы на восток, где к их приему уже все было готово.

Михаэлю и его матери удалось избежать ареста, но они в одночасье лишились крова и имущества. Два года жизни на лезвии ножа. Ежечасный риск быть выданными, схваченными, депортированными в Аушвиц или убитыми во время непрерывных налетов союзнической авиации. В книге переданы ощущения и чувства быстро взрослеющего ребенка. Разумеется, диапазон обзора у мальчика, который ограничен в передвижении, в общении, на мир глядит украдкой, чаще из убежища, из «подполья», не столь широк, но зато это – честный взгляд.

Как же удалось выжить еврейке Анне Деген и ее сыну в ту страшную пору под носом у нацистов, у гестапо? Согласитесь: это чудо. Да, не раз их выручали находчивость и самообладание, часто на помощь приходил случай или удача – называйте, как хотите. Но чудо все же сотворили реальные люди, простые немцы, подчас совершенно незнакомые, помогавшие матери с сыном рискуя собой. Все они знали или догадывались, кому помогают. Да, не все немцы были убийцами.

Сейчас это важно знать не только евреям, но и самим немцам. Книгу нам рекомендовала прочесть Марианна Швенк, преподаватель языковых курсов в Германии. Она принадлежит к поколению 1968 года. Именно это поколение потребовало к ответу «отцов»-политиков, находившихся в гитлеровской Германии у власти и более двух десятилетий скрывавших правду о фашистском режиме. Дети хотели знать правду о прошлом «предков», и они ее узнали. Пережить открывшееся было очень нелегко, но если часть их соотечественников все же решилась на покаяние, то в этом заслуга немецкой молодежи «призыва» 68-го.

Аадо Гейн е Уейца Аасё пай-адир.

С тех пор тема Холокоста не сходит с повестки дня. Кое-кто из немцев уже ропщет: надоело. Но официальный антифашистский курс руководства страны не меняется. Сегодня, размышляя над книгой Дегена, я вспоминаю свои удивление и радость, когда по приезде в Кёльн узнала, что все школьники старших классов земли Северный Рейн-Вестфалия обязаны посмотреть фильм Спилберга «Список Шиндлера». Знакомство с ним мыслилось как своего рода «прививка» против антисемитизма и неофашизма.

Нашу Марианну никто не уполномочивал принести книгу в группу, она сама поняла, что знакомство с ней будет полезно евреям, эмигрировавшим в Германию. Все же легче жить здесь, зная, что не все немцы были злодеями. Думаю, и самой Марианне, и ей подобным очень важно верить в это, иначе – как жить с чувством неизбывной вины? Потому и не иссякает в Германии поток исследований на эту страшную, трагическую тему!

24 сентября 2003 года по каналу WDR (Westdeutscher Rundfunk) был показан документальный фильм «Властелин трех колец – Бертольд Байц» (режиссер Беме). Его главный герой – девяностолетний профессор, доктор наук, в недавнем прошлом руководитель филиала концерна Круппа в Эссене. В этом городе он и сейчас живет со своей женой Эльзой. Фильм снят не случайно: Бертольд Байц – не просто юбилар, он – Праведник мира. В Музее Яд ва-Шем в Иерусалиме документы, удостоверяющие его помощь евреям в годы Холокоста, хранятся в деле № 299.

Под впечатлением фильма отправляемся с приятелем в библиотеку и находим две книги, посвященные Байцу. Бернд Шмальхаузен свою книгу «Бертольд Байц в Третьем рейхе. Человек в бесчеловечное время» выпустил в 1991 году (Bernd Schmalhausen. Bertold Beitz im Dritten Reich. Mensch in unmenschlicher Zeit), а шестисотстраничное исследование Томаса Зандкюлера «Окончательное решение» в Галиции. Убийство евреев в восточной Польше и действия Бертольда Байца по их спасению. 1941 – 1944» (Thomas Sandkühler. «Endlösung» in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz. 1941 – 1944) появилось в 1996 году. Написаны они на основе кропотливого изучения многочисленных печатных и архивных источников, досье Байца в музее Яд ва-Шем, а также бесед со свидетелями, оставшимися в живых благодаря Байцу (эти свидетельства особенно ценны). Книги помогли нам восстановить события шестидесятилетней давности.

Галиция – южная часть Западной Украины – перед войной принадлежала Польше, здесь проживало более полумиллиона евреев, и число их росло по мере того как нацисты усиливали преследования евреев в Третьем рейхе. По пакту Молотова – Риббентропа часть территории, в том числе и нефтеносный район Борислава и Дрогобыча, отошла к Советскому Союзу. Но уже через неделю после нападения на СССР немцы овладели всей Галицией. Нефтяные промыслы имели огромное значение для

вермахта. Организованная немцами фирма «Карпатен-Ойл» должна была обеспечить бесперебойную добычу нефти и газа в этом районе.

Руководителем фирмы был назначен молодой инженер Бертольд Байц. Он родился в 1913 году, накануне первой мировой войны, в которой его отец участвовал как унтер-офицер уланского полка. В мирной жизни отец был банковским служащим, и сын по окончании школы тоже выбрал банковское дело. Он был обыкновенным юношей, любил спорт и отличался от многих своих сверстников лишь тем, что не стал вступать в национал-социалистическую партию. В апреле 1939 года Байц получил хорошее место в Гамбурге в уважаемой нефтяной фирме и не предполагал, что в июле 1941-го по поручению министерства экономики возглавит фирму в Бориславе. Тем более ему и в голову не приходило, с какими ужасами он там столкнется.

Аїдеїаа а пїаї іеїї'аїеї.

По мнению немецких исследователей, нигде уничтожение евреев не было таким жестоким, как в Галиции. За короткое время были расстреляны, отправлены в лагеря уничтожения, погибли от голода, холода и непосильного труда почти все пятьсот тысяч галицийских евреев. Оказавшись свидетелем злодеяний, в которых принимало участие и украинское население, Байц был потрясен: «Одно дело читать о массовом уничтожении евреев, другое – видеть, как на твоих глазах расстреливают женщину с ребенком на руках» Ему пришлось увидеть много такого, от чего леденела кровь. Обхватив голову руками, он вечерами говорил, что его жжет стыд за соотечественников, и предсказывал, что немецкий народ еще за это заплатит.

И Байц начинает помогать евреям. Уже в 1942 году евреи Борислава – те, кто находился в гетто, и те, кого использовали на принудительных работах, называли двадцативосьмилетнего директора «отцом евреев» Начнем с того, что вопреки распоряжению об увольнении всех рабочих и служащих-евреев, которое появилось в июле 1941-го, Байц добился у коменданта города разрешения на работу евреев в фирме. Предложение использовать украинцев Байц отклонил. Мотивировка была «железной»: «Без евреев мы никакой нефти не добудем» Евреи работали и на нефтяных промыслах, и в различных службах. В одной конторе фирмы трудились около 150 евреев, они являлись на работу под конвоем полицейских. Байц давал евреям работу, чтобы спасти их от депортации и смерти. С этой целью был оборудован «Белый дом», в котором еврейские служащие фирмы жили вместе с семьями. Когда являлись с проверкой из «органов», Байц объяснял, что в доме живут незаменимые специалисты. В действительности же многие из живших в этом доме не имели технического образования и занимались подсобными работами. Даже его секретарша Хильда Бергер была еврейкой по материнской линии.

Байц заботился, чтобы его еврейские подопечные получали дополнительные продукты. С помощью польского пекаря Морски (после войны станет директором хлебозавода в Штеттине) он создал булочную, которая тайно снабжала хлебом евреев, проживавших в рабочем лагере Мрашница. Не забывал он и поляков Борислава и Дрогобыча, которые немало натерпелись от немцев. В 1947 году Ян Яворски

вспомнит, как Байц бесплатно переправлял хлеб в дрогобычский сиротский приют. Закончил поляк свое благодарственное письмо русской поговоркой: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется»

И в самом деле – после войны выжившие евреи Борислава начали искать Байца, чтобы выразить ему благодарность. С помощью своей бывшей секретарши Байц устроился на работу в страховое общество в британской зоне оккупации. В 1948 году он стал директором страховой фирмы.

Те, кто не смог лично встретиться с ним, посылали свои свидетельства в открывшийся в Израиле в 1953 году музей Яд ва-Шем. Кристина Острихер, проживавшая в Рамат-Гане, написала: «Моего мужа (глазного врача) Байц всегда своевременно предупреждал о готовящихся “акциях”. Он рисковал, поскольку эту информацию получал из гестапо. Он часто давал мужу пакеты с продуктами, зная о том, что наша семья скрывается в убежище. Конторским служащим он разрешал ночевать в конторе, если узнавал, что ночью в гетто эсэсовцы готовят “акцию”».

Другие свидетели с благодарностью вспоминают, что Байц находил для них доброе слово – а для несчастного еврея в условиях постоянной униженности оно подчас было важнее куска хлеба. Вот что пишет житель Тель-Авива Эмиль Вискель: «Во время оккупации я служил в “Карпатен-Ойл” переводчиком. Летом 43-го полицейский Йозеф П. зверски избил меня, выбив одиннадцать зубов. Меня притащили едва живого в лагерный медпункт, но тем не менее я каждый день выходил на работу. Когда г-н Байц узнал об этом от сотрудников, он пригласил меня к себе в кабинет. Протянул руку для приветствия и сказал, что знает о случившемся. Г-н Байц извинился передо мной за такое обращение и сказал, что он, к сожалению, бессилен перед этой жестокостью. На прощанье он выписал мне бумагу, дающую право на получение большого продуктового пайка. Г-н Байц знал, что мои жена и ребенок скрываются в убежище, и он выписал для них дополнительно лимоны и шоколад. Он сделал это, не таясь и одновременно как бы отделяя себя от наци. Такого человека, как он, в Бориславе было не встретить»

Жена Байца, Эльза, разделяла взгляды мужа, и о ней тепло вспоминают жертвы геноцида. Свидетельствует Артур Бирман, четырнадцатилетний помощник водопроводчика: «Однажды мне было поручено произвести небольшой ремонт в доме г-на Байца. Когда с нарукавной повязкой еврея я вошел в их дом, семья завтракала. С ними за столом была их маленькая дочка. Они пригласили меня позавтракать с ними. Я отказался и попросил разрешения вместо этого взять с собой что-нибудь из еды для мамы. Фрау Байц, однако, настояла, чтобы я завтракал с ними. А когда я уходил, она дала мне пакет с хлебом, колбасой и медом и сказала: “Это для вашей мамы. Вы – молодец, что заботитесь о маме”».

Эльза Байц укрывала в своем доме знакомых евреев, если им грозила депортация. Почти весь август 1942 года скрывались в их доме скорняк Игнац Линхард и его пятнадцатилетний сын. Игнац был через несколько месяцев расстрелян эсэсовцами, а его сын Залек выжил благодаря помощи Байцев и проживает ныне в Израиле.

Быть может, самое впечатляющее свидетельство мы нашли в книге Антона Марии Кайма «Спасители евреев из Германии» (Anton Maria Keim (Hg.). Yad Vashem. Die Judenretter aus Deutschland. 1983), где названо свыше двухсот немецких фамилий и среди них – Байц. Свидетельствует Леа Альтбах, работавшая уборщицей в конторе Байца: «15 февраля 1943 года в Бориславе проводилась “акция” Всех работавших собрали в одно место для депортации. Среди схваченных вместе со мной были моя мать и моя сестра с детьми, множество моих родственников и друзей. Двое суток оставались мы без воды и пищи на грузовиках в ожидании приказа доставить задержанных к месту казни. Байц обратился в гестапо и добился разрешения на мое освобождение. Он сам подошел к машинам, остановил уже двинувшуюся колонну, чтобы извлечь меня из грузовика. Только меня одну. Мне известны другие случаи, когда Байц под разными предлогами спасал мужчин, женщин и детей из транспортов, готовых к отправке. Он также предупреждал евреев о готовящихся акциях. С помощью своей жены Эльзы он прятал евреев у себя в бюро и в доме. Многие, работавшие на предприятии, которым он руководил, обязаны ему жизнью» (из дела № 299).

Азэс а 90-а жэс.

Добровольно приняв на себя обязанности «отца евреев» Борислава, Байц страшно рисковал. Он подвергал опасности и свою семью. Впоследствии, когда его спрашивали об источниках его смелости и мужества, он отвечал: «Мужество часто граничит с незнанием. Если бы мне тогда было не двадцать восемь, если бы я представлял масштабы опасности, я, возможно, был бы осторожнее» Отвечая так, Байц просто уходил от разговоров о героизме. Он не считал себя участником Сопрогивления, не хотел, чтобы в нем видели героя-антифашиста. Такая категория людей нам известна. У Хемингуэя в романе «Прощай, оружие!» раненый американский лейтенант, представленный к награде, на расспросы о том, как он совершил подвиг, отвечает, что, когда разорвалась мина, он ел сыр. Байц тоже из числа тех, кто не любит громких слов, а потому и говорит, что шел на риск просто по молодости лет. Это, конечно, далеко не так.

Он хорошо сознавал, какие последствия могут иметь его действия, направленные на спасение евреев. Уже в начале 1942 года сотрудники фирмы из числа фольксдойче (немцы, проживавшие вне рейха, в той же Галиции) написали на Байца донос в службу безопасности в Бреслау. Они «сигнализировали» о пропольских настроениях своего шефа и о том, что он способствует побегам евреев. Попади письмо по инстанции в гестапо – не миновать бы Байцу ареста. Но, на счастье, руководителем службы безопасности оказался его бывший одноклассник, с которым он к тому же был дружен. Тот вызвал Байца в Бреслау, показал ему письмо, после чего оно было сожжено в камине, а другу своему посоветовал быть впредь поосторожнее. Байц был благодарен вдвойне: мало того, что письму не был дан ход, он знал теперь, кого надо опасаться в своем окружении.

Несмотря на предупреждение Байц по возвращении из Бреслау продолжал свою рискованную деятельность по спасению евреев. Разумеется, действовать так, будучи под неусыпным наблюдением доносчиков, мог только человек потрясающего личного мужества.

Поскольку круг деятельности Байца расширялся, возрастала и опасность вольного или невольного предательства. В начале 1943 года он вновь оказался на краю гибели. По свидетельству Цви Хайлига, в Бориславе существовала подпольная еврейская группа, которая организовывала бегство евреев в Венгрию. Режим Хорти в ту пору еще уклонялся от выполнения требований Германии о депортации евреев, а потому у беглецов были надежды на спасение. Подпольная группа снабжала евреев фальшивыми документами, бланки для работников арийского происхождения похищались из приемной директора фирмы «Карпатен Ойл» Подобрал ключ к сейфу, где лежал факсимильный штампель с подписью Байца,

евреи-подпольщики по ночам проникали в кабинет и без ведома хозяина использовали штампель для своих целей. Таким образом удалось спасти многих евреев.

Надòèòèèàò Ààèöà èç Bà àà-Òàì à

Но вот в начале 43-го, осматривая поезд, эсэсовцы задержали двух евреек, в документах которых значилось, что они арийки, служащие в «Карпатен Ойл» Документы были заверены Байцем. В бюро фирмы нагрянули работники гестапо. Забирая директора в Дрогобыч, они не стеснялись в выражениях и сулили ему или штрафной батальон, или концентрационный лагерь. Это слышали сослуживцы.

Цви Хайлиг пишет: «Все мы знали, что Байц помогает евреям, мы были уверены, что гестапо это тоже было известно. И было ясно, что они считают, что это он снабдил фальшивыми документами двух еврейских девушек. Мы испытывали большую симпатию к Байцу, и мы знали, если он исчезнет, нас всех ждет смерть. Потому мы с моим братом Матесом решили ему помочь»

Мы знаем, что немногие немцы в годы Холокоста спасали евреев, но чтобы евреи спасали и спасли немца!.. Этот случай до того уникален, что о нем следует рассказать. Способ спасения был выбран столь невероятный, что никто не поверил бы Хайлигу, если бы не свидетели. Братья взяли два чистых бланка, которые у них еще оставались, наклеили на место фотографии, удостоверяющей личность, снимок овчарки, а в графе «фамилия» написали: «Немецкая свинья» Затем, проникнув в сейф, они заверили оба документа штампелем Байца и оставили их на письменном столе заместителя директора, с тем, чтобы на следующее утро они были обнаружены.

Гестапо реагировало на находку именно так, как рассчитали братья Хайлиг. Логика подсказывала: Байц, находившийся под стражей, не мог этого сделать. Следовательно, тут замешан кто-то другой, кого и нужно искать. Байц смог вернуться в свое бюро.

В марте 1944 года закончилась гражданская служба Байца в Бориславе. Он должен был надеть мундир фельдфебеля-пехотинца и покинуть город. Впрочем, в связи с наступлением Советской Армии фирма начала сворачивать свою деятельность. Оставшиеся в лагере евреи понимали, что с отъездом их главного защитника шансов уцелеть почти не остается. Часть из них была отправлена в Аушвиц и в концентрационный лагерь Пłaszew возле Кракова, и лишь немногие дождалась освобождения. Кое-кому удалось бежать в окрестные леса. Когда 7 августа 1944 года советские войска вошли в Борислав, лагерь Мрашница был пуст, только несколько евреев добрались до города из леса, где скрывались в землянках.

«Однажды мы еще сойдемся за столом и попируем», – пообещал Байц своей секретарше на прощанье, покидая Борислав и отправляясь на фронт. Хильда Бергер, живущая в Нью-Йорке, говорит, что она ему не поверила, но, оказавшись в Аушвице, часто вспоминала своего шефа и его обещание. Тридцать лет спустя Байц сдержал слово: они встретились за столом в нью-йоркском ресторане.

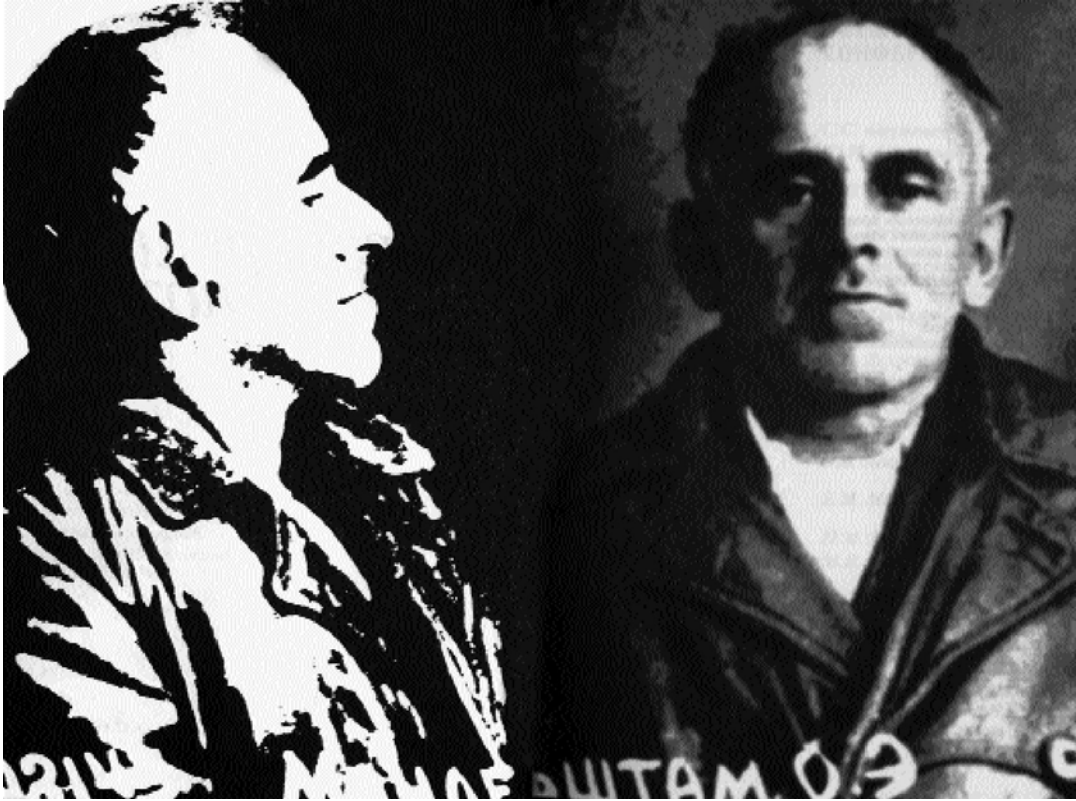
Байца часто сравнивают с Оскаром Шиндлером и Раулем Валленбергом. Их роднит то, что они сами сделали свой выбор и доказали, что человек – не песчинка в вихре истории, не винтик в хорошо отлаженной государственной машине. Сравнение оправданно, но требует оговорки: Байц, в отличие от Шиндлера и Валленберга, не был ни владельцем фирмы, ни дипломатом, его возможности были более ограничены. Сколько евреев спас Байц, сколько их в его списке? Сто или более? Никто не вел подсчетов. «Кто спасает одну жизнь, спасает целый мир» Эти мудрые слова начертаны на выходе из Сада Праведников в Яд ва-Шеме, где зеленеет и тянется к солнцу дерево, посаженное в честь Праведника Мира – Бертольда Байца.

– А как можно было стать Праведником? – спрашивает бабушку внука, читая по складам имена на табличках возле деревьев.

– Как? Просто нужно было оставаться человеком в то время, когда торжествовала бесчеловечность. Это требует и смелости, и мужества, но прежде всего, моя девочка, нужно было родиться и вырасти порядочным человеком.

ΔΕΛΟ ΟΒΕΡΝΥΛΟΣΎ ΗΕ ΠΟ ΤΡΑΦΑΡΕΤΥ

Άάί άάέέο Νάδι Γά

Γάδιλάκιέε τόδιλάε ύ ίάίθαέ ίά όλι, +όί ίάίά ίίάδιλάίηου ίεηύ ά Λόσάδείά ε Νόάέείό ίόάάέέά ό άέέοάοίδα ίίάέ έίόάάί έ άέέό ίάίάέέέοάί ά ε έ άά ηύάάά Υόίέ ίίάδιλάίηουίφ, ίάάοέάσάέ ίά ηύύ ηύάάά άέίάέά Νόάέείά, άύέ ίηόηέδείόόί άάάάέίηέίά ίεηύ ά Όί-ίάά - όίίί έίάίέά άγούί ίηόηέδείόόί άέί άέέ ίάηόάδιάέά

Όρίάά +όί «ίάίάέέόάέύ», έάέ ίί ίάίάέάύ άά ίάάάέ, «ά ίίέίίί όί ίίίί άά-άίέέ ίό άάάά ά ίάίάέέέοάί ά», Νόάέεί ίίάίίέέ ίάηόάδιάέό Όίό όάέάόίίίύέ άάάάάδ όάίάδι όεά ηόάέ έάάύάέ. ίά όίέύέί ά όίί ηύ ηύέά, +όί ίάδιηύ ίίάέάηόάί ηέόόίά, ηάι ηό άάίίάόάάίόό ίάάίέάάίά άάάέέ έ έίόάάίάόάόέέ, ά άηάί ίί ίόγί ίί, άέέάέύίίί. Έάέ άγέέάγ έάάύάά, ίί ηόάέ έηόί-ίέέί ίά όίέύέί ί άί άάδιύό, έηόίόέ-άηέό έ έάάέέηόίόέ-άηέό, ίί έ +έηόί όάίάέάηόάάίύό ίόέέέέίά έ όίέέίάίέέ.

Υόέ όάίάέάηόάάίύά έίόάάίάόάόέέ, άύού ίίάέό, όίάά άίέέέέάάό άέί άόάέύίίά έ άάάά ίίάδιλάίίά άάάάά ίί άέύ ίάσάέ όάί ύ άάάίά ίόάέάά άίάά όάέόέ-άηέάγ ηόίόίά άάά. Όό όίάά ηύάηόάάό ίίάέάηόάί άάάέέ - άάάίόό ίάάίέάάίά γούά άίάί άέέόίά όάέάόίίίίά άάάάάά Έ όίόγ έηόί-ίέέί έάάάίά όάέίά ίάάίέάά άύέ άάάέά άίάίά ίάηόάδιάέά, ίόέέ-άηόύ ίίέ άάάίό άάάά ίίόίέ άάέέόάέύίί.

χόίάύ ίόέάέέέέόύύ έ ίάέάίέάά άηόίάάίίί ό άάάάίόό ίόέάάό ηάι ύά έάάίόύά έγ ίέό, +όίάύ ίίύόάόύύ άάάί ίόάάόύ άηφ όάέόό, ίόέάίάάίίόφ ά έέίάάίέά γούά άάάάάά ίόέόάάίόόύ έάάάίά άά ίάάέάάόάέγ.

Итак:

ΆΑΔΝΈΒ Ι ΑΔΑΪΒ

«Άίόέηό ίάηόάδιάέό ίίάίίέέ ίίηέδιάύέάά έ ηέάάέ:

- *Ñæ: aññ ààì è áááà ãááðèòù òíáðèù Ñòáèèí!*

È, ááèñòáèòáèùí, òðúáèó áçÿ Ñòáèèí è ñéáçáè:

- *Í ááááí áðáñòíááí ìíÿ Ì áíááèùòáì. ×òí áù ì íáèáðá ñéáçòù í íáì, òíáðèù Í áñòáðí áè?*

Áíðèñ í: ááèáíí, ñèèùí í áðáí óáèñÿ è íðááòèè:

- *Β í: áíù ì áèí áá çíáð! Íí áúè áèí áèñòíí, à ÿ ì ðéááðáèéááðñù áðááá èè òáðáòóðí íáí íáí ðááèáí èÿ! Òáè: òí íé: áá í Ì áíááèùòáì á ñéáçòù íáí íáí!*

- *Á ÿ ì íáñ ñéáçòù ÷òí áù í: áíù ì èíòíé òíáðèù, òíáðèù Í áñòáðí áè! - ñéáçáè Ñòáèèí è ìíéíáèé òðúáèó.*

(Áèòáèéé Óáí òáèèí ñèé. Ðáúù ñáíááù.)

Á èè òáðáòóðí ùó áððéááð É.Á. Ì., 1995. Ñ. 239)

Этот текст взят из следственного дела Мандельштама. Точнее – из свидетельских показаний драматурга Иосифа Прута, записанных при реабилитации Мандельштама.

Версия наименее достоверная из всех известных (именно поэтому я начал с нее), отражающая скорее ходившие тогда в писательской среде слухи и сплетни, нежели рассказ самого Пастернака. Излагая ее, И. Прут сослался на то, что слышал этот рассказ от Семена Кирсанова. От кого услышал его тот – неизвестно. Так что очевидную его недостоверность можно списать на «испорченный телефон».

Но о том, что Б.Л. «перепугался», не сумел защитить товарища, просто-напросто струсил, – говорят многие. В том числе и узнавшие о содержании разговора, как все они уверяют, из первых рук.

ÁÁÐÑÈΒ ÁÒÍ ÐÁΒ

«ÿòí ñèó: èèíñù íáçááíèáá áí ì áíááèùòáì íáíéíé ññùèèé, èíááà íááíèùòáÿ áðñòéá áððáè ìíÿ ò á ñáðáèáññù áí áñòá ÷òíáù íáññáèòù èáè ì íáèíí áí óííí í: ù

Áíðèñ Í áñòáðí áè çáíáçáúááè. Áá í íáè çáááðáèòù ðáçíúá íáñòíÿ òáèññòáà, è ì ù íá ìñááííí ááñííéíéèèñù

Í áèííáð ðáçááèñÿ çáííé á áááðí; Áááíèé Óáçéí, óíçÿéí èááðòéðí, ááà ì ù ñáðáèèñÿ ìíòáè íòéðíáòù è ááðí óèñÿ ñí Í áñòáðí áèíí. Áíðèñ áíáÿÿáè íáð: áííùí, áçáíéííááííùí è íáðáíùí. “Ñí ì ííé ìðéçíòèí íá: òí óèáññ íá! - ñéáçáè íí. - Óèáññ íá! È ÿ ááè ñíáÿ èáè òðñí!”

Á çàòáí Í áñòáðí áè ðáññéáçáè íáí áíò ÷òí. Ñáááíÿ óòðíí, èíááà íí ñéááè è ðááíòáè, çáçáííèé òáèáòíí, è áí óí ðéáèèññù ì íáíéòé. Í áçí áèíí ùé áèíñííéíòáðáññáèñÿ - èòí ó òáèáòííá, íá òíáðèù èè Í áñòáðí áè. Èíááà Áíðèñ íòááòèè óòááðáèòáèùí, áèíñ ñííáÿèé: “Í íáíáèèòá ñæ: áññ ááí è áááà ãááðèòù òíáðèù Ñòáèèí!”

“Β áúè á óíéá!” - ðáññéáçáúááè Í áñòáðí áè ×áðáç íáèííòíðá áðáíÿ áèíñ Ñòáèèíá ìðéçíáññ óáðáèòáðíùí áðçéíñèè áèóáíòíí:

- *ÿòí òíáðèù Í áñòáðí áè?*

- *Áá, òíáðèù Ñòáèèí.*

- *Èáèíá ááòá ì íáíéá, èáè íáí ìñòóíèòù ñí Ì ñèííí Ì áíááèùòáì íí? ×òí íáí ñí íéí ááèáòù?.*

Í áááðííá íá í ííáá èç íáíí ííáé áú í:òèòóúíí èéòíí é èéóó ñ áééòáòíòíí, èíòíòúé áúçíááé ñòðáò ó óáéíé ñòðáíú. Áíðèí Íáíòáðííáé íá áúé áóíòáðáí, èáé Í áíááéúòáí. Íí áúé í á:òáòáéáí, é íí ñòðúíé. Áðúáíáíéíáí. Íí òáé è áúéí.

Áí áíòí òíá, ÷òíáú íòííéòú çà Í áíááéúòáí á, Íáíòáðííáé íòíí ú:áé ÷òí-òí áðíáá: “Ááí èó:òá çíáòú òíááðéú Ñòáééí”. Á ñòáééííéíí íòááò á çáò:áéá íáíí áééá: “Ýòí áíá ÷òí áú í íáéáòá íéáçáòú? Èíáá íáèé áðóçúí íííááéé á áááú, ì ú èó:òá çíáéé, èáé ñòáéáòóúíí çà íéò!” Í ííéá ýòíá Ñòáééí áðííéé òðúáéó.

(Ááééíá òíí Í áéé. Òáééí è ýéò ííí íí... //

Ñíòðáíé í íí ðá:ú 3/2 Í, 2002. Ñ. 101, 102)

В этой версии появляется уже новый, чрезвычайно важный мотив. Оказывается, Сталин звонил Пастернаку не просто для того, чтобы узнать его мнение о Мандельштаме. Он хотел посоветоваться с ним насчет того, как ему поступить с проштрафившимся поэтом, что с ним делать.

Свои мемуары, из которых взят этот фрагмент, Галина Николаевна фон Мекк (кстати сказать, внучка той самой Надежды фон Мекк, которая покровительствовала П.И. Чайковскому) писала уже в эмиграции, в Англии, где оказалась, пройдя через все прелести сталинского ГУЛАГа. Вспоминая даже то, что слышала (поверим ей) собственными ушами и из уст самого Бориса Леонидовича, она, естественно, не могла быть стенографически точна, особенно в передаче прямой речи. И реплика Сталина в ее передаче («Как нам поступить с Осипом Мандельштамом? Что нам с ним делать?»), и ответная реплика Пастернака («Вам лучше знать, товарищ Сталин») – более чем сомнительны.

И все-таки мотив этот (хотя бы даже и как один из ходивших тогда слухов) заслуживает внимания. Тем более, что он возникает и в некоторых других версиях.

ÁÁÐÑÈÈ ÒÐÁÒÙÈ

« - Áú çíááòá ÷òí Áíòý íáíáéáú íòéáçéííí ííáááéáòú Í áíááéúòáí á? Ááí ýòí èçáííòíí èéé íáò? »

- В íá ýòíí íéúòáé áááéáú. È í:áíúáú òíòáé, ÷òíáú áú íéáçáéé, èáé ááí ýòí èçáííòíí.

- Èçáííòíí í:áíú íòííòí. Í íá Áíòý íáí ðáííéáçíááé. Ááéí áúéí á òíí, ÷òí Ñòáééí ííçáííéé áí ó íá èááðéòéú Áíòý íí áááá íá ááðéé è áááðéò: “Ááááò áððéá èíí áòú”. Í áéííáá, ááí òáí áíáðíáç íááðííéé, è íí ñòáé íéúòáòú Ñòáééí áá íí ðáééááò: “Èáéíá áú í íáíéý í Í áíááéúòáí á?” È Áíòý ñòðúíéé, íá:áé íáíýííýòú ÷òí íí áá íéíòí çíááò è ó.á, òíòý áúé á èóðá, ÷òí Í áíááéúòáí áðííòíáí. Ñòáééí ñòðáòíí íáíçééííí: “Í ú òáé òíááðéúáé íáééò íý çáíéúáéé”, - è áðííéé òðúáéó.

- Á áú áóí ááòá ÷òí, áíéé áú íí òááðíí çáíéòéé, òí..

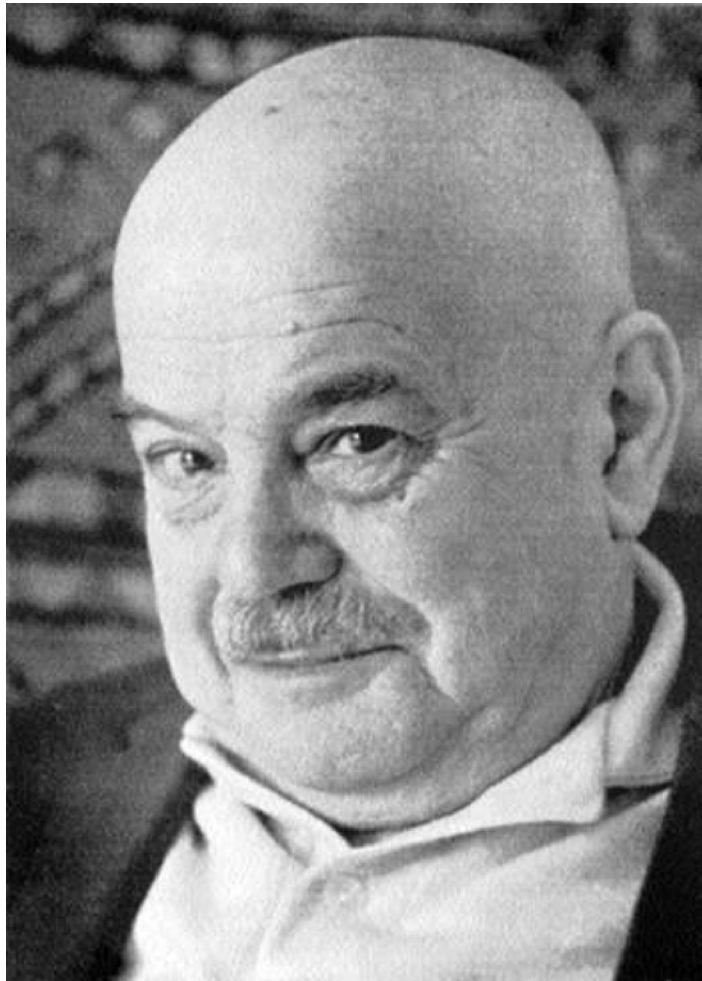
- Áéééòá èáéáý íéòóáééý.. Ýòí áúéí í:áíú ðéíéíááííí. Í í :áí áúéí ðéíéíááòú? Áíò èíáá ý íéááé á òíòú á (á 1934 á), ì áíý íí ðáééááéé íòí Í áíéáóáá, è ý íòáí:áé, ÷òí Í áíéáóáá - ì íá í:áíú áéáéú ÷òí ý íáí áááðéé á ýòíí çááááí èé, - çáí á:áòáéúíí úé ííýò..

- Ñéáééòá, òí, ÷òí áú ðáííé

áçáéé ì íá í Í áíòáðííáéá, áú çíááòá í áá íéíá èéé íí íéíá Õééíáíéíá?..

- Ýòí íí íáí ðáííéáçíááé Í áðéé Í ááéíáíá.. Ñòðúíéé. Í áíòééé á òáíú. Á íáéúý áúéí. Ñòáééí áúé òáéíé ÷áéíáé.. Èííá:íí, ááíòíéííòé íááðííýòííé, íí áíí-òáéé.. Áíò, íðáííòááéýáòá íááá í èçáííòáí Ñ ÷ááí áú Ñòáééíò çáííéòú? Áááú ì íááá áúòú òáéáý òððéá: áí ó ááíòýò: “Í ú Í áíááéúòáí á áçéé”. Í í íí ðáééááò: “Á ñòíééí?” - “Áá çà íáá íé íáíá áòóá çáííòíéòóúíí íá ì íáéáò”. - “Í ó èáé áéá ýòí “íá ì íáéáò”? - áááðéò Ñòáééí. - Ááéòá ì íá Í áíòáðííáéá”. Çáííéò áí ó é ááðáíááðííááòííý...»

Оставим на совести рассказчика все его оценки, в том числе и прямо непристойные («Напустил в штаны» и т.п.). Не будем придираться и к бросающимся в глаза противоречиям его рассказа: сперва он говорит, что сам услышал всё прямо и непосредственно «от Бори», а потом, что «Боря» рассказывал, как было дело, не ему, а Марии Павловне...

Á.Á. Óèéíáñèé: «Í í áááèúòàì ñ.Á.Á. Áóááèéíúì, í áááèúòàì ñ.Á.Á. Áóááèéíúì - è í á çàìèòèé Ì áí ááèúòàì à».

Мария Павловна – это жена Сергея Павловича, переводчица М.П. Богословская. Ее рассказ тоже сохранился в магнитофонных записях В.Д. Дувакина, и в свое время (чуть позже) мы к нему вернемся.

А сейчас отметим главное из того, что мы услышали от С.П. Боброва.

Весь этот его рассказ, конечно, недостоверен хотя бы уже потому, что точка зрения рассказчика сильно искажена явным его недоброжелательством по отношению к бывшему другу. Но при всем при том, похоже, что Сергей Павлович искренне верил, что, если бы Борис Леонидович в том разговоре повел себя смелее (как он сам, когда его спросили про Оболдуева), судьба Мандельштама могла бы повернуться иначе.

Ту же мысль – с большей уверенностью и совсем уже впрямую, без обиняков, – высказал в беседе с тем же Дувакиным В.Б. Шкловский.

ÁÁÐÑÈΒ × ÁÓÁÐΘÀΒ

« - Γί ιάδαιεπιλαεήν μ Νοάεείυι, ιάδαίεαεήν μ Νοάεείυι - ε ίά γαιεόεε Ιάίάεέυοάι ά Άύ γίάαόά γοόεπόιδεβ?

- Γάο. Γά γαιεόεε?

- Άά Νοάεεί ιίγαίίεε Ιάηοάδίαε, μ δίνεε: “×οί άάάδύο ίά άδαιόά Ιάίάεέυοάι ά?” Υοί ι ίά δαιεαγίαε μαι Ιάηοάδίαε. Οίο μ όδεήν ε νεαεε: “Είηό Αειηάδείίίεε, δαε άι ι ίά ιίγαίίεε, όί άάάεόά άάάδεόυι ίά επόιδεε, ί ιίγεε”. - “Β μ δασεάβ, ×οί άάάδύο ίά άδαιόά Ιάίάεέυοάι ά”. Ιί ×οί-οί άάά νεαεε. Οίάά Νοάεεί ιόεγίαε “Άηε άυ ό ιάύ άδαιόίάεε όίάάδεύα, ύ άυ εαε ίά ηοάίεό”. Ιάηοάδίαε ίοάάδεε: “Είηό Αειηάδείίίεε, άηε άυ εί ι ίά γαιίεόά ίά γοίι, ί-άάεάίί, ύ εαε εαεε ίά ηοάίεό”. Γά γοί Νοάεεί άι ό νεαεε: “Β άυ άε, ×οί άυ - άηεεεεε ίίγυ, ά άυ - άηεεεεε όαεέυοεεάοιδ”, - ε ίίάηεε ό δαιεε.. Ιά δαιεαγίαε Ιάηοάδίαε - ε ίεαεε.

- Γίά:εό, ίί ίόηοί δαιόάδύεήν.

- Δαιόάδύεήν. Είίά:ίί. Ιί ι

Γά άυ ίίίόηεού “Γόάεόά ι ίά γοίά, γοίά +αείάεε”. Άηε ά γίάε. Οίό άυ ίοάεε.. Α όίό δαιόάδύεήν. Άίό όαεάγ, ίίίει άαόάεε, επόιδεγ...”

(Οάι αά Ν. 48 49)

Уверенность Виктора Борисовича, что если бы Пастернак попросил Сталина «отдать ему этого человека», тот бы отдал, конечно, наивна. Прямую речь собеседников Виктор Борисович тоже передает весьма приблизительно. (Кроме реплики Сталина «Я бы на стенку лез», она нам еще встретится.) Но из этой версии мы впервые узнаем, что в ответ на упрек вождя Пастернак все-таки не смолчал, слегка даже огрызнулся («Если вы ко мне звоните об этом, очевидно, я уже лазил на стенку»).

Тот факт, что Пастернак в некотором смысле действительно «лазил на стенку», признают даже явно недоброжелательно относящиеся к нему свидетели.

ÁÁÐÑÈΒ Ι ΒΘÀΒ

«Είη ίί ίάάεεεάεε, όαε γοί Ιάίάεέυοάι ά Ε άά αά, ίάμ ίοόγ ίά μαιβ ίάεβάίάι ε Ιάίάεέυοάι ό ίά εοί άδαιε, εαε Ιάηοάδίαε, δασεήν ίίόείίίόαόυι γά ίάμ ίάάά άηεαε εεάηουβ. Ιάδαιεόόυήν ε μαι ίί ό Νοάεείό ίί ίά δασεήν. Ιάι άηεεί ί! Νόεεε, ίαιεηάίίύά Ιάίάεέυοάι ίί ί Νοάεείά, άηεε ίάάγί ίαίί, ίάι άηεεί ί δαεε ε άδαιε... Οάι ίά ιάίά ίί ίάδαιεόόυήν ε Αόάδείό μ ίόηηάίε γαιόοίεόόυήν γά Ιάίάεέυοάι ά, ίάμ άηεε άμ, ά όίόγ άυ μ ύά-εόύάμ ό-άηού

Αόάδεί μ δίνεε:

- Α ×οί ίί μαιά ίάιίγαίίεε?

- Α όίι-οί ε άάε, ×οί ύ ίε:άμ ίά γίάβ. Άίάάδύο, ίαιεηάε εαεεά-οί άιόεηάάοηεεά ηόεε. Ιί άδαιόίάί.

- Ιίηοάδαιήν όγίάού Ε ίάάγίάβ μαιεάούάγί ίαίίά, άάδαιά, ×οί μ ίάμ μαιεάού

×άδαε ίαιείεέυεί άίάε ύ ίάάάε ό Ιάηοάδίαείά Ιίίίεόήν, ά +αόάάδοίι +άηο ίίίίεόάίε δαεγαιεήν άεεόάεήν όάεάοίίίύε γαιίίε. Άύγίαεε “όίάάδεύα Ιάηοάδίαεά”. Εαείε-οί ίίεηάίε ί άεηέίε άεήν ίά ιίγαιόίάάεεήν, ίόεγίαε

- Ñààì è áààò ãààðèòù òíààðèù Ñòàèèí.

- × òí çà ÷ àí òà! Í à ì íàèò àù òù! Í à ãààðè ò à àçàí òù!

Ì íèíàíé ÷ àéíààé: Í íàò íòýþ: ñààì è áààò ãààðèòù òíààðèù Ñòàèèí.

- Í à àòðè ò à! Í à ðàçàí àííààé ò à ì àí ý!

Ì íèíàíé ÷ àéíààé: Áàþ ò àèàóíííúé ìíí àð Í à àèðàé ò à!

Í à ñò àðí àé, ì íàéàíí àá ñò àé í à àèðàòù ìíí àð

Ñòàèèí: Áíààðè ò Ñòàèèí. Áù òéííí: ÷ ò à çà ààò àá àðàà Ì àí ààéùò ò àì à?

- Áðàéáù ì àèáó í àì è, ñààò àáí íí, íééíàà í à àúéí. Ñéíðàá í à íàí ò. B òýà ò èéíý í àí àí è àì ñí èí. Í í ì íààðè ò ù ñààì è - í à ýòíí ý àííàà ì à: ò àé.

Ñòàèèí: Ì ù, ñò àðí à àí èùò ààé è, íééíàà í à í ò ðàéàééíí í ò ñàéò àðàé. Á ààò è ñààì è ìíí ò í ò í í é à ðàçàí ò ù ì í à í à çà: àì.

Í à ýòíí ðàçàí àí ð í àí ðààéíý.

Éííà: íí, ý ñéùò àé ò í èúéí ò í, ÷ ò í ãààðèé Í à ñò àðí àé, ñéàçàí í í à Ñòàèèí ù ì àí ì àí ý í à àí ò í à èí. Í í àá ñéíàà ò ò ò æ à í à ðààé ì í à Áí ð è ñ É à í í é à í à è: ÷. È ñàò ý: ÷ à í í à ààé í à í à í àì, ÷ ò í àú é í à ò è çà à ò í í. È í àì ààé àí í ð é í ò éí ý è í à çà à í í ò ó àì ó ò àèàóíí ó ÷ ò í àú ò à àè ò ù Ñòàèèí à á ò í, ÷ ò í Ì à í à àéùò ò àì è àí ò ý ì ù í é é í àà í à àú é àá àðààí, ÷ ò í í í í ò í þ à ù í à è ç ò ð à ñ í ò è "í ò ð à éí ý í ò í é é í àà í à ñò à ñò àí à à à è àðàé áù". Ý ò í ð à ç à í ý ñ à í é à àì ó è à ç à é í ñ ù í à í à ò í à è ì ù ì, ñàì ù ì ààé í ù ì. Ò à è à ó í í í à í ò à à è è».

(Í. Áéèù ñí ò. Í Áí ð è ñ Í à ñò àðí à é à

Áí ñ ì è í à í è ý è ì ù ñ è. Í., 1989)

Í.Í. Áεεύγνι-Áεεύμννίò: «Β πένθαιε òíεύεí òí, ÷òí áááðεé Íáηòάðíαιε, πεααίίίá Νòάεεíύí αí ñ áíý íá áíòíáεεí...»

Автор этой записи – Николай Николаевич Вильмонт – был в то время одним из самых близких к Пастернаку людей. К тому же, как явствует из его рассказа, он сам, собственными ушами, слышал всё, что говорил Сталину Пастернак, то есть добрую половину этого разговора. Вторую же половину Борис Леонидович пересказал ему сразу, так сказать, по горячим следам происшедшего на его глазах события. Казалось бы, уж куда достовернее?

Однако тень явного недоброжелательства к «ближайшему другу», я бы даже сказал – с оттенком какого-то тайного злорадства – явно ощущается и в этом пересказе. Не так просты, видно, были эти отношения. То ли потом между друзьями что-то произошло, и это «что-то» наложило свою печать на поздние воспоминания Вильмонта о событиях полувековой давности. То ли оттенок некоторого сальеризма и в золотую пору их дружбы окрашивал отношение Николая Николаевича к Борису Леонидовичу. Не будем копать в этом, доискиваясь до тайных причин этого очевидно недоброжелательного пересказа. Отметим только, что полностью доверять ему нельзя, о чем особенно красноречиво нам говорит

ΒΕΡΣΙΑ ΣΕΣΤΑΥ

«É íαι είίάα çáðíαιεé Í. Í áíááεύòάí, Áíðý í ðεçíáααé αά αίμéεé òñ áíύ éαé ííýòά Íí íí ñ íá íá íá íá αάαéεύñ. Íí ááðεαé πáý íáòòòí, íáηεαéεάéé íá Áíðβ, εðεòεéíáéé αά ηòεòε é áñí áðáí ÷:εòάé ηñε. Αύάαé íí ó íáñ ðááéí. Β íá ñ íάá αίίίηεòύí αά òííá íí íòίίòáíερ é Áíðá, íí ηíεí ðαçá ááðεάαé, εαé í ðíòáññð ñ ó:áíεéí, áúé çáííñ:εά, ííá:áñ áááðεé αí ó ðαçéíñòε. Ðáññíεαάí εý áúεé íá òíεύεí ííεéòε:áñεíáñ ááðáεòάá, íí é ííýòε:áñεíáñ. Α είίòá είίòíá Áíðý ηάááηεéύñ ηñ ñ ííε, ÷òí ííάááíεá Í áíááεύòάí á íáí ðεýòíí, íí áñάñá íòάááéé áíεαéí íá αά ñ áñòάññóáñ

Éαé-òí Í áíááεύòάí í ðεòάé é íáí íá áí:áñ, εíάñá ηάάðáéíñí áíεύòíá íάύáññóáí. Αύεé áðεçéíύ, Í. Ν. Οεòíííá, ñ ííñ ÷εòάεé íáεçññòύ Áíðεíύ ηòεòε, é íí:òé áñí áññòε ηòάεé í ðñíεòύí ÷εòάòύ ηáí íáñ óíçýéíá. Íí Í áíááεύòάí íáðááéé é ηòάé ÷εòάòύ íáíé çá áðááéí é ηñé ηòεòε. Ο

i aly mcaeiini aia: adaeia i ai y iioii neaqea Aida :oi I aiaeuoai iei oi caao an oaid: aia. Ii aie, eae ecaeiiaai ay edaiaea, - iai iebaia e daiea e :aei oiaiai. Adaeia ia a ia mnoiyeani e ii i: de ia daiaae oiaia aiaou

Aieida ai iaan aiee neoe, :oi I aiaeuoai adiaiaai. Aioy oio: an aaeieiey e Aoadeia, eioioie aie daaeoioii "Ecaiee", aie ouaiii neaqe ai q :oi ia iieiaao, eae i iaei ia iioieoou daeii o aieuoii o iyo eaea :oi aeoiua neoe e iinaeou :aeiaea a o pui a.. A eadodea inoaeai iie Aida e an adao o diae aeyi e, i u caiei aee aai eii iaou, a inoaeiu uo o diao iinaeiee i iioioii iea ebae. Daaoii aie aiaiai eideaid B eaeaea aieiu ay aini aeieai eaeed. Eae :oi aaeaea mnaea e mraieea, :oi Aiden Eai eiae: a aicuaao Edai eu I ay aeaei an mraieia eoi, ii ie:ouu ia aie aieiaai. Eiaa y ueuoaea: "Caadnaeoa, Eieo Aenaeiiae:", - i ay adieei a ead B neuoaea oieei Aideiu daiee e aiea iidaeaia oai, :oi ii daqiaadeae m Noaeiui, eae m i iie. N iaad o aaeia y i iyea, :oi daqiaad ead i I aiaeuoai a Aioy neaqe, :oi aeaeai an adiaoi e oioy adaeu ni I aiaeuoai ii ia aie, ii ii ideciao ca iei an ea: aia ia adaeai i iyo e aiaa ioaae ai o aieia I i iiee ii aie iaeiioe iaeae: eou o: aia I aiaeuoai a e, aie aie iaei, inraeou an. A aiaia ii oioae ai ia adae: aouy i iei, o. a m Noaeiui, e iiaadeou i iei i aiea iadaeiuo aiaa - i aeie, i m adoe. Aioy aiee m Noaeiui iiooi, aq ieyie, aq iieeoee, i: aii ia iinaoai i.

Ii aiee ei ia e daieae iiaiaioe daqiaada ieaiaioy, Noaei oioe iiaadeou Aoadeia, iaiaa ee, :oi Ia adae oae aieiaai adiaoi I aiaeuoai a.. B m diea Aioy, :oi ioaae Noaei ia i daeieae iiaiaiaou i aeie e m adoe. Ieaieini :oi Noaei neaqe, :oi iiaadeo ni iei n aiaieuoaeai, ii ia caao, eae yoi naeou Aioy i daeieae: "Aicuaeoa i ay e iiaa". Ii aicua yoi o ieeiaa ia mnoiyeny. x adae i aieieei :an a ay I iiea caea i daqiaada Ia adae m Noaeiui. A Nipca i emoeae an ia adae oieini Ai yoi a, eiaa i u ideoiaee a daioia iaaou iaad iai e ieeoi ia daeioiae aiaae, ieeoi ia iiaae iaeioi - iaiaeiee iai e. Eiaa aae i u iyaeeeni oai iiea yoi a daqiaada, oaeo ad daiaioe iaad iai e aiaae e iiaae iaan daqiaadou A daioiaia noae iaan iiaaii aieiaoeiu i iaeaeoou daiaieeiee a ebae iioy, aieoi ai oia, :oi eiaa Aioy i daeae e noieo iaeiaaeoey i emoeae, oi ca eo iaai daieae: eaeiey Nipca. Yo a iaad ai a ii ioiaatep e iai a Nipca i iea caiea Noaei ia i i daeae.

(C.I. Ia adae)

Aini i eiaiey. I., 1993

А.А. Аои ооооо: «Аоооо ооооо ооо, ооо ооооооооо, о о ооооооооооооо о ооооооооооооо».

Эту версию тоже нельзя рассматривать как вполне достоверную. Но она представляет для нас свой, особый интерес. Не только потому, что принадлежит жене поэта, то есть самому близкому к нему человеку, но и потому, что бросает свет на обстоятельства, которые во всех других изложениях описываемого события остались «за кадром».

Взять хотя бы рассказ Зинаиды Николаевны о том, как изменилось после сталинского звонка отношение к Пастернакам в Союзе писателей. Эта маленькая деталь не только красноречиво рисует «их нравы». Она интересна прежде всего тем, что звонок Сталина Пастернаку, несмотря на резкость тона, упреки в трусости и явное нежелание вождя беседовать с поэтом на посторонние темы, в Союзе писателей был воспринят как знак высочайшего благоволения.

Но гораздо важнее в приведенном отрывке рассказ З.Н. об отношениях Пастернака с Мандельштамом. Рассказ этот безусловно правдив, и из него с несомненностью следует, что Пастернак не лукавил, говоря Сталину, что никакой дружбы с Мандельштамом у него не было. Дружбы и в самом деле не было, были даже расхождения – «не только политического характера, но и эстетического».

То обстоятельство, что в рассказе жены Пастернак выглядит лучше, чем в рассказе Н. Вильмонта, большого значения не имеет. Так же, как и то, что Сталин, если верить Вильмонту, был с Пастернаком груб, а если верить Зинаиде Николаевне – напротив, любезен. Поверим, что Сталин и в самом деле не бросил трубку, а сказал, что с удовольствием поговорил бы с поэтом и на разные отвлеченные темы, но просто не знает, как это сделать. Суть дела от этого не меняется.

При всем различии этих двух версий в главном они очень похожи. Похожи тем, что и в рассказе «ближайшего друга», и в воспоминаниях жены поэта особенно ясно виден «угол отклонения» от реальности. Виден так ясно, может быть, как раз потому, что отклоняются они не просто в разные, а в противоположные стороны. Этот «угол отклонения», конечно, в той или иной мере присутствует в любых

Рассказ Надежды Яковлевны – самый полный и, я думаю, самый достоверный из всех имеющихся.

Интересно, конечно, было бы узнать и ту реплику Бориса Леонидовича, которую она не захотела процитировать. Может быть, это та, которую приводит Вильмонт? («Дружбы между нами, собственно, никогда не было. Скорее наоборот. Я тяготился общением с ним».) Но, учитывая слова Н.Я. о самопоглощенности и эгоцентризме Бориса Леонидовича, скорее – та, которую приводит Ахматова: «Что мы всё о Мандельштаме и Мандельштаме...»

Гадать, впрочем, тут не приходится, поскольку в одном из еще не рассмотренных нами пересказов того разговора эта реплика как будто приведена. Я имею в виду сделанную В.Д. Дувакиным магнитофонную запись рассказа Марии Павловны Богословской (жены Сергея Боброва), к которой я обещал вернуться. Итак

ÁÁÐÑÈΒ ÁÁÁΒΘÀΒ

« - Β òíáá à òíεúεí ÷òí í ðεááαéà εç ññééé á Ì ñεáá, áíáεááòúññ, ÷òíáú Ñáðáñ Þ ááεíáε÷ó÷áí-íεááúú..

- Ì ñí íáεε.

- Áá Èéé íáíá÷áòáéé áá... Ì íòíí ó÷òí áá ñíñεá ññééé á Ì ñεáá íá íòíðééé, é ñí 4 ááá æéé á Áεáεñíááðíáí È áñò, ÿ í ðεááαéà áíáεááòúññ, ÷òíáú ÷òí-íεááúú εç áá ááúáε íáíá÷áòáéé... Ì áíεí ñεíáíí, ÿ ííθεá é Ì áñòáðíáεú Β θεá é áúá ááú ÿ í ðí ñáçú òíεúεí é áúí áεá: “Ì á ááε ñ í á Á-á ñáçú íííáñòú ííá ÷áðú Ì áñòáðíáεá”. Ì áñòáðíáε íáεáááε íáíáúεííáúíúí ááðíí íáíεúκλáòú εþááε, çáññ íòðεóáñí íá íááñ - é ñòíáñ: áú áεá í ðíñεí÷áíú. Á ñ í á ááεíí áúεí ííááñðεóú í Ñáðáñ Ì ááεíáε÷á È ÿ íá÷áεá ðáçááñð í òíí, ÷òí Ñáðáñ Ì ááεíáε÷ ññááé é, ñ íáεáò, áí ó áñçí íáεíí εáε-òí ííí í÷ú.. Ì áñòáðíáε ñáçú íáòí òðεεññ é ñεáçáε, ÷òí ó íááñ íεεáεéò áñçí íáεííñðáε íáò. “Áú çíááò á í ñ íáí ðáçááñð á ñ Ñòáεéíúí?” - “Ì áò, ÿ íε÷áá Ì á ñεúθáεá, íε÷áá Ì á çíáþ”. Áíò óúò ñí ñ í á áá é ðáññεáçáε. Ñεáçáε áúá: “Ì í á.. í áúáíáí áúεí áááñðεóú, ó í áíçú áúéé áñòé...”

- Á áú ááεá í á çíáéé, ÷òí Ì áí ááεúθóáí áðáñòíáúí?

- Ì íáεáò áúòú çíáéá, á áñò í òíí, ÷òí θáε ðáçááñð, ÷òíáú áá ááðíóúú ééé áúá ÷òí-òí, ñ íááá í á çíáòú Β í á á εóðñá áúεá, ííòíí ó÷òí áúεá ðáε ííáεíúáíá íáθεí é ñáññáñíúí é ááúáí é. Óáε áñò, Ì áñòáðíáε ñ í á ñεáçáε, ÷òí áí ó çáñíεé Ñòáεéí. Á òíò ááúú ó íááñ áúεí ñ ííáñ áñòáε. Ì í áçýé òðúáéú - “Ñ áúí é áúááò áááñðεóú Èíñéó Áεññðεíííáε÷”. Ì í íòááòéé: “Áú ññááñòá ÿòé θóóéé”. - È ííéíáεéé òðúáéú Èáεááòúññ, ÷òúú éé í á áñ òðáá ðáç ðáε áúεí: ñí áðáé òðúáéó é í á ááðéé, ÷òí ñíéí áúááò áááñðεóú Ñòáεéí. Ì íòíí, íáεííáá, áí ó ñòðíáεí áεíñíí ñεáçáεé é..

- Ì ðεóéíñí ííááñðεóú

- Áá Ñòáεéí áá ññ òññéé, εáé ñí íòííñεóññ é Ì áí ááεúθóáí ó ÷òí ñí ñ íáεáò ñεáçáòúí Ì áí ááεúθóáí á? “È áñò, ááðíçòíí, çòí áíεúθáç éñéðáííñòú é ÷áñòíñòú ííçòá, - ñεáçáε ñ í á Ì áñòáðíáε, - ÿ í á ñ íáá ñááñðεóú í òíí, ÷áá Ì á ÷áññáþ. Ì í á çòí ÷áεíá Áíò ÿ é íòááòéé, ÷òí íε÷áá ñ Ì áí ááεúθóáí á ñεáçáòú í á ñáá”.

- Òí áñòú Ì áñòáðíáε í á ñεáçáε: “ÿ òí áíεúθóé ííçò?”

- Ì áò, ñí íε÷áá Ì á ñεáçáε. Óáε ñí ñ í á áááñðéé, ÷òí í á ñεáçáε íε÷áá. È ñí ðááúááé ñáçú òáí, ÷òí í á ñ íáεáò éðεáεóú ááóíé. Á ñí÷áí ó çòíò ðáçááñð çáεáé? Ì íòíí ó÷òí ÿ áí ó ííεáçíááéá εáεεá-òí ñòéé Ñáðáñ Ì ááεíáε÷á Ì í ñεáçáε, ÷òí çòí í á òá ñðéðε Áíáðíáá, éíòíðúá ñí εþáεò. È éðñí á òíáñ... ñí áñíáúá ááññéáí ÷òí-íεááúú ñááεáòú.. “Ñáí é ííéí ááòá, ííñεá çòíáñ ðáçááñð á íé í ðáñðéáε ñáε÷áñ í ááúñé”.

(Ì ñεí é Ì áááεáá Ì áí ááεúθóáí ú. Ì., 2002. Ñ. 203, 204)

Если верить этому рассказу (а ему, я думаю, верить можно), реплика Пастернака, которую Н.Я. не захотела цитировать, стало быть, звучала так: «Я не могу говорить о том, чего не чувствую. Мне это чужое».

Конечно, реплика эта была, как говорит Н.Я., «очень в стиле Пастернака», а стиль, как мы знаем, это – человек. Но при всем при этом Н.Я., я думаю, была не совсем права, заметив, что эта смешноватая реплика «никакого отношения к делу не имела».

О том, что «к делу» она имела самое прямое и непосредственное отношение, нам довольно ясно дает понять

ÁĀDNĒB ĀĀNBÒĀB

«Yòlò dāçāīāđ nòāē āīīnēāānòāēē çīāī āīēōūī, ē ōīāēēī ē āī nēō īīđ ōīāēō ī īīā đāçīūō āāđīēē ī īāī. B ī īāō ēēōū āīīī đīēçāīnōē yōō ēñōīđēđ ā ōīī āēāā, ēāē īīā ī īā çāīīī īēēāīī īīīēā ōīīā ēāē Īāñōāđīāē ī īā āā đāñīēāçāē ā 1945 āīāō. Nīāēāīī āā đāñīēāçāē, ēīāā ā āā ī īñēīāñēē ēāāđōēđā çāçāīīēē ōāēāōīī, ōāī, ēđīī ā īāā, āā çāīū ē nīīā, īā āūēī īēēīā. Īī nīyē ōđōāēē ē āēīīīñēāçāē āī ō, ÷ōī āāīđyō ēç. Ēđāī ēy ē ÷ōī ōīāñēū Nōāēēī ōī-āō āāīđēōū nīēī. Īāñōāđīāē īđāīīēīāēēē, ÷ōī yōī ēāēāy-ōī ēāēīōñēāy ōōōēā, ē īīēīāēēē ōđōāēēā Īāīāēī ōāēāōīī çāçāīīēē nīīāā, ē āēīīī ā ōđōāēēā ēāē-ōī ōāāēēē āā, ÷ōī çāīīēē – īāñōīyūēē. Çāōāī Nōāēēī nīđīñēē āā, āāīđēō ēē īī nīāīđēēī ēāīēāīāē-āī Īāñōāđīāēēī; Īāñōāđīāē īōāāōēē ōōāāđāēōāēūīī. Nōāēēī nīđīñēē āā, īđēñōñōāīāāē ēē īī īđē ōīī, ēāē Īāīāēēūōāī ÷ēōāē nōēōīōāīđīūē īāñēāēēūī īāī, ī Nōāēēīā? Īāñōāđīāē īōāāōēē, ÷ōī āī ō īđāñōāēēyāōīy īāāāēīūī, īđēñōñōāīāāē īī ēēē īā īđēñōñōāīāāē, īī ÷ōī īī nōđāōīī nī-āñōēēā ÷ōī nīēī āāīđēō Nōāēēī, ÷ōī īī āīīāā çīāē, ÷ōī yōī āīēāēīī īđēçēīōēē ē ÷ōī ēī īāāī āñōđāōēōūīy ē īīāāīđēōūī āāīāō ÷đāçāī-āēīīē āāēīīñōē. Nōāēēī nīđīñēē, īāñōāđ ēē Īāīāēēūōāī. Īāñōāđīāē īōāāōēē, ÷ōī ēāē īīyōū īīē nīāāđōāīīī đāçēē-īū, ÷ōī īī ōāīēō īīyçēđ Īāīāēēūōāī ā, īī īā-ōāñōāīō āī ōōđāīīāē āēēçīñōē nīīāē, īī ÷ōī, āī āñyēīī nēō-āā āāēī īā ā yōīī. Çāāīy đāñīēāçāīāy ī īā yōlō yīēçā, Īāñōāđīāē nīīāā īōñōēēīy ā nīīē āēēīīūā īāōāōēçē-āīēēā đāñīēāāīēy ī ēīīī ē-āīēēō īīāñōīōīūō īōīēōāō ā ēñōīđēē, ī ēīōīđīūō īī ōīōāē īīāāīđēōūī nī Nōāēēīūī – ōāēāy āīīāā āīēāīā āūēā yāēōūīy nīāūōēāī īāđīī īīā ēñōīđē-āīēīā çīā-āīēy. B āīīēīā ī īāō nīāā īđāñōāāēōū, ēāē īī ā ōāēīī āōāā āāīđēē ē nī Nōāēēīūī. Ōāē ēēē ēīā-ā Nōāēēī nīīāā nīđīñēē āā, īđēñōñōāīāāē ēē īī ēēē īāō īđē ōīī, ēāē Īāīāēēūōāī ÷ēōāē nīīē nōēōē. Īāñōāđīāē nīīāā īōāāōēē, ÷ōī nīī īā āēāīīā – yōī ōī, ÷ōī āī ō īāāī īāyçāōāēūīī āñōđāōēōūīy nī Nōāēēīūī, ÷ōī yōō āñōđā-ōīē ā ēīāī nēō-āā īāçyū īōēēāāūāōū ē ÷ōī īō īāā çāēīñēō āī, ōāē ēāē īīē āīēāēīū īīāāīđēōūī ī nīī ūō āēāīūō āīīđīīāō – ī āēçēē ē nī āđōē. “Āīēē āū y āūē āōāīī Īāīāēēūōāī ā, y āū ēō-ōā nīī āē āā çāūēōēōūī”, – nīēāçāē Nōāēēī ē īīēīāēēē ōđōāēēā Īāñōāđīāē īīīūōāēīy īāđāçāīēōūī Nōāēēī ō, īī, nīāāđōāīīī āñōāñōāāīīī, īā nī īā ē īāī ō āīçāīīēōūīy. Āñy yōā ēñōīđēy āñōāāēyēā āī ō, āēāīī, āēōāīēīā ī ō-āīūē ā ōīī āēāā, ā ēāēīī īīā ēçēīāēāī ā çāāīy, īī đāñīēāçāīāē āī īā īī ēđāēīāē ī āōā āāāēāū».

(Ēñāēy Āāđēēī. Āñōđā-ē nīđīñēēī ē īēñōāēyī ē. Ā ēī.: Ēñāēy Āāđēēī. Ēñōīđēy nīāīāū. Đñīēy. Ī., 2001. N. 456, 457)

Итак, по меньшей мере дважды рассказывал Борис Леонидович эту историю сэру Исайе. И дважды в этом его изложении Сталин спросил у него, читал ли ему (или при нем) Мандельштам свое крамольное стихотворение. И дважды он сумел избежать ответа.

Я и раньше – зная только версии, приведенные мною перед этой, – не сомневался, что на протяжении всего этого мучительного для него разговора со Сталиным Пастернак точила одна мысль: знает ли Сталин, что Мандельштам читал ему свое самоубийственное стихотворение? Неужели – знает? А может быть, все-таки не знает?

И вот из рассказа Исайи Берлина мы узнаем, что вопрос этот дважды прямо ему задавался. Даже если предположить, что на самом деле этого не было (ведь рассказывал он сэру Исайе о своем разговоре со Сталиным в 45-м, то есть двенадцать лет спустя), такая «ошибка памяти» только подтверждает, что так и не заданный (пусть даже не заданный) этот сталинский вопрос на протяжении всего их разговора висел над ним, как дамочков меч.

«Вот что мы получим, поменяв местоимение в наиболее достоверной записи этого телефонного разговора:

– Говорит Сталин. Ты что, хлопчешь за своего друга Мандельштама?

– Дружбы между нами, собственно, никогда не было. Скорее наоборот. Я тяготился общением с ним. Но поговорить с вами – об этом я всегда мечтал.

– Мы, старые большевики, никогда не отрекались от своих друзей. А вести с тобой посторонние разговоры мне незачем.

И бросил трубку».

(Ἀεἰεὶ ἐδ' ἦτε πάντα Ἴδεσθαι, εὐφρυνεῖτε καὶ εἰσὸς.

Ἰ., 1992. № 126)

Сконструировав эту свою «наиболее достоверную» версию, автор «реконструкции» совсем уж пренебрежительно роняет:

«Тиран развлекался – всё вышло, как было им задумано. Один поэт был уничтожен, другой унижен, раздавлен.

Какая там крепкая четверка!»

(ὄαι αἰ)

Последняя реплика метит в Надежду Яковлевну, которая говорит, что они с Анной Андреевной, обсудив между собой поведение Бориса Леонидовича, дружно пришли к выводу, что он вел себя «на крепкую четверку».

Небрежную «реконструкцию» Соловьева можно было бы и не приводить. Но я счел нужным привести ее не только, как выразился ранее, для полноты картины, а еще и потому, что она бросает некий свет на все предыдущие версии.

Ведь все они – при всей их разногласии – в конечном счете исходят из того, что «тиран развлекался». Все, в общем, не сомневаются, что едва ли не главная цель этого сталинского телефонного звонка состояла в том, чтобы унижить «небожителя». И все (даже Надежда Яковлевна с Анной Андреевной) выставляют бедному Борису Леонидовичу свою оценку за поведение.

Вильмонт ставит ему тройку, Надежда Яковлевна с Ахматовой – крепкую четверку, Бобров – двойку, Соловьев – чуть ли даже не единицу.

Оценивать поведение Пастернака в его разговоре со Сталиным по пятибалльной системе, а особенно глядя на это из другой исторической эпохи – занятие не только глупое, но и довольно бесстыдное. Но раз уж (с легкой руки Анны Андреевны и Надежды Яковлевны) мы вступили на этот сомнительный путь, осмелюсь высказать и свое мнение.

На мой взгляд, Борис Леонидович провел тот нелегкий разговор на пять с плюсом. Как я уже говорил, все ответы Пастернака, вся логика его поведения диктовалась одной-единственной сверлящей его мыслью: «Знает или не знает Сталин о сакраментальном стихотворении?» И главное: «Знает ли он, что я знаю! Что автор мне его читал!»

Кстати, именно этот довод приводила и Ахматова, объясняя, почему они «с Надей» сочли, что «Борис отвечал на крепкую четверку»:

Ç.Î. Î añò ãñíáé: «Áíðŷ ãñíðéé ã Ñòáééíúí í ðññòí, ááç íáŷŷáíé, ááç ííééòééé, í:áí ü í áí ññáññò ááí í í...»

«... рассказала мне, что в “Les Lettres Fracaises” (эту вещь Сосинские привезли) напечатано – со слов Триоле – будто Мандельштама погубил Пастернак. Своим знаменитым разговором со Сталиным – когда Сталин звонил Пастернаку по телефону после первого ареста Мандельштама.

– Это совершенная ложь, – сказала Анна Андреевна. – И я и Надя решили, что Борис отвечал на крепкую четверку. Борис сказал все, что надлежало, и с достаточным мужеством. (Он мне тогда же пересказал от слова до слова.) Не на 5, а на 4 только потому, что был связан: он ведь знал те стихи, но не знал, известны ли они Сталину? Не хочет ли Сталин его самого проверить, знает ли он?»

(Ééäŷ × óéíáñŷŷŷ. Çáí éñéé í á Áí í á Áõí àò íáé.

ò. 2 Ì., 1997. Ñ. 421, 422.)

Снизив свою оценку поведения Бориса Леонидовича с пятерки до четверки, Анна Андреевна и Надежда Яковлевна не учли, я думаю, одного весьма важного обстоятельства.

Сознаться (или хотя бы невольно дать понять), что он, Пастернак, тоже знает те стихи, было опасно вдвойне. Ведь такое признание грозило бедой не только (и даже не столько) ему, сколько Осипу Эмильевичу, которого, признавшись, он бы «заложил», засвидетельствовав, что тот не только сочинил «клеветнические» стихи, но и **распространял** их.

Вот он и ушел «в глухую несознанку».

Пастернак говорил со Сталиным так, как, собственно, и надлежит говорить со следователем, старающимся выпытать у подсудимого всю подноготную.

А.А. Овчинин «А іаєі ес аіоіаі пō аіає іі ііео:еє і дежаоаі еа іа аа:о е Вааа Аі о ааеє іііуоц ÷оі, аісі іаєіі, іа аа:а ааао о іаадеи Ноаеєі...»

Об этом любимом развлечении вождя существует множество таких рассказов. Я не удержался от того, чтобы привести хотя бы один из них. А выбрал именно этот, во-первых, как наиболее достоверный (Либединская отмечает, что слышала его от Фадеева не однажды и потому хорошо запомнила), но главным образом потому, что весь этот эпизод, а в особенности обращенная к Фадееву брезгливая реплика Сталина («Слабый ты человек, Фадеев...») с поразительной точностью повторяет «игру» вождя с Пастернаком.

Да, конечно, он хотел его унижить. И не только повторяющейся в разных вариантах брезгливой репликой («Мы, старые большевики, не так защищали наших друзей...», «Если бы мой друг, поэт, попал в беду, я бы на стенку лез...»), но и тем, какой выбрал момент, чтобы бросить трубку: прямо дал понять, что для разговоров с Пастернаком на волнующие того темы («... предрассудки вековые, и гроба тайны роковые», и прочие глупости, о которых болтали Онегин с Ленским) у него нет ни времени, ни желания.

Но не только же для того, чтобы «поиграть» в свою любимую игру, звонил он Пастернаку!

Так для чего же?

Какая была тут у него главная, тайная цель?

(Í ääæää Ì àí ääëüòàì. Áîñîî èí àíéÿ)

Дело действительно обернулось не по трафарету. Но я думаю, что оно приняло столь неожиданный оборот совсем по другой причине.

КТО ТВОРИТ МИФЫ

יְהוֹדוּתֵי אֵי עֲנִי יֵעֲנֹוּ דַעֲוָא. עֵי נְוֹד־אֵי עֵי

וְאֵלֵינוּ וְעַתָּה עֵי נְוֹד־אֵי עֵי!

Я – литератор, никогда не вращался в кругах профессиональных историков, по присущей российским литераторам лености мысли и нелюбопытству Ваших работ не читал, а о Вашем существовании узнал из передачи радио «Свобода», посвященной 50-летию расстрела Еврейского антифашистского комитета. Ведущий программы В. Тольц представил Вас как эксперта по антисемитской политике Сталина. Меня крайне удивило содержание Вашего выступления. Уничтожение ЕАК, как и убийство председателя комитета Соломона Михоэlsa, Вы объяснили патологическим антисемитизмом Сталина, которого так достали евреи из его окружения, что он просто не мог сдержаться...

Потом в [10-м](#) и [11-м](#) номерах журнала «Лехаим» за 2003 год я прочел Вашу пространную статью под названием [«Дело Михоэlsa». Новый взгляд](#), где Вы подтверждаете свою позицию:

«Автор этих строк считает, что главной причиной и тайной расправы над Михоэлсом, и последовавших спустя год арестов деятелей ЕАК... стало послевоенное усиление государственного антисемитизма в стране, вызванное обострением холодной войны и личной юдофобией Сталина».

В этой же статье Вы пытаетесь убедить читателей журнала в том, что так называемый проект «Калифорния в Крыму» к убийству Михоэlsa не имел никакого отношения и что сама идея создания в Крыму Еврейской советской социалистической республики, открытой для эмиграции евреев всего мира, не была провокацией Сталина:

«Бесспорно главное: идея еврейского Крыма обязана своим рождением руководству ЕАК, а отнюдь не коварству Сталина и его подручных...»

О юдофобии Сталина говорить не буду. А вот последнее Ваше утверждение далеко не безобидно. Оно работает на весьма распространенную в кругах широкой антисемитской общественности России легенду о том, что евреи хотели оттянуть Крым, да Сталин не позволил.

Ваша статья имеет подзаголовок: «Дискутируя с Жоресом Медведевым. И не только с ним». Не только с ним – это со мной, с моим романом «Убийство Михоэlsa». На Вашу критику книги Жореса Медведева «Сталин и еврейский вопрос. Новая версия» мне отвечать не с руки, у нее и без меня найдутся

защитники. А мою книгу придется защищать мне, больше некому. Я не взялся бы за перо, если бы Ваши обвинения в адрес романа носили частный или сугубо литературный характер. Но речь идет о вопросах, представляющих жгучий общественный интерес.

Вы пишете:

«При нынешней моде на всякого рода документальные сюжеты это сочинение, думается, отнюдь не случайно было широко разрекламировано; даже его жанровую характеристику, слово “роман”, набрали не как обычно, на титуле, ниже заголовка, а упрятали в последний абзац напечатанной мелким шрифтом аннотации. Не исключаю, что данный маневр был придуман специально, чтобы сбить с толку неискушенного читателя».

Да нет, г-н Костырченко, слово «роман» не вынесли на титул, хотя я об этом просил, так как книга вышла в документальной серии «Русские тайны». А то, что это именно роман, даже самый неискушенный читатель поймет без малейшего труда, заглянув в пролог «Диктаторы не пишут мемуаров» и прочитав первую строку: «Протокол допроса обвиняемого Джугашвили (Сталина) Иосифа Виссарионовича. Джугашвили (кличка Сталин)...» А если читатель ну совсем уж неискушенный, все его сомнения развеет начало первой главы: «Сталин не любил играть в шахматы. Пустое занятие. Глупое. Все в этой игре казалось ему несуразным и раздражающим».

И насчет «широко разрекламировано» Вы тоже погорячились. Если бы! Я надеялся, что чем больше людей прочтут мою книгу, тем меньше будет антисемитов в России. Не прочли. Остатки первого тиража – 11000 экземпляров до сих пор валяются на складе издательства. Второй тираж в три тысячи был выпущен при поддержке посольства Израиля, чтобы хоть как-то возбудить интерес к теме. Думаете, возбудил? Нет.

Но это частности. Поговорим о главном.

«Пожалуй, единственная правда в сочинении Левашова – это мысль о том, что за убийством Михоэлса и гонениями на евреев в СССР стоял Сталин. Все остальное – политическо-шпионские страсти вокруг “крымского проекта”... Они уж точно – или плод фантазии самого Левашова, или заимствование у того же Судоплатова (генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, один из руководителей внешней разведки СССР, автор книги “Разведка и Кремль” – В.Л.) и подобных ему сочинителей...»

Изложив основную мысль моего романа о неразрывной связи убийства Михоэлса с «крымским проектом», Вы предлагаете: «А теперь начнем разбираться конкретно». Что ж, давайте начнем. По порядку.

По отцу я кубанский казак, по матери – из ярославских крестьян, еврейский вопрос никогда не вызывал у меня особого интереса при понимании всей его важности и остроты. Я и до сих пор считаю, что у российской интеллигенции есть проблемы не менее важные и острые.

Мое вхождение в еврейскую тему произошло шесть лет назад. Я закончил большую работу для московского издательства «Олимп», подыскивал тему для следующей. Издатель спросил: «Не хочешь заняться Михоэлсом? Ты же драматург, знаешь театр». Как выяснилось, незадолго до этого он купил у какого-то отставного кагэбэшника ксерокопии допросов по делу Михоэлса.

Вы, г-н Костырченко, в своей статье обильно цитируете по моей книге докладную записку полковника Шубнякова, заявив перед тем, что это недавно опубликованные документы из архива ФСБ. Нигде они не опубликованы, только в моем романе. А о том, как эти документы выплыли на свет б-жий, я уже сказал. Неисповедимы пути, которыми правда прорывается в мир, воистину неисповедимы.

Я принял предложение издателя. Меня интересовала фигура Михоэлса как режиссера, а документы, мне казалось, вызовут читательский интерес к книге.

Действительно, картина убийства Михоэлса явилась из документов во всех жутких подробностях. И сразу возник вопрос: а почему Сталин убил Михоэлса?

Поначалу я взял за основу версию вроде Вашей, имеющую широкое хождение и сейчас: антисемит он был, потому и убил. Но почему он сделал это таким странным образом? Инсценировка

автомобильной катастрофы, пышные похороны в Москве. Сталин без всяких инсценировок убил Бабея, Мейерхольда, Мандельштама, Блюхера и многих, многих других. Вы пишете: он боялся испортить отношения с Израилем. Но к январю 1948 года отношения СССР с Израилем уже были безнадежно испорчены, всякие надежды Сталина превратить Израиль в своего союзника на Ближнем Востоке, если они и были, рухнули.

Следующий вопрос. 29 июня 1946 года было опубликовано постановление Совмина СССР о присуждении Сталинских премий. Михоэлс стал лауреатом этой премии за спектакль «Фрейлехс» в ГОСЕТе. Как известно, премии утверждал лично Сталин. Значит, в 46-м году он Михоэлса любил, а через полтора года разлюбил, да так люто, что решил убить?

Но, может быть, спектакль нес такую огромную пропагандистскую нагрузку, что не отметить его было нельзя, как нельзя было не отметить названных в этом же постановлении Фадеева (за «Молодую гвардию»), кинорежиссера Эрмлера (за «Великий перелом») или художника Налбандяна (за портрет вождя)? Опять же нет. «Фрейлехс» – мюзикл, как сейчас говорят. И не более того. Почему тогда Сталин дал Михоэлсу премию своего имени? Как все это прикажете понимать? Значит, зачем-то ему это было нужно? Зачем?

Вам, г-н Костырченко, хорошо, Вы избавлены от необходимости отвечать на эти вопросы. Вы ими никогда не озадачивались. А мне было какво? Аванс получен, время идет, работа стоит, по кабинету не пройти – весь пол в бумажках, на которых разные даты, события, показания арестованных по делу ЕАК (процитированные по книге Борщаговского «Обвиняется кровь»), огромное количество фактов, которые ну никак не хотят выстраиваться в логическую цепь.

И тогда я задался вопросом: а что, собственно, происходило в стране между июнем 46-го, когда Михоэлс получил Сталинскую премию, и январем 48-го, когда его убили в Минске? А происходили весьма напряженные переговоры об участии СССР в плане Маршалла. Это потом сказали, что план Маршалла бяка, а тогда в нем просматривалась реальная возможность решить многие проблемы разрушенной войной страны. Вопрос был в одном: каких политических уступок потребуют США?

Но при чем тут Михоэлс?

В своей статье Вы цитируете Ж. Медведева: «Можно пока только предположить, что уникальная особенность всего этого дела (убийства Михоэлса. – В.Л.) была каким-то образом связана с более высоким уровнем политики этого периода».

Вот тогда бы мне эту цитату, шесть лет назад! К этой мысли мне пришлось продирааться самому. Я чувствовал в цепи драматических событий отсутствие какого-то очень важного, решающего звена. И вот тут мне, к счастью, попала только что вышедшая книга П. Судоплатова «Разведка и Кремль», и я впервые узнал о проекте «Калифорния в Крыму».

И щелкнуло. Все сошлось. Подтвердились мои смутные предположения, что вовсе не в антисемитизме Сталина было все дело, не в личности великого режиссера и великого актера, а в том, что Михоэлс был председателем Еврейского антифашистского комитета и именно в этой своей ипостаси помешал Сталину.

Версия выстроилась. Но я понимал, что для документальной книги собственно документов у меня мало. Тогда и решил: пусть это будет роман. Для того чтобы подтвердить романную версию, документов хватало.

Вы пытаетесь выбить из-под романа его основу:

«Есть основания полагать, что превращение “крымского проекта” из неясной идеи, спонтанно возникшей в головах руководителей ЕАК, в насущную, жизненно важную и конкретную цель произошло только в ходе триумфальной поездки посланцев советского еврейства по Америке».

Напомню читателям: посланцев было всего двое, речь идет о поездке Михоэлса и поэта Фефера в Америку, Канаду, Мексику и Великобританию в 1943 году. Фефер был с 1937 года осведомителем второго главного управления НКВД, попросту говоря стукачом, приставленным к Михоэлсу, чтобы приглядывать за ним. Для этого поэта Переца Маркиша, которого вместе с Михоэлсом

пригласили американцы, и заменили Фефером. Поскольку у стукача вышеупомянутая идея не могла родиться по определению, из Вашего утверждения, г-н Костырченко, следует, что она родилась у Михоэlsa.

Вы пишете, что идея еврейского Крыма возникла у руководителей ЕАК «на волне той стихийной демократизации, которой сталинский режим в интересах самовыживания вынужден был в определенных рамках попустительствовать во время войны». О чем это Вы? Какая стихийная демократизация в середине 43-го года? В чем она выразалась? Сталин перестал расстреливать священников – это демократизация? Тогда мы просто говорим о совершенно разных вещах.

Дальше. Кто такой Михоэls? Знаменитый, благополучный, обласканный властью человек, кавалер ордена Ленина, народный артист СССР, член комитета по Сталинским премиям. Скажу безоценочно, в порядке простой констатации факта: конформист в силу того, что у него не было никаких расхождений с политикой партии. И этот человек заявляет в Америке (и не просто заявляет, а ведет на эту тему переговоры с американскими политиками и финансистами!), что не худо бы евреям заполучить Крым? Заявляет при Фефере, прекрасно зная, кто такой Фефер. Михоэls сумасшедший? По-Вашему, да. По-моему, нет. Документально установлено, что перед поездкой Михоэls встречался с Молотовым. Какие инструкции дал ему нарком иностранных дел и первый заместитель Сталина? Посоветовал держаться скромно и не уронить честь советского человека?

Вы сказали: «Есть основания полагать». А какие основания? Ладно, я литератор, совру – недорого возьму. Но Вы-то историк, ученый, должны оперировать документами, фактами, а не формулами типа «Как известно» или «Есть основания полагать». Или нет? Или и тут мы вкладываем в понятие «ученый-историк» совершенно разное содержание?

Вы продолжаете:

«Не утруждая себя какими-либо доказательствами на сей счет, автор (П. Судоплатов. – В.Л.) заявляет, будто перспектива заселения Крыма евреями обсуждалась Сталиным сначала, в июне 1944 года, с президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном и послом США в СССР А. Гарриманом, а потом, “сразу же после войны” – с делегацией американских сенаторов. Однако после наступления холодной войны, утверждает далее Судоплатов, “наши надежды на получение еврейских кредитов рухнули... и первой жертвой смены курса стал Михоэls, находившийся в самом центре дискуссии по созданию еврейской республики в Крыму”».

Судоплатов не утруждает себя доказательствами. А Вы утруждаете? Какими? По-Вашему, «запись состоявшегося тогда разговора, которая была опубликована потом в официальном издании МИДа», – это доказательство? Да Вы посмотрите по времени. Вы сами упоминаете, что разговор Сталина, Джонстона и Гарримана продолжался три часа. А сколько по этой официальной записи? Двадцать минут? А остальные два часа сорок минут они рассказывали друг другу анекдоты?

И если бы мне снова, уже сегодня, пришлось делать выбор между «бездоказательными» утверждениями Судоплатова и столь же бездоказательными, без кавычек, Вашими утверждениями, я все же выбрал бы Судоплатова. Уж извините.

Вы с иронией называете его супершпионом и намекаете, что он дал волю своей фантазии (как и я), чтобы с помощью шпионской интриги сделать книгу коммерчески успешной. А он не супершпион, он один из самых опытных или даже самый опытный руководитель внешней разведки СССР, заслуженно пользовавшийся уважением профессионалов во всем мире, в том числе Гувера и Черчилля. Его книга была подписана в печать летом 1996 года, незадолго до его смерти. Ему было 89 лет. В этом возрасте люди не врут. Тем более из-за денег.

Так что же остается от Вашего разгрома моей версии (да-да, подсказанной Судоплатовым), ставшей основой романа «Убийство Михоэlsa»? Да ничего. Даже как-то жалко. А мне хотелось задать Вам еще несколько вопросов и послушать, как Вы уложите эти факты в свою версию юдофобии Сталина, как основной причины той давней трагедии.

Один все же задам. Как известно, во время убийства Михоэlsa в Минске находился Фефер, который никакого отношения к поездке Михоэlsa и критика Голубова-Потапова (тоже стукача) не имел.

ДО И ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

А. Евдеев

Казалось бы, невелика сложность – рассказать о лично знакомом человеке, почти родственнике. Однако то, что рисовалось достаточно очевидным, – стоило прикоснуться, – утратило свою очевидность. Хотя и раньше к человеку присматривался, вслушивался в его слова. Благо были знакомы, более того – одно время, как я уже признался, состояли в родстве.

Теперь запоздало вижу, что не задал каких-то важных вопросов. Не исключаю, правда, что они могли прозвучать бестактно. А мой собеседник отличался обостренностью восприятия, повышенной деликатностью. Вполне, впрочем, сочетавшимися с кремневой стойкостью, когда-то выводившей из себя следователя. Хотя сам менее всего стремился выглядеть героем и сознавал собственную причастность ко всему, что творилось в стране.

Этот его взгляд, обращенный назад, с годами все явственнее станет отражать взыскательность к самому себе. И своему времени...

Отсутствие имени собственного – не повествовательный прием ради возбуждения читательского интереса. Я сам с опозданием узнал его, гораздо позже получил возможность непосредственно с ним общаться. И еще позже прочитал его книгу.

Впервые услышал о нем в 1939 году. Но без имени-отчества. Статная дама по имени Надежда Марковна, беседуя с моей теткой о делах, связанных с художественным переводом, жаловалась, что Фадеев распорядился не давать ей работы. Меж тем, у нее дочь, а муж... Имя не произносилось. Фраза оборвалась. Возникло ощущение неладного...

Года два назад, когда «гребли» людей, в очередной раз забрали нашего неунывающего соседа. При Временном правительстве, отменившем ограничения по национальному признаку, вчерашний гимназист Веня поступил в юнкерское училище. А потом во всех анкетах признавался в этом ужасном факте. Соседи говорили о его арестах как о вещи вполне обычной: «Вениамин Семенович опять в командировке». Тогда же «замели» мою двоюродную сестру и родителей кое-кого из одноклассников. Привыкнуть к этому было нельзя. Но воспринималось – словно нечто неотвратимое. По крайней мере, «на данном этапе».

«Этап» вроде бы кончился. Вениамин Семенович, уличенный в попытке отторжения Азербайджана в пользу Турции, не осуществив дерзкий план, вернулся домой. Что пытался отторгнуть неведомый мне муж Надежды Марковны, я так и не узнаю. Зато узнаю, почему его с такой яростью, но безуспешно избивали на Лубянке.

Мой брат, студент мединститута, демобилизованный после тяжелого ранения, женился на дочери Надежды Марковны, носившей ничего не говорившую мне фамилию «Гнедина». Молодые вместе с ней жили в квартире, куда когда-то однажды не вернулся хозяин. Он уже отбыл лагерную десятку, но столица оставалась для него недоступной. Зато у Надежды Марковны появилась возможность увидеть мужа...

Еще шестнадцать лет, встретив юного Евгения Гнедина, Надя Бродская записала в дневнике: «Он меня любит. Верую, Г-споди!»

Не столь уж частый случай, когда почти детскую запись легко и естественно можно было повторить спустя годы и десятилетия.

Евгений Александрович проявлял стойкость не только перед палачами, жаждавшими сведений об изменнической деятельности наркома, отвергавшего курс на всемерное сближение с гитлеровской Германией. И он, и нарком достаточно хорошо знали, что она собой представляет и какие планы вынашивают Гитлер и главный штаб вермахта...

Гнедин родился в Дрездене в 1898 году. Его отец, знаменитый Парвус, ходил в крупных революционерах и, нажив капитал, поддерживал Ленина, делясь с ним частью доходов.

Впрочем, родословная Гнедина делается мне известна много позже. Но я все же отдавал себе отчет: чекистский меч, однажды занесенный над ним, способен опуститься и на головы членов его семьи. Однажды явился в Петроверигский переулок к молодоженам с намерением перешерстить библиотеку «врага народа».

С великой охотой написал бы я о стремительном прозрении Евгения Александровича, подобном тому, что пришло к тысячам эков, хлебнувших лагерной баланды. Однако Гнедина отличало постоянство не только в личных чувствах. Молодой романтик чистосердечно воспринимал девизы, восхвалявшие социальную справедливость, интернациональное братство, всеобщее благоденствие. Эти лозунги, чаще всего рожденные в многодумных головах, имели мало общего с действительностью, реальными тенденциями. Надежда на победное шествие по миру объединившихся в едином порыве рабочих и крестьян обернулась утопией.

Не вижу повода иронизировать. Испокон веку люди тешили себя миражными целями. А ныне не тешат?..

Евгений Гнедин рос без отца. После его появления на свет мать рассталась с мужем и поселилась в Одессе, где и прошли ранние годы сына. Склонный к романтическому восприятию сущего, он не слишком разбирался в хитросплетениях сиюминутных обстоятельств и связывал надежды с революционным преобразованием России, которой всей душой желал светлой жизни, несмотря на гражданскую войну.

Когда Парвус умрет, Гнедин попросит командировку в Германию, после судебной волокиты получит солидное наследство и целиком, до последнего пфеннига, передаст советскому государству.

В квартире в Петроверигском переулке отсутствовали малейшие следы роскоши. Хотя супруги Гнедины не один месяц провели за границей, работая сотрудниками нашего посольства. Помимо всего прочего Евгений Александрович много писал и постоянно печатался в газетах.

Сознаю, сколь архаично звучат сейчас слова о бескорыстии, бесребреничестве. Но не вижу нужды ими пренебрегать, хотя бы говоря об отдельных людях, всего менее помышлявших о выгоде, доходном местечке и всем остальном, что сейчас в ходу. Говоря об интеллигентах-романтиках, туманно представлявших себе российскую явь.

Гнедин и люди его склада во многом заблуждались, принимая на веру наукообразные фантазии Маркса, но это не мешало им придерживаться строгих этических правил. В их восприятии жизни хватало прекраснотушения, но хватало и высоких принципов, на нашу беду ныне забытых в святой уверенности, будто всему глава чистоган. Поветрие это, к великому сожалению, не миновало и «новых евреев», быстро забывших вчерашний день и мало думающих о завтрашнем...

Сближение Гнедина с рафинированным интеллигентом Георгием Васильевичем Чичериным, народным комиссаром иностранных дел, было вполне закономерным, как и близость с Максимом Максимовичем Литвиновым.

Должности референта по Германии, предложенной Гнедину (наркомат тогда помещался в гостинице «Метрополь»), предшествовала жизнь Надежды Марковны и Евгения Александровича в Питере, куда они перебрались поженившись. (Поженились еще в гражданскую войну, когда жених был связан с партизанами и подпольщиками.) В Питере Надежда Марковна училась в консерватории, Евгений Александрович – на экономическом факультете. Жили впроголодь. Переезд в Москву, служба в наркоминделе положили конец студенческой нищете. Но и загруженность возросла. Евгений Александрович успешно совмещал работу референта с деятельностью журналиста-международника.

В 30-е годы ему будет суждено занять пост первого секретаря и пресс-атташе советского посольства в Берлине, где власть перейдет к Гитлеру, а с Гитлером вскоре начнут устанавливать связь, минуя посольство Москвы, посланцы Сталина. Эти «подковерные» контакты, ставшие известными Е. Гнедину, осуществлялись помимо наркома М. Литвинова, уверенного в их пагубности для Советского Союза.

Однако Сталин пекся не о Советском Союзе. Он, как и его напарник, помышлял о новой мировой войне, надеясь поживиться ее плодами.

Прекрасно понимавшего опасность сталинской политики М. Литвинова мало было устранить с поста наркома. Он обладал большим международным авторитетом, и его следовало дискредитировать, уличив в заговорщической деятельности. Как уличали всех неугодных политиков, да и вообще тех, в ком вождь подозревал несогласие. Механика разоблачения была отработана и, как правило, не давала сбоев. Но тут на первой же стадии, на стадии подготовки, произошел непостижимый срыв. Следовательно, истязавший Гнедина, не мог взять в толк, почему арестант не дает нужных показаний.

Занимавший роскошный кабинет в здании НКВД на углу Кузнецкого моста, Евгений Александрович не превратится в спесивого чиновника. Не «расколется» под пытками. Не очерствеет в лагерном бараке несмотря на непосильный труд, на чудовищное существование, о которых позже узнает мир от Шаламова и Солженицына. Он останется самим собой.

Брак моего брата с его дочерью распадется. Насколько могу судить, брат никогда не сближался с Евгением Александровичем...

Но если браки иной раз и вправду заключаются на небесах, то там не халтурили, соединяя священными узами двух юных одесситов – Надю и Женю. Едва Гнедина выпустили из лагеря, Надежда Марковна, не мешкая, отправилась в далекий путь к мужу, наконец сподобившемуся ссылке. Понимая (насколько возможно) состояние мужа, она, тем не менее, собиралась вместе с ним написать повесть. Соавторы надеялись, что благодаря заметной публикации Евгений Александрович обретет, быть может, человеческую жизнь в столице. Кому-то из бывших ээков такое удавалось.

Судьба повести «Обогащение» мне неизвестна. Когда Гнедин вернулся в Москву, мы с ним познакомились. Однажды с присущей ему деликатностью он попросил меня, если не трудно, пойти вместе с ним в высокую партийную инстанцию, где ему должны были вернуть партийный билет. Я, деликатностью не отличаясь, когда мы уже подходили к месту назначения, ляпнул что-то вроде «А зачем попу гармонь?»

Он улыбнулся своей, словно бы виноватой, улыбкой, но ответил вполне серьезно.

Возвращение партбилета считалось равносильным окончательному снятию клеветнических обвинений, сперва звучавших при исключении из партийных рядов, потом – на бесчисленных допросах.

Что ж, он был прав. Даже если не касался подробностей и не называл имена мучителей, хотя поговаривали, что среди них были и громкие.

Как будет прав и спустя несколько лет, возвращая билет в райком...

Тут позволительно было бы ставить точку.

Справедливость восторжествовала, ложь посрамлена. Незаслуженно пострадавшему как бы принесены извинения. То есть свершилось все необходимое для благостного финала.

Окажись на месте Е. Гнедина кто-то другой, тем бы дело и завершилось. Но с ним все произошло по-другому. Главное в жизни Евгения Александровича только начиналось.

Советскую систему отличала беспощадность к своим гражданам. Достаточно было когонибудь объявить «кулаком», «оппортунистом», «космополитом», и человек попадал в опалу, лишался трудом нажитого добра, а то и перемещался в пыточную камеру. Следовательно, истязавший Гнедина, мог сам стать объектом истязаний. Ибо оно составляло суть системы, запросто действовавшей при том во вред себе. Одна только титаническая борьба с «безродным космополитизмом» лишила страну множества умелых рук и светлых голов. Крупнейший советский разведчик П. Судоплатов сокрушался о потерях в своей области из-за этой запредельной кампании.

Люди жили в мире набивших оскомину, лишенных смысла словосочетаний, таких как «социалистическая демократия», «пролетарии всех стран, соединяйтесь», «жить стало лучше, жить стало веселее»... И далеко не всегда сознавали их абсурдность. Демократия социалистической не бывает, пролетарии всего меньше помышляют о том, чтобы соединиться. Жить, конечно, стало лучше и веселее, но голод, недоедание, тоска и страх остаются неизменными спутниками живущих.

Настойчиво размышляя о своей участи в контексте истории страны, которой он служил не за страх, а за совесть, Е. Гнедин употребил ключевое слово – «лабиринт». Оно вынесено в название книги, впервые изданной за рубежом.

Лишь в 1994 году «Выход из лабиринта» с послесловием А.Д. Сахарова увидит свет в родных пределах.

Они сблизились, А. Сахаров и Е. Гнедин, что не исключало разногласий – неизбежных, а то и необходимых. Я, признаться, не совсем это понимал и сам в разговорах с Евгением Александровичем избегал каких-либо спорных тем, не прощая себе вопроса о его возвращении в партию.

Не надеясь, что нынешний читатель сейчас сумеет раздобыть ставшие уникальными тексты и отдавая себе отчет в невозможности их пересказать, попытаюсь остановиться лишь на отдельных, наиболее, на мой взгляд, значимых идеях итогового гнединского труда, на той его части, которая выразительно озаглавлена «Катастрофа и второе рождение».

Создан он человеком, не только устоявшим под пытками, до коих были охочи не одни лишь профессиональные садисты, но и садисты по призванию. Даже по должности. По должности, выше которой вроде бы некуда.

В «Большой советской энциклопедии» с подобающей четкостью сказано, что именно Берия «провел большую работу по улучшению деятельности чекистских органов». Казалось бы, куда уж лучше. Однако нет предела совершенству. Специалист «по улучшению» пыточного дела и ныне привлекает болезненный интерес иных неумных журналистов. Один из них, осуждая палаческие подвиги Берии, замечает, словно бы норовя оправдать его: «Но он не был антисемитом». Возможно, Дзержинский, так тот наверняка не был. Однако какое это имеет значение? Когда речь заходит о нелюдях, чьи руки по локоть в крови людей всех национальностей и – не в последнюю очередь – евреев, отсутствие юдофобства не имеет ни малейшего значения. Как и его наличие. Неужели это способно быть предметом спора или обсуждения?

Еврея Гнедина избивали, бросив на пол перед выдающимся специалистом по совершенствованию чекистского ремесла. Перед самим Лаврентием Павловичем.

Примечательная подробность: незадолго до ареста Е. Гнедина и снятия с поста М. Литвинова Берия, Маленков, Молотов и Деканозов деловито беседовали «с видными работниками НКВД», готовя их к обновлению руководства. Двое из этой сановной компании примут непосредственное участие в пытках, которым подвергали Гнедина. Деканозов – уже в роли заместителя нового наркома иностранных дел – Молотова. Мастер, так сказать, на все руки.

В галерее иезуитов и садистов Е. Гнедин немало места отводит Молотову – этому ничтожеству, известному в партии под кличкой «каменная задница». (Про кличку Евгений Александрович, видимо, запомнил.)

В обстановке нечеловеческих мучений (Гнедина подвергали им постоянно, даже при переводе из одного застенка в другой) он стремился до конца понять систему, которой еще недавно служил, веря если не в ее добропорядочность, то в целесообразность, в положительный, так сказать, потенциал, какой, в конечном счете, будет на благо людям.

В драной рубашке, не просыхающей от крови, доведенный до нервного срыва, он начинает сознавать: система изначально отличалась античеловечностью. В том повинны не только выродки типа Берии, всего лишь служившие ей. Повинен и сам он, Евгений Гнедин, беззаветно и бескорыстно веривший в ее лозунги, щедрые посулы, громогласные планы.

«Я возлагаю и на себя моральную ответственность за то, что творилось в стране с конца 20-х и до конца 30-х годов», напишет он, вглядываясь в прошлое.

Так-то оно так, но не слишком ли обобщенная формулировка?

Палачам, возглавляемым лично Берией, не удалось сломать человека, который, по их не слишком головоломным представлениям, должен был «дать материал», позволяющий посадить на скамью подсудимых М. Литвинова и его дипломатов, ибо те противились альянсу с Гитлером, который втихую готовили за их спинами.

То был не только политический или этический вопрос. Дело шло о судьбе страны (и, о чем еще не подозревали, о судьбе мира).

Сторонники М. Литвинова отнюдь не отказывались от нормальных дипломатических отношений с нацистской Германией. Но менее всего верили в плодотворность для своей страны союза с Гитлером и понимали, что фюрер постарается использовать этот союз в своих агрессивных целях.

Сколько ни терзали Гнедина, он не менял точку зрения и, понимая уже (пусть и не до конца) цели доблестных наследников железного Феликса, не уступал им ни миллиметра, вызывая не только ярость, но и недоумение. Откуда в этом интеллигенте отнюдь не богатырского сложения такое упорство? Такое упрямство?

Попадались, конечно, чудачки, но техника слома человека была разработана глубоко и досконально. Болевые точки нащупывались без особого труда.

Из сказанного не следует, будто не оставалось идеалистов, будто миллионы людей не поднялись на защиту Отчизны. (Лозунги типа «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вышли из употребления, словно корова языком слизнула их с газетных полос.)

Германский фашизм, оккупировав советскую территорию, явственно обнаруживал свое сходство с советским тоталитаризмом: даже колхозную систему гитлеровские наместники оставили в неприкосновенности.

Понимание всего этого, особенно до начала войны, давалось Е. Гнедину с великим трудом, однако, нещадно избиваемый, перебрасываемый из тюрьмы в тюрьму, он все критичнее оценивал собственную деятельность, предшествовавшую аресту. Но процесс этот был отнюдь не стремительным и, судя по повести, написанной в ссылке, нуждался в длительных размышлениях.

Такого рода размышлениям требуются годы, обновление круга знакомств. Ему постепенно открывались глубины, о каких он, выступая когда-то со статьями в «Известиях», беседуя с иностранными журналистами в своем кабинете заведующего отделом печати НКВД, не подозревал.

Это звучит, возможно, несколько наивно, однако допускаю, что по душевному своему складу он не слишком-то был предназначен для дипломатической карьеры, подчас предполагающей хитроумие, двуличие, словесную эквилибристику.

Таким образом, катастрофа, то есть арест и все последующее, означали еще и «второе рождение». Впрочем, вряд ли будет ложным предположение, что оно исподволь началось еще до ареста.

Ныне не обязательна особая проницательность, дабы прийти к выводу о возможности совместной подготовки Сталина и Гитлера к второй мировой войне, общих планов раздела мира и о надеждах каждого охмурить напарника. Известна уже давно и цена, уплаченная народами за эти кровавые затеи.

Евгений Александрович оказался перед необходимостью с пристрастием анализировать собственную деятельность, собственное миропонимание. Дело, сопряженное с трудностями, о которых можно лишь догадываться. Автор не считает нужным о них рассказывать.

Вообще же это занятие способно иной раз оказаться не менее тяжким, нежели лагерно-тюремные злоключения.

Десятилетний приговор Гнедину вынесли, когда дивизии вермахта уже напали на советские войска, по вине Сталина не готовые к отражению массированных атак. Вождь и учитель в то время не нашел слов, дабы объяснить народу причину обрушившейся на страну трагедии. Хотя люди гнединского склада, быть может, были готовы к трагедии больше, чем остальные.

О себе Гнедин говорил, что вырос «в атмосфере революционного идеализма», который ему внушила мать.

Революционный идеализм – палка о двух концах. Когда он иссякает, встает вопрос – что возникнет на освободившемся месте? Одна из примечательных особенностей написанного Е. Гнединым после «второго рождения» (это необходимо подчеркнуть) – счет, предъявляемый самому себе.

«...Судьбы людские складывались по-разному, не было одинаковым отношение к действительности. Одни дольше других оставались в нормальных условиях, они даже могли с высоты обрыва любоваться морским простором; иные, обнаружив угрозу обвала, бежали от края пропасти, но многие из всех сил старались укрепить оползавшую почву. Между тем, вблизи уже громыхал обвал, а еще где-то злодеи и мародеры расхищали ценности в полуразрушенном жилище.

Сторонник социализма наслаждался жизненным простором, когда подземные толчки уже сотрясали и разрушали почву. Он был далек от представлений противников советской власти, считавших, что сама Октябрьская революция была исторической катастрофой».

(Вынесенное в название слово «катастрофа» не сводится к аресту и пыткам. К личным обстоятельствам. Забывать об этом – игнорировать не только судьбу Евгения Александровича, но и суть его многослойных, многотрудных записок, предназначенных для широкого круга.)

Не желая злоупотреблять цитатами, я счел возможным привести лишь два абзаца, передающих авторскую манеру, мысль. Само мироощущение Гнедина, приходящего к идее о катастрофе, постигшей страну, народ, его самого.

Взыскующая совесть уже не позволяла Е. Гнедину мириться с сущим и с собственным местом, которое он еще недавно занимал в нем. Даже если он сам не жаждал этого места. Система умела заставить работать на себя, сводя к минимуму возможности индивидуального выбора. Тот же любимый герой нашего журнала, Илья Эренбург, напишет юбилейную статью ко дню рождения товарища Сталина, не отставая от явных блюдолизгов. Еще в годы войны он, как должное, принимал подзатыльники «Правды», смекнувшей, что, приближаясь к Берлину, надо пригасить пыл писателя, принявшего на вооружение идеологию, в принципе не шибко отличавшуюся от гитлеровской. Правда, принял он ее не от хорошей жизни.

Революционный идеализм, поминаемый Гнединым, давно улечился, нашим записным проповедникам ничего не оставалось, кроме как взывать к великим предкам и распалать презрение к «фрицу». Геббельс, в свою очередь, точно также культивировал презрение к «Ивану».

В отличие от Гнедина многоопытный Эренбург, не однажды менявший символ веры, предпочел самый простой вариант, сознавая его доходчивость. Но сознавал ли последствия? Из автора недавно вышедших тягостных романов он превратился в популярнейшего журналиста, призывавшего убить «фрица» и тогда, когда война удалась от границ Отечества, а немецкая оккупация сменилась советской.

На долю Е. Гнедина, чуждого метаниям из крайности в крайность, выпало заведовать отделом печати НКВД в черные годы, когда по долгу службы требовалось объяснять иностранным корреспондентам правильность процессов над «врагами народа».

Для служилого человека вопрос о выборе, повторяю, отсутствовал. И для неслужилого сводился к минимуму.

Демобилизовавшись после двенадцати лет, отданных военной службе, я решил в штат никуда не поступать. И не поступил. Пытаясь посылить наверстывать не завершенное в ИФЛИ образование. Печатаюсь там, где полагал возможным (в «Новом мире», «Театре», «Литгазете»). Но то была призрачная свобода эпохи Хрущева-Брежнева, и нынешние рассуждения ветеранов «Литературки» о различии редакторов сводятся к различию между чертом полосатым и чертом в клеточку. Даже самые порядочные сотрудники вынуждены были выполнять волю начальства. Как выполнял ее и Гнедин, заведывая отделом и пудря мозги иностранным журналистам. По складу природы он не страдал даже малейшей склонностью к цинизму, почти неизбежному в сложившейся ситуации. Сказать то же самое о бывших сотрудниках «Литературки» не берусь. Слишком велик разброс взглядов, слишком привычно двоемыслие. Слишком соблазнительно строчкогонство и велика потребность в гонораре.

Евгений Александрович не знал этих слабостей. Но ему доставало других, вынуждавших говорить и писать нечто, почитаемое обязательным. Даже понимая, что оно противоречит нравственным нормам.

Судить за это, равно как и за работу в советской газете, просто. А раз так, то вряд ли стоит. Тем паче, что наступивший день тоже не относит нравственный закон к обязательным. Отнюдь. Оглядываться назад, вспоминать то, что Гнедин назвал «катастрофой», не особенно принято. Да и воспоминания, что появляются на свет, нередко грешат субъективностью, подчас переходящей в неправду.

Вместо постскрипума

У меня нет потребности полемизировать с Б. Сарновым касательно своих статей едва не полувековой давности. В сборники я их не включал. Даже в те, набор коих был рассыпан. (Таких числом оказалось три.) Политических статей вообще не писал, никто меня к этому не понуждал, а сам я не испытывал никакой в том потребности. Запомнить спустя десятилетия фразы мимолетного уличного разговора невозможно. Всякий сколько-нибудь серьезный мемуарист избегает в тексте прямой речи, вызывающей естественное читательское недоверие. Так что это нелепость – создавать впечатление, будто наше приятельство нарушила благородная обида за Мандельштама.

Да при чем тут Мандельштам, какие, к черту, «политические статьи»?! Едва я в «Новом мире» написал о полузабытой Лидии Сейфуллиной, о ее повести «Виринея», «Литгазета» разразилась доносительским сочинением.

Сейчас известно: я угодил в проскрипционный список, изготовленный на Старой площади. Документ этот опубликовали в пору перестройки на страницах одной из столичных газет.

Искренне рад, что моего бывшего приятеля миновала чаша сия. Хотя и ему порой доставалось.

Благодаря ему я прочитал машинопись хемингуэевского «Колокола», и мы восхищенно обсуждали роман вместе с чудесным и умным человеком, популярным детским писателем Максом Бременером.

Не страдая манией величия, все же вынужден уведомить: фамилию мою И. Эренбург знал. Составляя антологию «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», я не раз и не два встречался с его дочерью Ириной, вдовой погибшего поэта Бориса Лапина. По моей просьбе, отбирая стихи мужа, она всякий раз советовалась с отцом и поделилась с ним приятной вестью: с помощью К. Симонова (он в таких делах был безотказен) удалось обойти закон об авторском праве и заплатить гонорар вдовам и матерям.

Правда, от приглашения Ирины Ильиничны вместе с отцом отметить это скромное событие я уклонился. Виной тому – застрявший в памяти эпизод военных лет.

В конце апреля сорок второго в клубе нашей «сверхособой» бригады состоялась встреча с И. Эренбургом. Одно место в его речи, врезавшееся в память, не относилось к ораторским экспромтам. Илья Григорьевич повторял излюбленную свою в те поры мысль: все немцы – фашисты, исключений нет и быть не может, такова национальная природа.

Произнес это, отлично зная: в зале, в красноармейских гимнастерках, сидит группа немецких антифашистов, бежавших из гитлеровских тюрем и лагерей. Сносно понимая русский, немцы встали и по широкому проходу при общем молчании направились к дверям. Дождавшись их ухода, оратор произнес: «Я продолжаю».

Вот почему я отказался от дружеского приглашения Ирины Ильиничны и не стремился встретиться с ее отцом, разумеется, не объясняя причину.

Добавлю лишь, что его бурная борьба за мир во всем мире не вызывала у меня ни сочувствия, ни уважения. К тому времени я уже достаточно хорошо понимал, откуда исходит реальная угроза человечеству. Не мог этого не знать и умудренный жизнью Эренбург. Ведь это его повесть «Оттепель» с робкими надеждами на лучшее получила жесткий отпор К. Симонова. А «Черная книга», первая у нас книга о Холокосте, написанная им совместно с В. Гроссманом, не увидела свет.

Но останутся, конечно, мемуары «Люди, годы, жизнь»...

Возвращаясь к отношениям с моим нынешним оппонентом, вынужден напомнить: отношения разорваны лично мной. По чисто житейским причинам, не имеющим касательства к литературе и, боюсь, не совсем ему понятным. Объяснять же теперь не вижу нужды. Но испытываю потребность в их нормализации. Катастрофа, о которой писал Е. Гнедин, напоминает о себе. И сегодня, в марте 2004 года, еще упрямее, нежели в дни, когда я принимался за эти записки.

Евгений Александрович в высшей степени достойно прожил свои послелагерные московские годы. Он становился все более значительной фигурой в нарастающем движении, обычно, пусть и не совсем точно, именуемом диссидентским. Вполне закономерно его сближение с «Новым миром» А. Твардовского. К нему стремилась молодежь, стремились вчерашние ээки, среди его друзей и собеседников – Л. Чуковская, А. Сахаров, Л. Разгон и другие известные представители идейной и этической оппозиции. Само общение с ним облагораживало людей.

Когда он заболел и попал в больницу, тревога охватила не только близких. Помню визит академика А. Воробьева, его растерянное лицо, когда он выходил из палаты...

Там же, в Боткинской, состоялась гражданская панихида, собравшая множество людей. В том числе и ни разу не встречавшихся с Евгением Александровичем при жизни.

Запомнились произнесенные тогда Лидией Корнеевной Чуковской слова про «лучезарного человека». Он действительно был «лучезарный человек».

Этими словами и завершу я свои далеко не исчерпывающие тему заметки о Евгении Александровиче Гнедине и его противостоянии катастрофе.

^[1] *Ἀεὶπῶσαι γὰρ αἰετοῦ ἰεεὸς ἀεὶ ἀεὶ ἀεὶ ἀεὶ ἀεὶ Ἀ. Ἀεὶπῶσαι (Ἰαδάρια) «Der Freibeuter der Revolution» («Ἐπιεὶπῶσαι δαίερον»), ἰαίεῖται γὰρ ἰὰ δαίερον αἰ δαίερον Ἰεπῶσαι ὁ εἰεὸς ὁ δαίερον εἰ εἰ αἰεὶ οἰ αἰεὶ εἰ δαίερον εἰ εἰ αἰεὶ, ἰὰ ἰαδάρια ἰεεὸς ἰαδάρια εἰ ἰπῶσαι Ἀ. Ἀεὶπῶσαι*

^[2] *Ἰαδάρια ἀπὸ ἰ αἰ δαίερον Ἀ. Ἀ. Ἰαδάρια «Ἐπῶσαι δαίερον εἰ δαίερον δαίερον» αἰεὶ εἰεὶ αἰ Ἀεὶπῶσαι, δαίερον – «Ἀπὸ δαίερον εἰεὶ δαίερον» ἰαδάρια Ἀ. Ἀ. Ἰαδάρια – ἰ ΝΟΑ.*

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

КАДИШ НЕРОЖДЕННОГО ПО САМОМУ СЕБЕ

Имре Кертес.

Кадиш по нерожденному ребенку.

Повесть.

М. : Текст, 2003. – 206 с.

Может ли «скучная» проза быть хорошей? Конечно, может. Вот вам пример – повесть Имре Кертеса, последнего нобелевского лауреата в области литературы. Действие – action, без которого мы на самом деле с трудом представляем себе литературу, отсутствует напрочь. Весь текст, от первого до последнего слова, представляет собой непрерывный внутренний монолог, сбивчивый, периодически повторяющийся целыми кусками, возвращающийся, кружащийся на месте, обрывающий одну фразу-мысль на середине, чтобы перейти к другой фразе-мысли, которая также, почти наверняка, будет прервана на середине. История без начала и конца; «антироманы» Роб-Грийе по сравнению с ней – верх последовательности и логичности. Автор демонстративно не делит повествование на абзацы, да и деление на предложения факультативно. Читается, впрочем, на одном дыхании. А когда переворачиваешь последнюю страницу – удивляешься: почему это кончилось? И о чем вообще это было?..

Наверное, о том, «какой бывает литература после Освенцима». В послесловии утверждается, со ссылкой на «мыслящую часть человечества», что «после Освенцима» искусства вообще быть не может. Автор послесловия, правда, в Освенциме не был, как и автор формулировки. А Кертес – был. И демонстрирует своим творчеством, во-первых, что литература никуда не делась, а, во-вторых, что после Освенцима не может быть писателя. Потому что для писателя, прошедшего Освенцим, нет никакого «после»: «Освенцим был, то есть ЕСТЬ»; «Освенцим неизлечим, никто из болеющих этой болезнью никогда еще не выздоравливал».

Итак – перед нами литература о человеке с Освенцимом внутри человека, весь предыдущий мир которого рухнул в лагере: попытки окружающей его социалистической Венгрии «навести порядок» лишь подчеркивают в его понимании абсолютную беспорядочность существования – бессмысленность, бесформенность. Человека, ощущающего себя «недопохороненным»: занятым, как он говорит, рытьем «той же могилы, которую другие начали рыть для меня в воздухе, а потом, просто потому что не успели закончить... сунули заступ мне в руки и бросили меня с ним, – дескать, доделывай сам, как знаешь». Местами можно обнаружить практически дословные повторы из текста другого лагерника, Примо Леви: освобождение героя из лагеря превратило ужас в «стойкую подозрительность, постоянное опасение, что немцы в любое время могут вернуться, так что я все-таки не жил в полной мере». Разумеется, герой Кертеса чувствует себя работой, но не для того, чтобы «существовать», как у обычных писателей, без Освенцима внутри, а с целью прямо противоположной: «Работаю я всегда, и к этому меня принуждает отнюдь не только необходимость заработать на кусок хлеба; если бы я не работал, я бы существовал, а если бы существовал, то даже не знаю, к чему бы это меня привело, да и лучше мне этого не знать»...

Тема отказа от существования приводит нас к эпизоду, давшему название повести, – к истории о неродившемся ребенке. В самом начале мы узнаем, что герой давно расстался с женой, поскольку сам разрушил свой брак, отказавшись зачать ребенка. Идея, вроде бы, витает в воздухе – ну, какие, скажите на милость, могут быть дети, если Освенцим есть. Тем более, мысль о том, что продолжение рода вообще имеет смысл, тут же вкладывается автором в уста малосимпатичного эпизодического персонажа – марксистского философа, воплощения общественной пошлости. Однако не все так просто. Герой еще не раз вернется к истории неродившегося ребенка, и всякий раз нам будет предложено другое объяснение. В какой-то момент он заявляет (самому себе, а потому – искренне), что не хотел ребенка, потому что не хотел услышать однажды, как его ребенок топает ногами и кричит: «Не хочу быть евреем!» Это не про Освенцим, а про повседневность – про бытовую антисемитизм снаружи (несколько сценок в кафе, в трамвае, на улице), про отторжение от еврейства внутри (ужас героя в детстве при виде «лысой женщины в красном халате», символизирующий забвение еврейского Б-га с его 613 заповедями). А уже совсем близко к концу выясняется, что к реальному Освенциму история с неродившимся ребенком не имеет даже косвенного отношения: у героя «комплекс детской площадки» по Брэдбери. «Какое же это несчастье – детство!» – восклицает он, и далее следует длинный отрывок воспоминаний о детстве, внешне ничем трагическим не отмеченном, но – невыносимом. Невыносимом потому, что детство – время максимальной несвободы. Как лагерь. Освенцим не просто есть, он был – задолго до того, как его построили.

Как же освободиться из вечного экзистенциального концлагеря? В середине повести Кертеса вкратце пересказывается другая повесть – нечто, написанное лирическим героем и совершенно чудом проскочившее сквозь сито коммунистической цензуры. Как раз – повесть об освобождении. Герой этого «внутреннего» повествования получил фанатично христианское воспитание, но тут вдруг издали расовые законы, объявившие его евреем и подлежащим отправке туда, откуда не возвращаются. И в этом было его предсмертное освобождение. До сих пор он страдал от необходимости любить окружающее сообщество, так как это, видите ли, родина. Угнетали его неизбежные споры об антисемитизме; он пытался любить евреев, но никогда не был уверен в успехе такого рода попыток. И вправду: «Как можно чувствовать живую симпатию к такому отвлеченному понятию, как, например, еврейство? Или к толпе незнакомых людей, которых запихивают в это отвлеченное понятие? ...А тут он избавился от этой муки, от своей, пускай выдуманной им, ответственности. Теперь он может с чистой душой презирать, кого презирает, и не обязан любить тех, кого не любит. Он свободен, потому что у него нет больше родины. Остается только решить, в каком качестве ему умереть...»

Невесело. Причем, не только и не столько в узко-еврейском контексте, ставшем у Кертеса лишь примером – пусть самым ярким, с восклицательным знаком трубы крематория в конце строки, но всего лишь «одним из». Получается, что рождение любого человека – это попадание в экзистенциальный Лагерь, из которого освободит лишь смерть.

И ведь так оно и есть – для человека (не только еврея, любого европейского человека), лишённого той, что «сильна, как смерть», и Того, который и смерти сильнее. Герой Кертеса изначально, без всякой связи с Освенцимом, лишен первой и далек от второго. Будь все иначе, это был бы совсем другой человек, и история про него была бы совершенно другая.

Ài èòðèé ĭ ðrèíóíñá

КРАТКИЙ КУРС ЛИНГВОПОЛИТИКИ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Áááéá Ááéááí.

Ñáíðí éé ñòèòí ò áíðáí éé.

Í áðááí áú ñ éáðè ò à Ñáááééý Áðéí ááðáá

Ì . : Ì ñò ù éééúò óðú; Jerusalem: Gesharim, 2003 – 208 ñ

Стихи Давида Авидана в переводах Савелия Гринберга я нашел случайно в конце 70-х годов, дорвавшись до спецхрана одной из московских библиотек – теперь и не упомянуть, какой. Авидана я к тому времени уже знал довольно прилично и считал лучшим израильским поэтом. Переводы ивритской литературы на русский знал, как и все мы, только по «засылочным» книжкам «Библиотеки Али» и ценил не особенно высоко. В спецхране я искал израильские пьесы для диссертации, так что мог бы спокойно пройти мимо этой книги, перебирая запыленные сокровища дрожащими от желания украсть их руками.

Г-сподь судил иначе: книга под названием «Криптограммы с борта разведспутника» упала и раскрылась на «Екклесиасте юном» – поэме, которую я тогда считал лучшей у Авидана. Машинально проглядел первые несколько строф, мысленно сверяя с ивритским оригиналом... Дочитал до конца страницу... Перешел на следующую...

Короче: в тот день я дальше Авидана-Гринберга в том спецхране не продвинулся; сидел до закрытия читального зала и переписывал переводы от руки, чтобы перепечатать дома в 4 экземплярах. Впервые обнаружил такой классный перевод авангардистской поэзии на русский. С тех пор, кстати, ничего лучше не нашел – ни в самой израильской поэзии, ни в ее переводах на русский. А тем временем ушел Авидан (1995) и ушел Гринберг (2003). И все это, похоже, кончилось.

Авидана израильский культурный истеблишмент сожрал и не подавился. Нет, конечно, «официальные представители культуры» – издатели, ведущие газеты, министерские чиновники – все они на словах признавали его заслуги как одного из столпов национальной поэзии, ставили в один ряд с двумя наиболее известными ивритскими поэтами второй половины XX века, Иехудой Амихаем и Натаном Захом. Но при этом политкорректного Заха (сто лет, кстати, как исписавшегося) и безобидного для «культурной тусовки» лирика Амихая постоянно куда-то продвигают: то устроят перевод сборника на английский, французский или немецкий, то отправят в путешествие с циклом лекций, то еще как-нибудь поощрят. Авидану всегда обрубали возможности решить хотя бы элементарные материальные проблемы. В номере журнала «Ахшав», посвященном памяти поэта, приводится длиннейший список государственных организаций и общественных фондов, отказывавших Авидану в творческих стипендиях в пользу несчетных полчищ бездарей. Ему не предлагали достойного заработка или попросту не платили гонораров. В конце концов, он покончил с собой. После чего десятки критиков принялись обогащаться с помощью мертвого поэта, придумывая элегантные психологические объяснения тому, что на протяжении всей жизни он оставался парией.

На самом деле объяснение куда как простое. Авидан никогда в жизни своей не играл в политкорректность. Нигде и никогда он не позволял себе пошлости, называемой «гражданственной поэзией», нигде и никогда не оплевывал армию, нигде и никогда не выражал в своих произведениях солидарность с «борьбой чумазных за законные права». Во время «войны в Заливе» 1991 года он оказался, кажется, единственным в мире поэтом, осмелившимся плюнуть в прогрессивную физиономию «тусовки» злыми, на грани издевательства, проамериканскими стихами. «Весь этот мир хочет съесть Америку, – объявил он во всеуслышанье, – ибо Америка кормит весь мир»... Солидарность с «американским империализмом», как известно, тусовкой не прощается.

В этом смысле Авидан был, наверное, единственным действительно еврейским поэтом после Ури-Цви Гринберга. Сам он характеризовал свою еврейскую ментальность как «интеллектуальный нонконформизм, уверенность в том, что не существует готовых истин, что все принадлежит проверке и перепроверке», – другими словами «поднял на шит» качество, абсолютно неприемлемое для апологетов демократической банальщины. А солидарность с «международным сионизмом» тусовкой тоже не прощается.

Поучительно, что даже в русском послесловии к предлагаемой книге, абсолютно сочувственном по отношению к Авидану, автор как бы извиняется за демонстративное пренебрежение поэта «прогрессивными идеями». Не принимайте всерьез, говорит он, это все постмодернизм, «восхитительный словесный понос»!.. Да какой, к черту, постмодернизм?! Взаимоотношения знака и денотата у Авидана – прямее некуда. Если хотите – Авидан в поэзии реализует известную теорию Сепира-Уорфа об определяющем влиянии языка-формы на действие-содержание:

...nēlāā – yōl i ēdīāy āādeāā

Nēlāā mīcāpō nēōōāēē ē ēēēāēēdōpō ēō

Nēlāā āāēāpō ādī ēē ē i fōy ēīīōēīāīōū āāīūēōāēāōdōīū

ē ādōāēā nēlāā

Nēlāā fōāēā i ēdīcāīēy i ēd mīcāī nēlāī

ē i ēd āūāō nōāō nēlāī

īīōfēūēfōīōēōī nēācāēāāāūāō nāō ē nōāē nāō

nēāēāō āāāūāōōūā ē āūāōōūā

īīīīā nēāēāō ēāī nāō īfēpāēēīy āīō

nāīānōīī nōāī ē cāō:āīēyī ē yūīēā

īāēīōīdīīīī nēācāēōī÷ōī nēācāē

...Почему-то мне кажется, что Савелий Гринберг, переводчик, – русский вариант Авидана. Даже если судить по фотографии, помещенной на обложке сзади: слишком печальный взгляд и слишком жесткая носогубная складка, чтобы быть приемлемыми для русскоязычного литературного истеблишмента (отличающегося от ивритского не больше, чем третий сорт от второго). Да и краткие биографические данные говорят о том, что человек в «тусовке» не процветал: репатрировался в 60-летнем возрасте из Москвы уже состоявшимся поэтом, переводчиком и литературоведом и за три десятилетия жизни в Израиле опубликовал два тонких поэтических сборника. Еще два вышли в нынешнем году, уже после его смерти (тусовка начинает жрать поэта, как мир Америку). После фантастических «Криптограмм с борта разведспутника» (1976) следующую книгу переводов Гринбергу удалось издать только в 90-е годы, и была она совсем тоненькой. И вышла крошечным тиражом.

Нынешний посмертный сборник выдающегося поэта и великолепного переводчика тоже вышел тиражом только в тысячу экземпляров. Если он через несколько месяцев не превратится в библиографическую редкость, – у нас большие проблемы с культурой.

писал по поводу той или иной заповеди: «В сем сокрыта тайна из тайн Торы – для того, кто вошел в Сад Таинства». В то время как Авроом уклонялся от кабалы и говорил в своей книге: «В тайны ее не проникла душа моя», сын, изучив обряды, открывает в них кабалистические мистерии, скрытые от отца, и пишет о них в дополнениях. Чтение кабалистических книг, печатавшихся в Кракове и Люблине, давно приохотило Иешаю к изучению кабалы, от которой далеки были и его отец, и учитель р. Меир Люблинский.

Знарок явного и тайного учения, Иешая оставляет Львов, вступая на путь раввинства. Будущий автор «Шело» занимает место раввина и рош-ешивы в разных городах Волыни. В 1600 году он трудится на избранном поприще в Дубне, а в 1602-м – в Остроге. В бытность свою в Остроге р. Иешая получил приглашение стать раввином в Кракове и Познани, но предпочел оставаться на прежнем месте и пробыл там вплоть до 1606 года, когда ему предложили пост раввина и рош-ешивы во Франкфурте-на-Майне (в то время там была самая большая община Германии). Во Франкфурте его приняли с большими почестями и назначили щедрое по тому времени жалованье (200 гульденов в полугодие), приурочив выплату к осенней и весенней ярмаркам. В договоре франкфуртская община обязалась выхлопотать у властей право подданства для маленького его сына Якова, дочери Нехамы и зятя Файбуша. В случае неудачи обещано было возместить им путевые издержки, неизбежные при возвращении в Острог. Кроме того, община взяла на себя обязательство после смерти раввина дать бесплатное жилье его вдове. И еще с него была снята обязанность «судить тяжущихся на сумму менее 20 гульденов, предоставляя это старшинам общины». Р. Иешая, со своей стороны, пообещал, во-первых, «не брать ни малейшего вознаграждения за разбор тяжб, будь то мировое соглашение или даже дело, причиняющее ему много хлопот»; во-вторых, не судить одному, а судить «совместно с членами ешивы и непременно согласуясь с мнением двух старшин»; в-третьих же, «не давать раввинского звания без одобрения членов ешивы».

После изгнания евреев из Франкфурта 27 элула 1614 года р. Иешая поселился в Праге, на родине своих предков. В 1615 году он был назначен там вторым раввином при главном раввине – известном Эфраиме Ленцице. С этого времени в совместных «апробациях» к книгам р. Эфраим подписывался первым, а р. Иешая – вторым. После смерти р. Эфраима (1619) р. Иешая остался единственным раввином в Праге. Он, однако, прожил там недолго. В 1620 году умерла жена, бывшая ему опорой во всех делах, и он решил оставить диаспору и отправиться в Палестину. Подобно всем кабалистам, Иешая смотрел на Палестину как на «центр земли». «Палестина, – писал он, – есть земля святости, подобной святости рая, и даже ныне, при ее запустении, она свята и Б-гом избрана; земли же других народов нечисты, и нет возможности, чтобы молитвы евреев, там живущих, поднялись ввысь, не направляясь предварительно по святому пути в Иерусалим и оттуда – в Святая Святых, во врата небесны». Кроме того, Иешая рассчитывал искупить там «проступок молодости»: некогда он брал деньги за разбор судебных дел и отказался от этого лишь в поздние свои годы.

С переездом в Палестину закончился первый, богатый свершениями период в жизни р. Иешаи. В качестве раввина-судьи и рош-ешивы он всегда и повсюду был усердным работником. Он распространил знание Торы среди «сотен и тысяч учеников по всем странам рассеяния». Он не довольствовался одним преподаванием и на свой счет «содержал учащихся Тору, и никогда за его стол не садилось меньше восьмидесяти человек, и им подавались всевозможные вкусные блюда вроде откормленных индюков, как в будни, так и по субботам и праздникам». «Избранным» он открывал «часть сокровенного в Торе, кое-что из тайн ее глубоких». Был р. Иешая к тому же энергичным проповедником-обличителем и многих «отвратил от грехов». Практическая деятельность его была так обширна, что почти не оставляла времени для литературной работы. Только с переездом в Палестину начинается для него систематический литературный труд... Правда, там, на покое, он занялся также изучением рукописей арианской кабалы, «никем не виденных раньше». Но еще до переселения в Палестину р. Иешая начал писать большую книгу под названием «Шней лухойс а-брис» («Две скрижали завета»), «Шело», считая ее «завещанием для своей семьи», однако не успел закончить работу на родине, потому что спешил «осуществить заветную мечту – озарить “страну жизни” светом своего учения». Так что и эта книга до известной степени создана в Палестине: там расширилась ее тематика, там утверждена окончательная ее редакция.

Итак, в 1621 году р. Иешая, несмотря на все просьбы и мольбы его сына р. Шефтла, покинул Прагу и отправился в далекий путь. Он ехал через Германию и в последний раз посетил Франкфурт. Еврейская община обрадовалась своему прежнему раввину и оказала ему многочисленные почести. Из Германии он отправился в Италию и, пробыв там некоторое время, сел на корабль, отправлявшийся в Палестину. Перед праздником кущей он прибыл в Алеппо (Сирия), «город-мать во Израиле», и провел в нем около двух недель; оттуда поехал в Дамаск, где тоже имела большая еврейская община. По всем городам Палестины распространился слух, что р. Иешая едет на Святую землю с намерением остаться навсегда, и уже в Дамаске пришли к нему послы от имени цфатской общины с просьбой поселиться в Цфате и стать тамошним раввином. Одновременно они предложили ему весьма значительное жалованье. В тот же день к нему прибыл чрезвычайный посол из Иерусалима с посланием, где жители города молили р.

Иешаю быть у них раввином и рош-ешивой и тоже предлагали большое жалование. Р. Иешая предпочел Иерусалим, «самое святое место Святой земли», и отказался от денег. Прибыв из Дамаска в Цфат, он припал к земле и «целовал камни и песок»; увидев развалины, оставшиеся от времен разрушения, плакал и сетовал: «Увы, увy! Г-споди, доколе не сжалишься над городами иудеев?» Будучи в Цфате, гость посетил все «святыя могилы» и с особым благоговением поклонился могиле р. Шимона бар-Йохая, на которой старцы читали «Зогар».

В конце 1621 году р. Иешая прибыл в Иерусалим. И тотчас проникся глубоким возвышенным чувством. «Каждый, кто едет в Святую землю, едет с целью освятить себя», напишет он впоследствии. В стране практической кабалы он всецело погружается в мистику: ревностно изучает рукописи Мойше Кордоверо, Ицхака Лурии и других религиозных мыслителей. Тут наконец созревает главный труд его жизни, начатый еще в Европе. Через два года по прибытии в Иерусалим он заканчивает «Шело».

В предисловии к первому ее изданию сын р. Иешай, р. Шефтл, пишет: «Сие сочинение состоит из трех частей. Первая часть называется “Нер мицва” (“Светоч завета”) и отдана юридическому толкованию заветов и различным притчам; заглавие второй части – “Тойра ойр” (“Учение – свет”); она посвящена таинствам, заключенным в заповедях; третья часть – это “Тойхохас Мусар” (“Нравоучения”). “Две скрижали завета”, разбитые на части, именно таким образом входят в состав другого сочинения – в комментарий ко всей Торе, сочиненный отцом. И комментарий, в свою очередь, состоит также из трех частей; у них те же заглавия; в каждой части с различных сторон освещаются 613 заповедей “писанного учения”. Особая книга посвящена “устной Торе” – разбору талмудических систем и методов. Цель всего труда – “объединить обе Торы – письменную и устную в одну, в единую Тору”».

По примеру отца и брата р. Иешая писал свой огромный труд в форме завещания сыну. «Но так как ученики тоже называются сыновьями, – оговаривается он, – а мне Б-жьей милостью дано было воспитать многих учеников, то я вам (то есть сыновьям) завещаю: ежели кто-нибудь из учеников захочет списать для себя сии листы, не препятствуйте ему». Книга р. Иешай сделалась энциклопедией заповедей аскетической морали и мистического религиозного учения. Она стала одной из популярнейших книг в раввинской литературе. До сих пор она зовется «Святой Шело». Сам автор прослыл в народе святым. Большинство забыло его настоящее имя и называет по книге – просто «Шело».

Ко второму изданию «Шело» (1698) раввин ашкеназийской общины в Амстердаме пишет: «Эта книга любима всеми и доступна всякому; все охотно прислушиваются к наставлениям автора и жадно поглощают его слова». Берлинским же раввином сказано: «Многие из благочестивых, бедный и богатый, стремятся приобрести эту книгу... “Шело” напечатана до сих пор во многих изданиях».

Другая книга Горовица, «Шаар а-Шомаим», комментарий к молитвеннику, родилась уже целиком в Иерусалиме. Автор задумал ее в день приезда в Иерусалим – город, являющий собою «врата небес», через которые возносятся молитвы не только местных жителей, но и евреев всех стран. Отсюда и название книги – «Врата небес». Р. Иешая завещал своим детям напечатать этот комментарий вместе с молитвенником сефардийской версии, «тщательно сохраняя точность слов, букв и пунктуации».

Спокойная, созерцательная жизнь р. Иешай в Палестине длилась недолго. 11 элула 1625 года он и еще 15 раввинов были схвачены турецкими властями и без всякой вины брошены в тюрьму. Паше было известно, что народному любимцу, святому мужу долго сидеть в тюрьме не дадут и что за него можно получить большой выкуп. Р. Иешая пробыл в тюрьме три недели до Рош а-Шона. Потом, освободившись, бежал из Иерусалима в Цфат. В 1629 года он умер и был похоронен в Тверии. Умирая, повелел, чтобы тотчас по его кончине в синагогах и бейс а-мидрашах Тверии и Цфата объявили только одно: «Господа, знайте, сегодня умер раввин Иешая Горовиц». И просил не устраивать панихид, а в течение 7 дней траура и в годовщину его смерти в Тверии и Цфате читать молитвы о прощении, сочиненные им самим.

Еще ныне на кладбище, что неподалеку от города, показывают его могилу и большой памятник на ней. Могила р. Иешай расположена вблизи могил р. Йоханана и Маймонида.

2

На чем же строил свое учение Иешая Горовиц – по крайней мере, в главных своих произведениях?

Кабала – основа его мышления; преимущественно ей он обязан своим мировоззрением. «Познай Б-га, – говорит он, – проникни в суть его единства, познай его Имена и тайны эманации, глубины кабалистического учения, просвещающего неразумных. Кто не узрел света мудрости последнего, тому свет никогда не сиял. Только с помощью кабалы постигают тайну единства Б-жия и Провидения и сущность атрибутов, упомянутых в Торе и скрытых от философов. Блажен глаз, видящий это! Всякий удаляющийся от нее (кабалы) удаляется от вечной жизни, проникнутой идеями и озарениями». К философии Горовиц относится резко отрицательно и советует не заниматься ею. Он ополчается на ученых «из нашего народа, увлекающихся греческой мудростью и превращающих суждения Торы и ее смысл в горькую полынь». По этой причине он восстает и против Ибн-Эзры, Маймонида и Ралбага. Если он и выражает на миг удовлетворение словами Маймонида, пишущего: «Религиозные сказания и мишраши содержат чудесные символы», – то все равно немедленно оговаривается: «Однако есть высшее над высоким: сокровенные тайны возвышаются над толкованиями Маймонида в области сказаний и гомилией – тайны кабалистической мудрости».

Автор «Шело» все рассматривает под углом зрения кабалы. Даже 13-членный символ веры философа Маймонида он комментирует «по истине кабалистических тайн».

Как истый кабалист он ставит «тайное» в Торе выше явного в ней: «Тора – свята с явной стороны и святая святых со стороны сокровенной». Ибо сокровенное в Торе, ее тайный смысл, представляет ее душу.

На первый план автор выдвигает «Зогар», который велит изучать «с большим рвением, с благоговением и экстазом». Затем рекомендуются книги кабалистов, последователей «Зогара». Р. Иешая не был оригинален в своих кабалистических взглядах; он не вводит в их систему ничего нового, он основывается на своих предшественниках, которых цитирует и излагает, «немного добавляя своего». «Я хочу только, – говорит он, – открыть частицу того, что позаимствовал из произведений, написанных после “Зогара”, в особенности – у великих мужей позднейших поколений: из книг святого и Б-жественного р. Моше Габаи, Б-жественного р. Моше Кордоверо и величайшего среди Б-жественных мужей святого Ицхака Лурии (Ари), блаженна его память».

Взгляды р. Моше Кордоверо и взгляды Ари, сефардийская и ашкеназийская кабала (теоретическая и практическая), – оба эти течения отражены в его трудах. Он один из первых сделал попытку их синтеза. Говоря об отвлеченных, умозрительных предметах – о Б-ге, творении и т. п., – он пользуется сефардийской кабалой, прежде всего – книгами Кордоверо, из которых цитирует целые главы. Когда же он занимается практическими вопросами веры, он пользуется преимущественно ашкеназийской кабалой лурьянского или арианского направления.

Сознавая, что цель человека – служение Б-гу и что «человек выбором своих дел касается выси небес», автор «Шело» отдает предпочтение арианской практической кабале перед теоретической, которая служит только подсобным средством для первой. «Лишь мудрый муж исчерпал (глубину мудрости) – Б-жественный кабалист, великий рабби Ари, который открыл глаза разумным на внутреннее учение, на тайны Б-га, на суть заповедей, на скрытый смысл молитв и особенно наивысшей молитвы – “Шма”». Слова Ари р. Иешая считает «глубокими и таинственными» и боится поэтому «открыть его секреты», чтобы не сбить непосвященных с пути. По временам он ради мнения Ари отвергает даже мнение Кордоверо, которое кладет в основу своих теоретических построений. «Хотя, – пишет он, – великий рабби Моше Кордоверо хочет доказать иное в своей книге, слова Ари все же истинны и авторитетны». «Вся казуистика Б-жественного р. Моше Кордоверо соответствует его системе – всему тому, что нам известно... Как это раскрыл перед нами б-жественный Ари, тут нет ничего неясного».

3

Абсолютно единство Б-га и Творения; эта основная идея сефардийской кабалы Кордоверо противоположна идее самосокращения Б-жества, ставшей краеугольным камнем ашкеназийской, арианской кабалы. И в теории Иешая Горовиц становится на сторону Кордоверо. «Б-г, – говорит он, – есть абсолютная сущность, совершенно незримая, от которой (происходит) все. Он всепричина, и никакое имя не присуще ему, кроме имен, изрекающих его незримость, таких как “Бесконечный” или “Искомая действительность”. Он – изначальный, первичный, и нет начала его началу. Нет ему конца, как нет ему начала и границ. Он – владыка владык. Он стоит над владыками мира – воинством небесным, в которое вселил силу и мощь, чтобы царить в мире. Лишь Он один в совершенном единстве... Он – душа в эманациях, и эманации составляют, если дозволено так выразиться для уяснения, как бы его тело, духовное тело в совершенной идеальности. Он – душа всего развивающегося... Он – душа душ. Десять

«сефир» составляют в абсолюте одно единство, и число их вытекает только из хода развития, из связи причин и следствий; в сущности же все – одно единство: всякое содержит другое и содержимо им. Даже наивысшая сефира – «Венец» – не представляет собою Б-жества, отдельного от Всепричины, связанной с своими эманациями, как огонь с пылающим углем. Все одно, едино и единственно».

Корень и источник всего – это четыре буквы Б-жьего имени. Это имя, изрекающее незримость Б-га, есть его сущность, которую мы можем постичь только по ее действиям. Только это имя, – прибавляет р. Иешая, – а не какое-нибудь другое, есть собственное имя Б-га. Ибо из всех имен Б-жества можно кое-как произвести глагол, кроме четырехбуквенного имени, которое совершенно не поддается переходу в глагольную форму. Есть, например, имена, имеющие значение силы и могущества; одно имя обозначает владычество над воинством небесным; другое – господство над миром; третье – бытие в будущем. Четырехбуквенное имя очень страшно; какое объяснение дать ему? Нет ему объяснения в языке. Кроме того, все упомянутые имена употребляются в обычных жизненных ситуациях, кроме четырехбуквенного имени. Какие-то мы находим в Библии в будничном значении: например, другой Б-г, горы могучие, смотри, я сделал тебя – Моисея – элогимом для Фараона, не проклинай властелина и т. п. Не то с четырехбуквенным именем, которое найти в будничном значении невозможно. Наконец, все имена произносятся буквально, кроме этого святого имени, которое произносилось буквально только в Иерусалимском храме во время благословения первосвященника в Судный день.

Б-г не зависит ни от чего вне Его. «Он царь по существу своему и был таковым еще до сотворения мира, когда кроме Него и имени Его ничего не существовало. В то время как царь из плоти и крови немислим без народа, Б-г в народе не нуждается, ибо Ему достаточно Его бытие. Однако Он может по желанию создать народ». Представляя собою высшее Добро, Б-г пожелал сделать добро другим, вне Его, – и сотворил мир. Так «была узнана Его б-жественность». Мир был создан Им абсолютно из ничего. «Неверно мнение философов, которые, если и признают сотворение мира, то полагают существующей первичную материю, из которой он создан; нет, вначале было абсолютное ничто, и Б-г своей великой силой из беспредельного произвел предельное, то есть создал мир из ничего, и – если дозволено так выразиться – сократил себя для создания границы». Это сокращение не количественное, как учил Ари, имея в виду, что Бесконечный будто бы сжал себя, чтобы дать место материальному миру. Такая мысль, рождающая сомнения в абсолютном единстве Б-га, чужда духу автора «Шело», как она чужда сефардийской кабале вообще. Автор в своих воззрениях на Б-га и творение убежден, что «мир полон духа Бжия». «Б-г – в них (во всех творениях), беспредельно их охватывая». Самосокращение, таким образом, не количественное, а качественное. «Откровение Его духа во всех существах есть сокращение в достоинстве созданий».

«Б-г – корень и источник всего», и все связано с ним. «Он соединяет и скрепляет низ и верх, и есть вверху лишь имеющееся внизу, и все это связано вместе и составляет одно и то же... Одно тождественно с другим, только одно идеально в своей совершенной тонкости, а другое менее тонко и, сгущаясь, все больше приближается к материальному миру». Ошибочно думать, что «сокровенное есть не что иное, как явное. Они тождественны; сокровенное сгустилось и воплотилось – это и есть Его откровение». Все эти миры: идеальные – сокровенные и идеальные – явные, то есть те, где духовность сгустилась и воплотилась, – все они «связаны друг с другом» и «озарены Его светом». Все происходит от Б-га. Он – животворящая сила и душа всего. Он содержит всё, и всё содержится в нем.

Таким образом, «нет ничего в мире, кроме Его б-жественности». «Все в мире, имеющее какую-нибудь жизнь, силу и движение, даже немой камень – все от Него. Сказано же: “И ты одушевляешь все”. Тот, кто в это не верит и разделяет их (Б-га и творение), приписывая какой-либо вещи особую силу, провозглашает два Б-жества».

Исходя из этого суждения, р. Иешая приступает к известной проблеме о свободе воли: «Если есть свобода воли, независимо от Б-жьего знания, то выходит, что есть, упаси Б-же, разделение господства; если же есть предопределяющее знание и оно – Его веление, то выходит, что нет свободы воли». Автор разрешает проблему следующим образом: «Знание есть воля и воля есть знание, ибо суть воли – стремление сделать. А воля – корень всей эманации, и ничто не происходит без нее; все, что Б-г хочет, Он делает. Знание же состоит в знании сущности Его воли, и Он знает все о сущности Своей воли. А воля состоит из контрастов, и всякое в ней имеет свою противоположность: эманации святости противостоят эманация скверны. Точно так же, как имеется градация справа, со стороны святости, так она имеется и слева, в мире нечистого, как имеются в обезьяне черты человека. В мире нечистого тоже есть 10 сефир»...

Свобода воли «дана человеку, чтобы возбудить какую угодно силу. Б-г сделал человека праведным; благодаря грехопадению человек познал добро и зло, что и повлекло за собой воздаяние». По

поводу принципа воздаяния р. Иешая погружается в весьма туманные рассуждения, которые мы здесь не приводим.

Двумя способами Г-сподь руководит миром. «Естественное управление» устраивает порядок в природе вселенной; «провиденциальное управление» проявляется особенно по отношению к Израильскому народу. Сообразно этим двум способам управления Б-г называется двумя именами: «Элоким» соответствует естественному управлению, четырех-буквенное же имя – специальному провидению. Эти два способа управления, естественный и провиденциальный, казалось бы, взаимно исключают друг друга и не могут применяться вместе, ибо провидение нарушает естественные законы; но все же они несомненно составляют внутреннее единство. Ибо «природа в своих сокровенных таинствах приближается к таинству Б-га», и в «цепи святости» слиты оба имени.

Р. Иешая обращается к природе с ее разнообразием и останавливается в восхищении перед великой Г-сподней мудростью, в ней сокрытой. Он советует человеку внимательно вглядываться в окружающий мир, чтобы узреть в нем Б-га. «Созерцай мудрость творения Г-сподня, подними свои глаза и узри, кто создал все эти разветвления сокровенных сил, все ступени почетного трона, серафимов, ангелов, подобные же стихии, минералы, растения и животных. Наблюдай все признаки Б-жьей мудрости, ибо она проявляется в роде человеческом, венце творения, одаренном способностью говорить. Помысли о мире в общем: в нем мера, вес и порядок, ничто не изменяется в нем. Земля находится в центре; в ней золото, все металлы; кругом вода, дальше воздух, а огонь выше всего. Посмотри на великий океан: бушуют его волны, когда поднимается буря, но они не переходят назначенных им пределов. Взгляни на землю: это безжизненная материя. Однако орошенная дождем она производит чудеса из чудес; подумай о тайне злаков, о растениях и плодах, исходящих из ее недр. Подумай и о животном мире: о четвероногих, птицах, пресмыкающихся, рыбах. Различные по виду, строению и характеру, как они борются между собой, добывая себе пропитание! Вспомни о различных науках и искусствах, предназначенных Г-сподом для человека, дабы он жил ими. Задумайся над тем, как образуется человек в утробе матери, как родится на свет, из чего состоит его тело, каковы его душевные силы, свет его разума, что постепенно помрачается по мере движения человека к смерти. Все целесообразно устроено, и все приходит в свое время: жар сменяется холодом и т. п. То, в чем больше нуждаются, находится в большем количестве: воды больше, чем питательных веществ; воздуха больше, чем воды. Ясно, что все создано Г-сподом очень хорошо, хотя человек порою и видит в этом зло».

4

Среди бескрайней и чудесной вселенной, среди неисчислимых миров, видимых и невидимых, телесных и духовных, среди легионов ангелов, служителей Г-сподних, высоко стоит самое совершенное создание Всевышнего – человек.

Р. Иешая Горовиц, как и другие кабалисты, полагает человека венцом творения. В противоположность Маймонида и Ибн Эзре, считавшими человека ниже ангелов в иерархии созданий, он говорит: «Ангелы наречены “неподвижными” (Исайя VI, 2), ибо они неподвижны на своих местах (то есть ступенях) и не подлежат усовершенствованию; человек же называется “подвижным”, ибо двигается от совершенства к совершенству». Человек подобен Б-гу. «В образе и подобию человека познается и обнаруживается существование Г-спода». Человек, созданный по образу Б-жию, – это доказательство, несомненный признак существования Б-га. «Дольний человек есть как бы знак, намекающий на Высшего Человека. Это о нем ведь сказано: “Создадим человека по образу и подобию Нашему”. Сотворение дольного человека, основы земного мира, было, следовательно, способом дать представление о Великом Человеке, о Таинстве отвлеченности, о том, кто восседает на Престоле. Человеческому организму соответствует организм Высшего Человека или “Колесницы”. В этом именно смысле говорится о руках, очах, ушах Г-сподних; последние, однако, вовсе не похожи по веществу, их составляющему, или форме на человеческие руки, ноги и т. п. “Кому же вы уподобите Г-спода?” – не зря вопрошал Исайя (XI, 18). Но все это (то есть все части “Колесницы”) устроено и “приноровлено” к структуре человеческого тела, дабы провозгласить следующее: если человеку дано очистить один из своих органов и усовершенствовать его, исполняя связанные с ним заповеди, сей орган становится подобием “Колесницы” и Престола, подобен той сокровенной части Высшего явления, которая носит соответствующее данному органу название. Иными словами – око подобно оку “Колесницы”, рука подобна руке... Человек совершенный, то есть всецело отдавшийся Творцу, достигший совершенства также в деяниях, учении и очищении собственных органов, делается схожим по строению с Великим Человеком. Каждый орган земного жителя, усовершенствованный путем исполнения вмененных ему в обязанность заповедей, в какой-то мере повторяет тот орган, который соответствует ему в небесном Б-ге. Так человек сохраняет близость своего

образа к Высшему Образу и, совершенствуясь посредством идеального исполнения заветов, становится «Колесницей» и Престолом для Высшего Образа».

Кто следует этому, «тот достигает степе

ни пророка, отторгает от себя свой телесный облик и обретает духовный»...

«Первоначальная Воля решила дать возможность человеку, созданному по образу и подобию (Б-жию), наделенному рвением к добрым делам и Б-гослужениям, с надлежащим вдохновением приближать себя к этим Высшим частям, и благодаря этому достигается единство Великого Имени. В этом цель Б-гослужения, ради этого записаны в Торе все приказы и запреты. При исполнении заповедей человек достигает высшей ступени праведности, то есть становится беспредельно совершенным созданием Всевышнего».

Этот идеальный человеческий тип, «присовокупляет свою материю к душе», в результате его материя становится душой. Такой человек есть «настоящий Бжий храм, где восседает Б-г, с которым Он неразлучно связан».

Развивая далее свою идею насчет того, что 613 частей человеческого организма (248 членов и 365 жил) соответствуют такому же количеству частей духовного организма небесного прототипа, Горного Человека, от которого и взята душа, р. Иешая говорит: «Человеческая душа воплотилась в тело – в плоть, кожу, жилы и кости – для того, чтобы распространяться (приобретать объем) и обнаруживать силу своих 248 членов и 365 жил духовных, сокровенных, вблизи 248 членов и 365 жил телесных, видимых. Воплотилась, чтобы проявлять свои потаенные силы в материальном мире, чтобы укреплять их при помощи учения и исполнения 613 заповедей Торы»...

Человек связывает высшее с низшим. «В душе и теле человек заключает высшее и низшее». «Тело – это дальнее святилище, душа – горящая святильня». Три главные духовные силы присущи человеку; каждая из них имеет специальное назначение, но все три находятся во взаимодействии на протяжении человеческой жизни. Эти силы – Нефеш, Руах и Нешомо. Нефеш, находясь в печени, тождественна животной, природной стихии (инстинкту). Она способна питать организм, она и создана ради передачи питания всем частям тела, ради распределения пищи в нужных долях, ради способности человека расти, продолжать род свой. Ею обусловлены слух, зрение, вкус, обоняние и осязание. Руах (дух) имеет центром сердце. Это – воля, руководящая возможностями и склонностями человека. Слово царь, управляющий сонмом слуг и подданных, животворный Руах распоряжается всем, что так или иначе проникает в человеческое сердце, живет в нем, радуется и мучит. Нешомо (душа) заключена в мозгу. Нешомо – разумная мысль, царствующая над всеми силами и способностями смертных. Ибо раньше, чем начинает действовать воля сердца, действовать в определенном направлении, мысль (из мозга) задает ей цель, обозначает стремление. И лишь после того, как мысль решила что-нибудь предпринять, она растворяется в сердце, наполняя его собой, и с его помощью добивается исполнения предприятия... Все три силы в полном смысле слова нерасторжимы. Нефеш получает «директивы» от Руаха, то есть от воли, воля же действует только так, как указывает мозг. Приведа в соответствие 613 членов тела с 613 заповедями Торы, Нешомо, душа, может усилить свет в «светочах» Высшего Человека и путем эманации излить благоволение Б-жье на все дальние миры.

Таково назначение души, самой главной, изначальной силы человека. «Есть известное сходство между душой, находящейся в теле, и таинством Отвлеченности в Отвлеченном». Подобно тому, как Эн-соф (Бесконечный) есть Душа душ, – так и Нешомо есть душа тела.

Душа является на этот свет обнаженной, ничем не прикрытой. Человек облакает ее покровом своих деяний: если он грешник – покров души грязен; если он праведник – она облечена в покров сияющий, сотканный из исполненных заповедей.

«Душа вечна. Для тела жизнь – акцидентальное явление, а смерть – субстанциальное; для души же, наоборот, смерть – акцидентальное, а жизнь – субстанциальное явление.

5

Если отдельный человек – венец творения, то еврейский народ в целом – избранник человечества и центр мироздания. Идея «избранничества Израиля», ставшая почти догматом у Иеуды

Галеви, проходит красной нитью через все сочинения кабалистов и, в частности, через сочинение р. Иешаи Горовица. «Евреи – ядро плода, остальные народы – его скорлупа». Еврейские души «пребывают во внутренней части (высшего) древа, другие же души – лишь в наружной его части». Даже тот, кто принял еврейство и приобщился к святости, не проникает так далеко в глубины, где святая святых веры. «Израиль – это коренная часть святости»; он несравненно выше ангельской степени. «Души еврейские – главная часть Торы».

Ради Израиля был создан мир: «Цель творения – Израиль, дабы Г-сподний Дух проявлялся там». Г-сподь и Израиль – корреляты: «Он – един, Израиль – единый народ. Единство Б-га соответствует единству народа израильского; они (Израиль) объявили Б-га единым, а Он сделал их единым народом». Рождались и у иных народов редкие люди, что познали Б-га, «но Израиль – это целый народ, который принял Его учение, отделившись от других». С тех пор еврейские души «связаны с Его единством, словно веревка, у которой один конец закреплен снизу, а другой наверху». «Нет различия между Г-сподом и Израилем: Г-сподь восседает в сердце их (евреев)». Они – словно часть Его существа: «все евреи имеют свою частицу (удел) в Б-ге». Евреи наречены Его именем, частица которого содержится в имени «Израиль»; оно указывает на мистерию десяти «Сефирот». Г-сподь возлюбил евреев, избрал их и прозвал «сыновьями» и «братьями». «Он – их царь и отец», он постоянно витает над ними. «Г-сподь привязан к ним», и «Б-жий Дух не расстанется с Израилем и не перестает печься о нем». Шехина зорко следит за судьбой евреев, провожает их в странствованиях и скитаниях: «Шехина в голусе». Шехина страдает вместе с евреями: «Шехина принимает участие в их мучениях». Когда пробьет час искупления Израила, Б-г, если можно так выразиться, обретет искупление вместе с ним.

Р. Иешая останавливается на положении евреев в голусе, но оно не вызывает у него отчаяния. Он утешает народ и объясняет: «От неба не исходит зла для еврейского народа. Евреи – дети Б-га, и если Он разгневался на них, разрушил святилища, разгромил Израиль и рассеял его между народами, то Он это сделал только с целью принести добро. Как отец наказывает сына, так Г-сподь наказывает Израиль ради его блага, дабы он очистился в горниле народов, дабы прекратились в нем грехи и проступки, дабы он вышел чистым, как вино без дрожжей, как золото без примеси, как яркий светоч для будущего. Ибо мучения очищают и приводят к покаянию». Голус – это приготовление к блистательному, светлому будущему и вместе с тем – оплот против мук ада. «Сколько великих преимуществ, – продолжает р. Иешая, – в том, что мы претерпеваем голус в нашей жизни, дабы спасти душу от ада... Свет выйдет из тьмы, из мук голуса, искупающих грехи». Кроме пользы для будущего, для «конца дней», р. Иешая усматривает еще одну выгоду в голусе. Благодаря своему рассеянию среди народов, евреи распространяют учение о Единстве Б-жием в мире. Рассеяние народа послужило добру, ибо сказано в Талмуде (Псохим, 87): «Б-г рассеял евреев среди народов с целью привлечения прозелитов».

Р. Иешая старается укрепить надежду евреев на скорое пришествие Мессии, Освободителя. Он сам весь проникнут этой верой, о чем свидетельствует страстная его тирада: «Мое сердце всегда пылало (гневом), когда я видел, как евреи строят себе дома, похожие на замки знатных людей, прочно обосновываются в сем мире и на нечистой земле. Это свидетельствует о том, что они перестали думать об освобождении!» Только с великим освобождением, с приходом Мессии, начнется истинное усовершенствование; тогда «клипа» станет святостью и все идолы будут изведены, дабы преобразовать мир по типу царства Всемогущего. И возобновится творение – согласно первоначальному замыслу, и соединится тело с духом, и земля, являющаяся материей, преисполнится разума; человек после воскресения мертвых станет вечноживущим в теле и душе». Он достигнет степени, позволяющей вознесение на небо, подобно Еноху и пророку Илии. И Рамбан, и все кабалисты тоже говорят, что и тело очистится и станет «светом», что настанет «вечное, бесконечное воскресение в теле и душе». Р. Иешая, с воодушевлением присоединяясь к этому, уточняет: «Питание праведников будет духовным; они будут питаться блеском Шехины. Органы тела не исчезнут, но только очистятся для принятия иной, духовной пищи». В будущем «откроются тайны, коих не видал ничей глаз, кроме Г-спода, и обнаружится внутренность Торы». Тогда наступит и освобождение для Шехины, заключенной в голус, ибо «с приходом Мессии будет обнародована тайна единства Б-жия... Все станет добром, духом. Г-сподь ниспошлет святыню с выси и воздвигнет храм на земле». С приходом Мессии наступит освобождение всего человечества и особенно израильского народа. Мессия «освободит свой народ Израильский от гнета народов, и возобновится царство Израила. Евреи больше не будут рабами чужих, а возвратятся в свою страну на славу и на счастье – большие, чем когда-либо. Воцарится Мессия, и все народы поклонятся ему, в мире водворится правосудие; град Б-га будет построен и станет святыней, незыблемой и неразрушимой, и будет он (Мессия) властвовать над всеми языками и народами, и станет Имя Б-га единым».

Подобно еврейскому народу, Тора сама – важнейшее, идеальное создание, поставленное в центр духовного и материального творения. Тора – это «проявление Его Б-жественности». Она – отпечаток Б-га, а мир, в свою очередь, – отпечаток Торы. Г-сподь восхотел посредством Торы объединить горнее с дольным и дольнее с горним, дабы обнаружить свое единство. Тора вечна и предназначена для всего еврейского народа. «Венец Торы доступен всем. Нечего человеку считать себя слабым и недостойным изучения и разбора великих и важных вопросов. Вечная Тора дана вечному народу, и только ему». Р. Иешая далее поясняет в связи с этой мыслью: «В некоторых странах существуют люди, которые, несмотря на строгий запрет, преподают Тору неевреям. Горе этим людям, что в Испании, Италии и Турции ради собственной выгоды, ради наживы обучают Торе чужих. Они производят детей для служения иному Б-гу, ибо их чада становятся впоследствии отступниками, в чем мы убедились и понаслышке, и по собственному наблюдению. Эти люди грешат душою и телом, действуя в ущерб Б-жьему предназначению тем, что обучают неевреев. Мне кажется, они грешат чрезмерно, и им не будет дано узреть спасение Сиона».

Речь здесь идет об ученых христианах-гебраистах, которые со времен реформации получали свои знания от евреев в различных странах. Указание р. Иешая на отпадение детей относится, по-видимому, к наиболее ревностному учителю христиан, итальянскому филологу Илие Левите, внуки которого приняли католическую веру и во время католической реакции второй половины XVI века усердно помогали римским папам в деле искоренения еврейства.

Тора – посредница между Б-гом и Израилем. «Благодаря ей человеку является Б-жество. Он постигает его суть именно путем исполнения ее заветов». Существование Торы позволяет создать святое триединство: «Б-г – Тора – Израиль. Есть две Торы: Тора видимая и Тора изначальная, сокровенная. Первая воплотилась заодно с человеком, когда тот воплотился». (Другими словами – стала более материальной по мере того, как и человек стал более материальным.) Если бы человек остался чистым, таким, каким был до первородного греха, «и жил бы, облаченный в светлые покрывала, в раю земном, тогда смысл Торы был бы более духовным». Тора воплотилась в законы и заповеди, которые, однако, в своем корне духовны и сокровенны. «Каждая заповедь имеет свой небесный корень, а каждый из этих корней обладает своим высшим корнем и так до “корня корней”. ...Наши цицис – нити вещественные, но они ведут по лестнице до высшей ступени, где сами цицис – уже нечто высшее, нечто такое, чего ничей глаз не видал. Так же обстоит дело и с другими заповедями». Нельзя делать различия в законе между наружной, видимой его частью (вещественным содержанием) и частью сокровенной. «Ошибочно вульгарное мнение, что видимое и сокровенное идут – каждое – своей дорогой. Видимое не представляет собой чего-то, отличного от сокровенного». Одно связано с другим: «Сокровенное по мере своего развития стало видимым». «Кто знает тайны заповедей, тот несравненно выше непосвященного» – считает р. Иешая. Хотя цель – исполнение заповедей, однако при этом необходимо особое настроение и даже вдохновение. Только деяние, совершенное в порыве вдохновения, отмечено высшим совершенством. Деяние должно включать в себя и речь, и мысль. Речь в данном случае означает, что человек, выполняя завет, обязан говорить: «Я совершаю заповеданное мне Творцом во имя Единства Г-спода и Его Шехины». Мысль – это сопутствующее поступку раздумье о заповеди и ее таинстве.

Заповеди и законы, исходящие от Бга, рождены стремлением привить людям любовь к Б-гу и к ближнему. К человеку. Сказано: люби Г-спода Б-га твоего. Сказано также: люби ближнего, как самого себя. Обе любви слиты в единстве Б-жьем. Десять заповедей кончаются словами: «...и того, что принадлежит ближнему твоему». При серьезном размышлении можно убедиться, что большинство заповедей по сути настаивают именно на любви к ближнему. С этой идеей связаны все законы, регулирующие благотворительность, земельные отношения, налагающие запрет на отдавание денег в рост и т. п. Любовью к человеку обусловлены почти все (поставленные в образец смертным) свойства Г-сподни: жалость, милосердие, терпение. И, конечно, отсюда же требование не осуждать ближнего, не бездействовать при виде чужой беды, не злословить, не клеветать, не вышучивать людей, не быть мстительным, злым, честолюбивым... Таких предписаний и запретов великое множество. Что же касается заповедей, не регулирующих людские взаимоотношения, – как, например, закон о запретной еде, закон о квасном в Пейсах, – то их тем паче должен исполнять человек: ведь если он любит ближнего, как самого себя, то всем сердцем должен еще больше любить Б-га, Владыку мира, оказывающего ему неисчислимые милости. Итак, принцип любви к ближнему есть знамя мира. И он приводит к завету: «Люби Г-спода, Б-га твоего».

Р. Иешая не делает различий между письменной и устной Торой. К Библии и Талмуду он применяет одну кабалистическую мерку. «Талмуд, как и Тора, всецело состоит из Имен Г-спода – в истинном смысле слова. Кто сподобился узреть светочи кабалистических мистерий, поймет, сколько чудесного в изречениях наших мудрецов. Вообще, когда они (мудрецы) судят о дольном, они намекают на горнее». В талмудических легендах и знаменитых рассказах Раббы-бар-бар Хоны он открывает «великие,

поражающие воображение таинства». Не только в Агоде и аллегориях мудрецов он ищет и находит «сокровенные тайны, тайны кабалистической науки», но и в формалистической алохе.

Как ученый-талмудист р. Иешая Горовиц отличался логичностью мышления, глубиной собственной концепции и систематичностью взглядов. Он был противником ложной диалектики, пилпула: «Пилпул ложен, а ложка неустойчива». Он интересовался методологией Талмуда и тщательно собирал все имеющиеся исследования предшественников в этой области. В результате ему удалось накопить большой материал, к которому он присовокупил результаты собственных трудов. Его сочинение является как бы компендием Талмуда, включающим в себя разбор метода создания и норм Мишны и Геморы, изучение метода комментаторов Раши и тосафистов. И все в логической форме, без искусственной диалектики. Нашедши у специалиста по методологии Талмуда Самуила Седильо диалектическое толкование одной талмудической нормы, Иешая пишет: «Его слова – пилпул для изощрения ума, не соответствующий истине; действительный смысл вовсе не таков». Противник Маймонида-философа, он высоко ценит в нем талмудиста и восхищается разумностью и последовательностью его выводов. Он рекомендует всем чтение предисловия Маймонида к первому отделу Мишны: «Маймонид установил связь между отделами и трактатами Мишны и обосновал это. Его предисловие в высшей степени полезно; ученый, помогающий венца устной Торы, должен хорошо затвердить этот текст; он обогатит тем самым свои познания».

7

В предыдущих главах мы подробно изложили теоретические воззрения Иешаи Горовица, которые, главным образом, были заимствованы им из основ сефардийского кабалистического мировидения. Теперь перейдем к практическим идеалам его учения, то есть идеалам, связанным с деятельностью человеческой и отношением человека к Б-гу. Эти идеалы р. Иешая преимущественно черпает из источников лурианской кабалы. Рассматривая, каким образом человек может достигнуть единения с Б-гом, он пишет: «Призвание человека – стать подобным Б-гу и соединиться с Его Именем. Если человек соединяется со Всевышним, подражает Ему и ходит по Его стезям, тогда его настоящее имя происходит от Г-спода (Исайя XIV; 14: “Я уподоблюсь Всевышнему”); в противном случае его имя происходит от почвы под ногами, от земли, из которой был он взят: он – прах, и к праху возвратится».

Какой же путь ведет человека к Б-гу? Посредством каких деяний человек связывает себя с Б-гом и соединяется с Ним и тем исполняет свое основное назначение в жизни? Ответ один: требуется служить Б-жеству, творить добро, следовать заповедям. Знание, понимание задачи сами по себе недостаточны для достижения высшей цели, лишь деяния определяют путь человеческий. «Заповеди, словно нить, соединяют того, кто их исполняет, с Единым Именем». Но высота деяния неразрывно связана с глубиной и правильностью проникновения в его смысл. «Лишь тот способствует Единству Б-жью по мере своих сил, кто производит свои деяния с надлежащим пониманием их сути и значения», ибо таинственная, духовная часть завета по мере углубления человека в нее ведет к его единению с Б-гом.

«Путем исполнения заветов Торы человек пробуждает Высшую Силу и якобы Ее поддерживает». Служба Г-сподня находится на высоте, «если она выполняется с рвением сердца и радостным возбуждением».

Полагая в основу единения с Б-гом любовь к Нему, любовь экстаическую, поглощающую все мысли и чувства человека, р. Иешая переносит эту духовную любовь и в область отношений между полами. Подобно другим мистикам, он не признает существования материальной, пошлой любви. Любовь мужчины к женщине и все сопряженные с этим материальные моменты обретают у него духовную, просветленную форму. Любовь к Бгу и половая любовь не отчуждены друг от друга, но связаны между собой. Любовь и соединение людей, тайна сотворения живых существ и органической природы вообще – все это подобия высшей любви и высшего сочетания. Ибо и «наверху», среди Сефирот, существуют любовь и сочетание. Царство и Великолепие соединяются в мистерии двух великих светил – как соединяются любящие муж и жена. Сие сочетание двух эманаций вызывает высшее сочетание Мудрости с Разумом. Души, частицы Всевышнего, рождаются от сочетания этих сил. Стало быть, Он – настоящий Отец, мы же – настоящие Его чада. Когда одна плоть дает жизнь другой, мы говорим об отце и сыне, хотя оба материально отделены один от другого; по отношению же к Б-гу мы даже более чем сыновья, ибо наши души не только его «чада», но и связаны с Ним. Р. Иешая подробно рассуждает о «тайнстве соединения мужчины и женщины» в таких выражениях, которые могли бы шокировать современного читателя, но которые в устах мистика-аскета выглядят совершенно по-иному. Автор на все лады повторяет

мысль, что половой акт может быть священным, если он совершается в чистоте помыслов, с одною лишь целью – продолжить Б-жье миротворение и приобщить человека к Б-гу. Если же соитие есть результат лишь плотской похоти, то порождаемая им душа будет находиться во власти нечистых, дьявольских сил (Лилит).

Заповедь Торы о служении Б-гу «всем сердцем» обозначает служение Ему обоими инстинктами – хорошим и дурным. Побуждения тела исходят от дурного инстинкта, эмоции души – от хорошего; оба инстинкта составляют единство, подобное единству души и тела. Благодаря подчинению тела душе плоть становится более чистой и тонкой материей, приспособленной к восприятию разумного. Надо служить Г-споду и дурным инстинктом в характерных его проявлениях, умея находить для этого инстинкта особую точку приложения. Скверные побуждения, зависть (ревность), ненависть, алчность, рождают дурной инстинкт, но можно употребить их на службу Г-споду. Есть ведь на свете похвальная, беззлобная зависть ученых, благодаря которой усугубляется мудрость, существует ревность фанатиков веры (таких, как Пинхас). Словом, человек должен направлять свои дурные побуждения на хорошие дела и тем превращать их тоже в хорошие... «Благодаря этому достигается не только укрощение дурного инстинкта, но и превращение его в орудие служения Б-гу, то есть в святость».

***Ēāāā ð Ēāāȳ īðēāūē ā Ēāāūēēēī, īī òīò:āñ īðīēēȳ
āēāīēēī āīçāūōāīīūī ÷ōāñōāīī. «Ēāēāūē,ēōī āāō ā Nāȳōōþ çāī ēþ,
āāō ñōāēūþ īñāȳōēōūñāȳ», - īāīēōāò īī āīīñēāāñōāēē.***

Человек должен освящать себя и всецело посвящать Б-гу. «Да воспламенится сердце человека и да рвется оно к святости и чистоте, к службе Г-сподней во всем объеме, к настоящему единению с Ним, если Он позволит, ибо нет различия между Ним и нами; лишь человеческий глаз устанавливает здесь различие. Сказано в Торе: “Пусть сделают для Меня святилище, и Я буду обитать в них”. Словосочетание “в них”, а не, как следовало бы сказать, “в нем”, – указывает, что каждый человек обязан воздвигнуть внутри себя святиню, должен очистить себя и все свои члены и стать образом храма Г-сподня». Отсюда автор переходит к самой сути аскетизма – боязни греха. В строгих запретах иудаизма он видит ряд разумных ограждений, поставленных для удержания человека от плотского греха и рекомендует каждому благочестивцу устанавливать для себя новые преграды, дабы не нарушать старых. Надобно «бояться и остерегаться всякого согрешения, безразлично, важно ли оно или неважно, касается ли нарушения запрета, или невыполнения заповеди. Пусть человек думает, что мир его находится в совершенном равновесии и что самый незначительный проступок выведет его из этого равновесия. При таком настроении человеку придется пугаться совершения малейшего греха или даже тени согрешения, дабы чаша его дурных дел не одолела чаши заслуг, а, с другой стороны, он станет всячески и постоянно прилагать усердные старания к выполнению заветов, к творению добра и милостыни, дабы чаша его заслуг наполнялась. Даже если человек знает за собою многие заслуги, он, тем не менее, может считать, что они равны его провинностям, и опасаться, что чаша грехов перевесит»... «Пусть человек всегда пребывает в состоянии страха, ужаса, трепета и испуга, пусть исполнится стыда и смирения; пусть ходит с опущенной головой, ибо наши мудрецы сказали: кто шествует, выпрямившись во весь рост, как бы стесняет поступь Шехины. Пусть человек ходит с потупленным взором, не играет и не смеется. Пусть человек в дни юности думает о старости, во время своего величия – об унижении, в час радости – о печали, в радостный день свадьбы – о смерти, в обладании богатством – о потере его и в момент счастья – о бедствиях». «Не надобно человеку есть и пить то, что приятно, но излишне для тела, а надо есть и пить лишь то, что полезно, и только в той мере, которая ему необходима для существования; и не должен он наедаться досыта, как скот... Человеческая еда пусть будет мистерией жертвоприношения и освящается». «Нужно принимать пищу лишь для того, чтобы душа могла оставаться в теле для служения Г-споду».

***Āñēē īòāāēūūūē ÷āēīāāē - āāīāō òāīðāīēȳ, òī āāðāēñēēē īāðīā
ā ōāēīī - ēçāðāīēē ÷āēīāā:āñōāā ē ōāīòð īēðīçāāīēȳ. Ēāȳ
«ēçāðāīēē:āñōāā Ēçðāēēȳ» īðīðīāēò ēðāñīē īēòūþ ÷āðāç āñā
ññ:ēīāīēȳ***

В библейском изречении: «Веселись в свои праздники» и талмудическом истолковании его: «Нет веселья без мясной пищи и вина» – отсутствует даже намек на переполнение чрева и услаждение гортани; речь лишь о том, что человек должен есть и пить, дабы приспособить себя к учению. «Ибо укрепление телесных сил ведет к укреплению сил духовных». «Однако часть толпы в праздники старается жирно питаться, ест в свое удовольствие, пьянствует. Цель таких пиршеств есть именно пьянство и телесное наслаждение – без обращения малейшего внимания на душу. Напиваясь, люди ликууют, запевают

неприличные песни и предаются забавам и разгулу, как это делают неевреи в праздники». «В праздник Пурим предписано веселиться благоговейно, а не с целью разгула и забавы. Даже напивающиеся в Пурим должны это делать в память чуда, связанного с возлияниями (у Эсфири), но отнюдь не для наполнения глотки, как делают теперь в Пурим многие люди, пьянствующие сверх всякой меры и предающиеся развлечениям с большим легкомыслием. Это – великий грех, потому что нам разрешено лишь веселье, но отнюдь не пустопорожный смех и легкомыслие».

«Пусть человек крепится, как лев, пусть приучает себя к посту и лишениям и с радостным сердцем подвергает себя им, дабы освящать себя же»; ибо «пост, отнимающий у человека сок и кровь, есть мистерия жертвоприношения». «Мой совет, заключает р. Иешая, чтобы человеческая жизнь была одним сплошным постом (воздержанием)».

Мы видим, что р. Иешая стремится к «освящению плоти», то есть освящению всех, даже физических, проявлений человеческой жизни. Благодаря «освящению» плоть человеческая «просветляется» и приближается к духу. Мы видели также, с чем связано достижение этого идеала у нашего кабалиста: с чистотой и вдохновенностью деяний, постом, лишениями, молитвой, с воздержанием от грехов и даже тени их, с постоянными размышлениями о Б-ге. Р. Иешая прекрасно понимает, что этот идеал, в сущности, не может быть достигнут в обычной человеческой жизни, при обычной обстановке, и потому последовательно приходит к идее отшельничества. «Уединение, – с его точки зрения, – приносит духу гораздо больше пользы, чем даже такая вещь, как учение». Он говорит далее: «Ступень уединения (отшельничества) весьма высока; достигши ее, человек удостоивается познания миров». В чем же состоит отшельничество? «Пусть человек уединяется в четырех локтях алохи (в научной работе), не покидает своего священного убежища, живет в покое и не смешивается с другими людьми! В таком случае он будет спасен от грехов перед ближними, а также останется святым в речах, мыслях и делах, избегнет страстей и приобщит себя к познанию». Но всех этих способов освящения и очищения тоже, увы, недостаточно. Р. Иешая убежден: грешный человек не может не согрешить. В качестве меры исправления он предлагает следующее: каждый день перед сном «уединиться, сесть на землю и взглядеться в себя; если в таком состоянии человек откроет в себе грех, пусть поступит с ним, как поступают с квасным хлебом накануне Пейсаха: уберет и сожжет, а главное – уничтожит его в сердце своем путем глубоко душевного раскаяния. И Г-сподь не оттолкнет сокрушенного и подавленного виной грешника».

Покаяние – этот идеал еврейских моралистов и мистиков, в особенности лурианцев, – занимает, конечно, у р. Иешаи видное место. «Надобно ежедневно думать о деяниях своих и каяться». «Кто ищет вечной жизни, пусть каждый день приносит полное покаяние».

Покаяние состоит в том, что «грешник исправляет тот самый грех, который совершил. Если он согрешил злословием или ложью, пусть говорит правду, пусть произносит слова благоразумные и милостивые; если согрешил помыслами, пусть за это глубоко вдумывается в текст Торы. Если грех его – надменность, значит, надо стать смиренным и потуплять взор. Пусть старается при помощи тех самых органов, которыми грешил, выполнять заповеди, им соответствующие».

Ошибаются те, «которые полагают, что грешник может себя исправить постом и молитвой, ранним вставанием, милостыней, мольбой о прощении и искуплении. Конечно, это тоже хорошие поступки, но все же эти меры “далеки от того града, где находится Г-сподь” (Иезек., XLVIII, 35). Истинное покаяние состоит в оставлении дурного пути и возвращении на путь добра, в самоличном исправлении содеянного и подавлении именно того скверного инстинкта, который привел к греху». Сокрушение сердечное есть верный путь к очищению. «Блажен тот, кто надевает власяницу, сидит на пепле, оплакивает свои грехи, сознаваясь в них с плачем, со склоненной головой и с земными поклонами, – покуда его позвонки не затрецаг. Этим исполняется то, что обозначено буквально словами “покаяние”, “пост”, “власяница”, “пепел”, “плач”, “оплакивание”». Р. Иешая сам сочинил текст исповеди в грехах, которую кающийся должен произносить «с опущенной долу головой, со слезами на глазах, с разутыми ногами» и т. п.

8

Главнейшей форме служения Б-гу – молитве – р. Иешая Горовиц уделяет особое внимание. «Так как Б-гослужение в (Иерусалимском) храме – по грехам нашим – прекратилось, то его место теперь заступает служба сердца. Действием молитв, обладающих чудесными свойствами, можно вызывать “Колесницу” и привлекать Б-жью благодать ко всем существам». Молитва должна выдерживать яростную борьбу с нечистой силой – «шелухами» и «сатанами», наполняющими все мировое пространство. Для того чтобы молитва поднялась на небо, она должна прорезать эту тьму нечисти. Высокой цели служат

предшествующие молитвам отрывки из Святого Писания. Молитва двулика: с одной стороны, слезы, плач, с другой – гимны радости. Молиться надо «умоляющим тоном, словно нищий в дверях», медленно, с благоговением, страхом и трепетом. Во время молитвы следует забыть все окружающее, «дабы душа устремилась вверх, а тело осталось в положении овечки, которую ведут на заклание». «Праведники и мужи, славные образцовыми деяниями, молились уединенно и проникались собственными молитвами в такой мере, что как бы отделялись от своей плоти, а их дух усиливался, приближаясь к степени пророчества».

Проникновенная молитва «состоит из тела и души. Телесность молитвы – это ее словесное содержание, составленное в благоговейном трепете нашими древними мудрецами. Душа молитвы – в таинстве скрытых в ней Имен Г-сподних. Сии имена суть Сефиры, в которых проявляется Единый Владыка миров, они же заключаются в мистерии Его Единства». Человек «в проникновенной молитве должен задаваться целью привлечь духовность высших ступеней к своим звукам. Ибо воздух, выходящий из уст молящихся, не теряется даром, а производит нечто духовное; к этому духовному существу надобно привлечь небесную силу, дабы молитва разрослась и ее звуки достигли тех ступеней, которые им доступны. Итак, цель проникновенности – привлечение силы, благодаря которой звуки (буквы – знаки) восходят наверх, в необъятную высь мира и ускоряют решение просьбы человека». Молящийся должен знать «Имена, вытекающие из стихов, то есть из библейских глав, читаемых в литургии, а также намеки на Имена, содержащиеся в (позднее установленных) молитвах, которые заключаются в начальных или последних буквах слов или в количестве слов и букв. Сим Именам нет числа: их больше, чем капель в море». «Все комбинации чисел и имен имеют свое существование в небесах в Его Единстве, откуда истекают все реки благодати. Благо людям знающим и понимающим! Несведущие в деталях той или иной комбинации, в правилах той или иной прибавки к Имени пусть удовольствуются знанием самих Имен, вытекающих из того или другого стиха». Надобно «в каждой молитве соображать, какая Б-жья сила руководит в данное время, и в связи с характером этой силы проникаться смыслом молитвы». Молитва совершенная соответствует храмовому жертвоприношению. При отсутствии совершенства молитва негодна, как негодное жертвоприношение.

Среди праздников еврейского народа главная роль принадлежит субботе, которая по своей святости превосходит все другие празднества. «Суббота – корень всех родов святости, святыня Г-сподня». «Будни заключают в себе частицы субботы»; этим они питаются. «Суббота – как бы центральная точка, из которой исходят и к которой возвращаются шесть будних дней. Шесть будних дней напоминают шесть тысяч лет существования мира. Седьмой день есть грядущий мир, представляющий сплошную радостную субботу».

ПУРИМШПИЛЬ С ПРИМЕЧАНИЕМ

Аדיא עזרא

Уже второй год ведем мы рубрику, и не пора ли напомнить читателю: «бекицер» – что, собственно, означает?

Сделаем это посредством Соломона Ильича Гройсмана.

Он горный инженер, кавалер трех степеней почетного знака «Шахтерская слава», автор трех учебников, завсегдатай Литературного клуба ЭТ в Марьиной роще – и вот, рассказывает.

По случаю девятого мая собрались участники войны в Еврейском общинном центре, и кто-то вознамерился поведать историю...

О ком?

Ну очень известный человек! Генерал! Дважды Герой! Все его знают... А фамилия, как назло, выскочила.

Доброхоты кругом подсказывают: тот, этот, пятый, десятый... Ветеран только лоб наморщил да затылок почесывает...

– Эй, – его тормозат, – бекицер!

– Нет, нет! – головкой мотает. – Другая фамилия...

И что ж удивляться, коли сам Ильф занес в позднюю записную книжку (за несколько месяцев до смерти): «Бекицер – короче говоря».

Грузинский еврей Ж фильм сделал. Про Сталина.

Тот посмотрел. Понравилось. Пригласил к себе.

Хочу, говорит, содействовать вашему творческому росту. Творчество, говорит, не сапоги тачать. Может, какие-нибудь претензии относительно сослуживцев? Или в смысле заграничной аппаратуры?.. Накажем-закажем, говорит.

– Дорогой Иосиф Виссарионович! – Ж с достоинством отвечает. – Мы, деятели кино, каждый день ощущаем на себе вашу заботу и внимание. Позвольте заверить вас, что идеологические бойцы оправдают высокое звание. – И руку к самому сердцу прижал.

Тот посмотрел внимательно, чуть поморщился: не любил, когда по отчеству кличут; только близким друзьям позволялось. А для прочих – Сталин... товарищ Сталин...

– Ну что ж, – говорит, – пожелаю вам высоко нести знамя советского искусства – национального по форме, социалистического по содержанию. Так, что ли, Васо, – запнулся, – Караманович?

– Товарищ Сталин! – задохнулся Ж. И руки от сердца не отпускает... И уж ни разу впредь в обращении не ошибся.

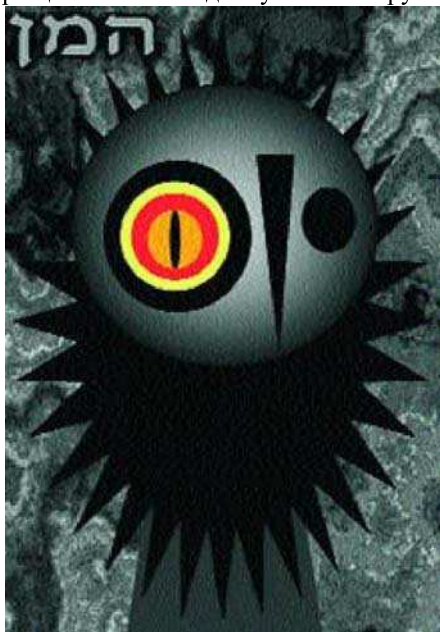
И
Большой
догадался...

А
Потылихе, как
что кирпич на
дурак вон... уже

А с
боишься.
Васо (шлен),

–
Караманович
личной

–

Сталин к нему подобрел. Про себя улыбнулся. художник, думает. С полуслова усек,

вы сами сообразите: легко ли где-нибудь на Васо Караманович, существовать?.. Лежишь, дороге. Ловкий перескочит, умный обойдет, а растянулся.

ним-то как раз и дело имеешь. Ловкого Умного опасаться. А этот – от всей души: Васо (шмяк), Васо (плюх) Прикарманович!

Товарищ Сталин! – от дверей Васо прошептал. – Позвольте обратиться к вам с просьбой.

Слушаю вас, товарищ Ж.

Разве их папы-мамы гадали когда-нибудь, куда деточек занесет! Да если бы кто подсказал, они бы – родители, говорю, – с дорогою душой каждому по Ивану Ивановичу приляпали. Чтобы сыночек не мучился. И не сидел бы в Кремле, как в чужом доме.

– Очень прошу вас, товарищ Сталин, – с достоинством поклонился Ж, – подарите мне вашу книгу.

И товарищ Сталин просьбу уважил. И расписался.

А на другой день тот росчерк в Моссовете читали. Моему другу Ж, – это в отделе, где жилищные условия улучшают. А где дачами ведают, там по-другому запомнили: *Васо от Сосо*. А где машины в личное пользование выделяют, в той комнате народ тертый, им двух слов довольно: *И. Сталин*.

Đàí ùóá íí ìíèþ òíáèèè
È ó íááá àíæáúí ì òííèèè.
À òáí áðíí í áóéó çí ááí ,
Çàì èþ ñàì è í òíí óááì :
Èç ñàíáé èðèáíé èèóèè
Í íèèááúí èáì áóèè.
Í í çáí ýý ñí ííèè:

1. Пуришпиль – забавная сценка на Пурим. Ужас с веселым концом.

2. Сталин скончался 5 марта 1953 года, аккурат в Пурим.

3. Ж Васо Караманович – режиссер и драматург. Народный артист республики. Лауреат Государственной премии. Депутат Верховного Совета. Окончил школу живописи и ваяния. Тяготел к мелодраме. В «царстве Омана» (в годы «культы личности») поставил несколько фильмов о Сталине. В тот же период потерял отца, двух братьев, племянника, многих родственников жены...

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

Í Í ÝÌ À Í Á ÓÌ Á Í ÈÈ Í ÈÀÁÀÒÒÛ

Áëááà ì áðááÿ

Í áí ý ó:èèè í èáááòòÛ ñéááòþèè ì áðáçì :

1

Капитан-лейтенант Шефтелевич (теперь-то известно: Sabthai – «рожденный в субботу»), каплей Шефтелевич, тогдашний жених моей тетки, взял надувную понтонную лодку и выгреб на середину реки.

Я сидел на резиновом круглом боку, удивляясь его жесткости. Мне чудилось – воздух должен быть мягким. Отсюда, естественно, вытекает: я ничего не знал о давлении.

– Встать! – приказал каплей.

И я встал, болтая руками, что не давали мне распрямиться.

– Смирно! – сказал каплей.

Мои ненадежные плечи, что не управляли руками, расправиться не могли. И шея – продолжение позвоночника – не подпирала голову. Я стоял, точно лошадь, чья морда уткнулась в торбу с овсом. Моя голова упала в реку, и страх хрустел мною, как лошадь – своею кормежкой..

– На старт! – приказал каплей.

Что означало: я должен взобраться на круглый и жесткий бок, где прежде сидел. Теперь надлежало стоять.

Взобрался...

Каплей бросил весла.

Солнце расчертило реку, как страницу в тетради, пунктиром, и каждая черточка – зеркало, чтоб солнцу смотреться... Десантная черная лодка качалась и мокла в воде, будто ржаная баранка.

Резиновый бок, придавленный моими ступнями, толкал меня кверху. Каплей, как жених, сидел в полной парадной форме: сапоги, китель, фуражка, кортик. Под солнцем, на широкой груди, плавильсь-расплавлялись боевые награды, заслуженные в боях и походах.

– Марш! – приказал каплей.

И я подумал, как будто не был десятилетним мальчиком: почему (я подумал) именно мне тут стоять, источая пятками липкий страх, дабы приклеиться к лодке желательно намертво?

А каплей Шефтелевич, мой будущий дядюшка, сидел женихом в полной парадной форме – не в длинных зеленых трусах, как прежние четырнадцать раз...

Í î ïî:âî ó í äöüäé?

- äöî äé ŷ. -

Í öîäé äü äöüäé!

Äî ó äü ñöîŷöü

à í ä î í ä!

...вдруг прыгнул и стал тонуть. В пятнадцатый раз – тонуть. И вытасен был каплеем, награды которого блестели – умытые – и клацали друг об друга с металлическим звяком, словно отряхиваясь...

Но вытер он только кортик.

И медленно-медленно, как облако в небе, качался на волнах платок с алым пятном губной тетушкиной помады.

Я плавать не научился.

2

Воспитатель Велвл (он же – Володя) усадил нас на землю, на возвышенный каменный кряж, в северных наших широтах именуемый «кенда», велел опереться руками, ноги поднять.

– Тяни носок! – командовал он, как в стародавнем кино.

Мы тянули, попеременно пинаясь, вдавливая колени. На счет «раз» – левой, на счет «два» – правой...

Этим серьезным делом – избиением воздуха с помощью ног – мы занимались над самой водой.

С противоположной низины, на местном наречье – с «урёмы» или, пускай, с «урмана», заросшего мелколесьем, – оттуда, мне кажется, тамошний птичий люд воспринимал нас большими пернатыми, галдящими на краю и пробно крутящими крыльями перед полетом.

Что?.. Почему невозможно?

Раз человек посредством верхних и нижних конечностей одолел стихию воды, – отчего же ему не летать?

Есть пароходы и дизель-электроходы, и атомные подлодки, и суда на воздушной подушке типа «ракета». Но есть «брас» и «кроль», и «спина», и «дельфин». Есть самолеты и вертолеты, и древний воздушный шар с дирижаблем и дельтапланом...

Но найдено будет нечто: простое движение мышц – и человек воспарит: «брасом» и «кролем», «дельфином» и на спине. А девушки непременно будут порхать «баттерфляем» в воздушном том океане.

Воспитатель Велвл (он же – Володя), за пазухой у которого болталась книжка-картинка «Как научиться плавать», командовал с суши почти что стихами:

Á àîäó î î ïÿñ àî é ä è,

õî ò î ïñ è ù ä é î ò àî ðÿ é

è àî ù ò ä é!

Á î é î ä ó î é ó î ä é,

õî ò ð à ï ò à î ðÿ é,

à î à î ò ä é!

Мы пускали пузыри, как утопленники. Вода разъедала нам ноздри, как щелочь. Фыркали, как лошади. Мотали головой, как телята.

– Усложним упражнение! – командовал Велвл-Володя. – При вдохе и выдохе будем работать руками! – И показывал на суше, как надо.

Книжка под майкой мешала ему, била по пузу, но делал он хорошо.

И вот, дабы проучить упрямую реку, мы изо всех сил колотим ее. Кулаками в скулу. Ладонями по мордасам. Пальцами острыми тычем, ногтями карябаем... Чтоб стало ей больно. И чтоб удержала нас.

Брызги... ни зги... колотим, молотим...

Если бы тут случился (на идише) балабос, то бишь по-русски – хозяин, нынешний хваткий фермер иль головастый глава ОАО (прежний колхоз «Красный лапоть»), он бы, конечно, использовал даровую энергию. И мельницей наших рук зерна намолотил бы триста пудов. А может, и тысячу. И воду, нагретую нами, отвел в парники...

Да не было там балабоса! То бишь хозяина... Впустую мы дрались с рекой. Руками, а после – ногами. И даже макушкой.

Я плавать не научился.

3

Девочка Ева в резиновой розовой шапочке кувыркалась и брызгалась, изображая фонтан.

– Иди же, Адам, иди... я вот... догоняй!

Яркие губы, отмытые ярче розовой шапочки, изгибались под углом любви. Длинные робкие руки, обретшие смелость в воде оттого, что ее подчинили, Адама (меня) увлекали. Ева-русалка, она

опускалась на дно и, присевши (как я теперь понимаю), делала резкий толчок. Выскакивала по пояс. Вода ниспадала, как платье, стеклянно шумящее.

– Ну же, Адам, иди! – так трепетали губы и шея, и грудь.

Однако Адам (я) ничего не видел, не слышал...

– Да, – канючил, – сама зовешь, а сама утопишь!

И не научился плавать.

Ἄεῶναι ἀὐτῶν

Βίαιος ἐστὶν ἰεῶν ἀὐτῶν ἐν ἰσθμῶν:

В озеро, именуемое «старица» поутру забрел. Никого не было. Умевшие плавать плескались в реке, чистой, холодной, с твердым песком. А я – здесь. Один. Слышал счастливые голоса с утренней дрожью и свежестью.

Раздевался, входил в воду, покинутую рекой, наверное, в мезозойский период. Тут не ступала нога человека. Никто не ходил сюда, как не ходят к старухе, когда есть молодая.

Однако же опытом негоже пренебрегать. Мне пригодилась моя «старица», которая так соскучилась в одиночестве, что долго не отпускала меня прощаясь. Ноги, черные до колен, омывал я в реке, что относилась ко мне как к существу низшего разряда. Будто я был пресноводный карась, нахально заплывший в Средиземное море.

...Ἰσθμῶν ἐστὶν ἰσθμῶν ἐν ἰσθμῶν ὁ αἰὶν ἰσθμῶν «πῶς αὐτῶν».

Ἰσθμῶν ἐστὶν ἰσθμῶν.

Ἀὐτῶν ἰσθμῶν

ἐστὶν ἰσθμῶν

Ἰσθμῶν ἀὐτῶν.

Ἰσθμῶν ἰσθμῶν.

Ἰσθμῶν ἰσθμῶν

ἰσθμῶν ἰσθμῶν ἰσθμῶν.

Ἰσθμῶν ἰσθμῶν ἰσθμῶν

Ἰσθμῶν ἰσθμῶν.

Ἰσθμῶν ἰσθμῶν ἰσθμῶν.

Вода не текла в моем водоеме – время текло. Месяц прошел сквозь меня в болотном протухшем пруду, и я научился плавать.

Глава третья

Νοτῶν ἰσθμῶν ἐστὶν ἰσθμῶν:

Если бы некто Адам умел мыслить не ретро-, а перспективно, он мог бы уже тогда будущее прозреть.

1

Адама бросают в воду, предварительно оповестив: спасенья не будет.

Инстинкт, пробудись! Сработай автоматически, возьми на себя ответственность и выручи человека.

Īāī aēī Āāī

òíáò.

Āāī æá òú,

īī ðàè èāāī,

èí ñò èí èò

īāī īī òðāī áí ūy?

2

Адаму талдычат: плыви, не потонешь! Будет вразрез с наукой, чтобы тебе потонуть. Ты, вытесняя воду, уменьшаешь вес своего тела. Это закон Архимеда, архимудрого древнего грека.

Īāī aēī Āāī

òíáò.

Āāī æá òú,

īī ðàè èāāī,

īāī ò èāy ā ēí āāī

è àððèì āāī ā

òú: āā?

3

Адама манят: забудь и забудься! Сделай шаг к наслаждению, к счастью. Вот оно! Машет тебе голой веселой рукой.

Ну же, Адам, иди! Поднимись, окунись, испытай!

Īāī aēī Āāī

òíáò.

Āāī æá òú,

*ĩ ðàè è ààì ,
í ò ààà è p á à è,
í ò ÷ à ÿ í ù à
ĩ ò ð à ï ò è ?*

4

И наконец, Адам забирается в лужу. Героизма ни на полушку. И доводы разума ни к чему. А счастье, вы знаете, в лужах не водится.

О àí à è í À à à ì ç à è ð à à ò ÿ ÿ á è ó à è á

*Í í ò ï ò ó ÷ ò í í á à ñ è è à ò
í á ù à ï ð è í ÿ ò ù ì ì à ò í à ï ì
í à è à à à ò ù ò ì à í è à ì*

í è à à à ò ù

Ñ à ï è ì ì í ñ á

è ç í à ð à ò à à ò .

Á è ó à è á

5

Я мог бы тогда понять, в то детское время, – если бы, повторяю, мыслил перспективно, то есть был бы Адамом, мыслящим человеком, – я мог бы уразуметь, как на земле проживу.

В í ð í à è à ó ò à è ,

è à è í à ó ÷ è è ñ ÿ

í è à à à ò ù

Á ù ò ù ì í à è à ò ,

è á è ó à è á

Í í ñ à ì .

Ñ à ï è ì ì í ñ á

è ç í à ð à ò ÿ .

Í è í ò è í ñ

í á ç à è ð ÿ .

À ŷ ï ï í à ò ó ó á

é à ñ é í à ñ é,

ì í ò á ñ é ò ï :- ó

ò á ò á ò ù ñ ÿ ...

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

È ò é í à ß é í à ñ ï

Í À × À Ë Ì Á Î É Ï Û

Á à à ñ è à è ò ç à ñ ò ï è è è ï ï á è ó í á

× è ñ ò è ò ï ñ ò ð ù ï ï í æ è è ï ï ð à à è ñ è á

Æ à ð é ï, ï í è à à ù ù × ò ï à ñ é í à ò à è á è è ç é ï,

Ì ù à ù á í á ç í à à ï . Í à è à ñ è á

Á à à ï á Á ð ŷ í ñ è: é ó í á í ù á à ñ ç à ó ó, à à :- à ..

Ò ï è ù è ï ï à ï à ï í :- à ï ó ò ï í è à :- á ò .

È ï ï ò ï ï ï ù ñ è ù ò è ï à à è à è á

Á ç ð ù á ù è ç à è à ñ ï ï í á á ñ é ï ò á

Á ù ñ ò ð à è ù ... Á ñ ñ à ñ è ï ï í à ð ï à à

Ð ï ð ò ù à è ù ÿ :- ò í á á ù ñ ò ð ï ï ð è í à è à ò á

Ñ ï ð ŷ ò à ò ù ñ ÿ . Í à ï ò ï à è ù ï á ð à è á

È ñ ò ð à è è ò à è ù ñ è ð à ñ ï ð ç à ç à ï ð ,

Çàðëááí óáø èñí á ááçí áááæí ïí áíá

Í ááááò, íá áíëáÿ èç í èéá

Í í÷íþ áíçáðáàáí ñÿ á Í ïñéáí..

Á áñééá íáí áñòóí'áþò í áñòí

Ñáí ùè èíí áí äèð'á èç-í íá Áðáíðá -

Èò í óæÿÿ áòí èéí óèè í á òí'áó

Á òáí áóð è óøèè í áçáá è áñáí èóá..

Ááòè ñÿò. Í íò áðÿí í úá èèóá

Í áò áðé í íá áóóò áí èá ñ è ò ùÿÿ

Çíá èíí, í ðááááí áþ ù èí áááá

Í íáçá í ÷ è ò ùÿ, áéá ñááò ÿò èáí í ú.

Æáí ù èí ú á ðáéáò è éáð è òáí èáð

Ñúáæ è áø è ñí ñéáÿò í á æáíð è èð è ááéáó

Á èí áá áí òí áèí í á í áððíí,

Ó ááí í á í áñ áñò ðá: ááò í áí á,

Áí áí ðè ò í í: ò è ÷ ò í áèí í ááò í:

«Áíò í í ááíð èá, çíáò ðá í í á í á òðí'ò».

ПОБЕДА

Í ú í ðí ñ óè è ñí í ò øóí á è ñò óéá áááðé.

È í ò èð è á: «Áíò áááè ò á - í í áááá!»...

Ááðá çáí è á è áè çá ñò áí è íþ áÿáÿ Ááíé,

Á ñòí è í áðáíí ááæááø è èç áíò ò í.

È ááí ó ááø áè Í è èí è áé, è í áá è è á

Í á í ðí ò áçá ááíñ è è í ùÿ'í ú é,

È í áø ááí ðí è è Í ðáí èí áíÿ

áí ðí ááí í ú é ñ è ðò

Í á è è áá è á èç ááí è è á ñò á è áí ú.

È í éáíð è í è è è ðò è è è í í: ò è áí ó ò ðá,

Èòí-òí àííáí àòòòòè è íà áèþáá
Íáíèì áèèíí è íáèè, è è íáì ñí ááíòà
Á áííòè òèè íáíáèíí ùá èþáè.
Íí:ùþ èáí òú òááíí ùá áçèáòáèè áí í áèá
Áúèí í ááí áíííèèì í íèíáðòíí.
È í èííú í íò íòòá ó íéíà íà ñòíéá
Òðáíáèíí ùí ááèáèí èííáðòíí...
Áíáú í èíóèè. Á Áíí áèú ááðí óèíý Ááíé,
Í èèíçáý áéèè íí íúííéá
Èèòú Í ðáíèíáíý èíí ðááí í ðíæáèà ááòáè
È òèòííúèí «íòò:áèà» Èóáýíéá
Óæ íá áíòðáòèòúíý íáí í èèíáá è í èáá
Ì ú - á Èçðáèèú á Ááðí áí èþ, á Óòáòú.
À ííè - á ÁÍ Ó, ÈÁÁ, Ì ÁÁ,
Í íáèííáè è íííòíúá- á ñèááòú...
È á ááèáèèò èðáýò áíáèíííèè í ðèíòáòúí
Èèú á ðíííèéíèíí ñíòáòúíý íáí áíòúá,
Ì ú òáè áíèá è òðáíí í úòáèèíí íííýòúí
× òí òáèíá áíííáíúáá ñ:áíòúá

B Í ÁÄÄÄÍ Î ÈÇ ÁÄÐÌ ÀÍ ÈÈ ÁÄÐÍ ÓÈÄÑÛ

B í ááááí í èç Ááðí áí èè ááðí óèáíí
Áúè áíýæ èíí óíòáí è í ðèýòáí,
Í ó á áíèè : òí è íá ñííáèèííí-
Òáè ñáòèèí òíæá íá ááç í ýòáí.
B áúèà áí Óðáí è óóòòá è È, èíí á
Èþáíáèèáíí Íááðíí è Ì áéííí,
Ááèíýí è è çàí èáí è èáí áíèíáðòíá
Áí ñèò ííð ñèðúááþùèí è òáéíó

*Βιόαδαι. Ἰδαδαίι τί οὐδ' ἴι Δαίί
Ἰαείπῶυ ἀείφαδαι εἰά γαίι ὠ,
Ὀίεἰπῶυ ἀί ἢ ἐγῆαίίτι ἀέαὸίι
Ἰείεαἰρὸ ἐ ἰδαδαίεαίί ὠ
Β αῦεά ἀ Αείαααίά ἰά ἀίαῶ
Ἄ ἀείαῶυ, ἀ γαίί ἐ εὐγαίί
Νείαίί αῦ αῖα ἰ αῖεαἰρὸ οἰ ἐ
Ἄαδρείυ ὀδαί ἀαἰεὸ ὄι ἀίά
Β ἰαααίί ἐγ Ἄαδἰ ἀί ἐ ἀαδἰεαἰί
Ἰταῦαἰεά ἀ Αίίί ἀ Ἄαδἰεἰά
Δαἰπῶ ἐ ἰααῦ ἰά ἰπῶ αἰίί
Ἄδἰπῶ, ἰαεἰε, ἰαὸ ἀίί ἐίά
Β ἰαααίί ἐγ Ἄαδἰ ἀί ἐ ἀαδἰεαἰί
Ἐ αἰί ἐοἰ ὀαἰ ἰαδἰ, ἐ ἀεὸαὸαί,
Ἐ ἀ αἰεῶ ἰαααί, ἐ ὄοί: ἐ
Ἄα ἐ ἀ ἰαδαῖαί ἐ ἰδεῖοἰ.
Ἐαεαὸίί ἰί: ὀ ἐ ἰααδἰοἰί,
× οἰ εἰαἰ-οἰ ἰί ἐ οἰ ἰ ὀδαίί
× οἰ ἰεεἰε ἀεί δἰεαἰεαἰ ἐ,
Ἄα οἰ ὀ ἰαἰε ὀαἰ ἐ οἰ ἰ ἰί
Ἐ ἰδαἰο ἀεὸ ὠ ἰ ὄπῶ ἰ αἰ ἰ ἰ
× οἰ ἰί, ἰ ἰ ἰαδἰ ὀ ἰ δεαἰ
Δαἰαἰε ἀαἰεὸ ὠ ἐ οἰ ἰαίε,
Ἄαί ὠ εἰ ἰ ἰ ἰ: ἀδἰ ὄρ γαδἰ
Β ἰαααίί ἐγ Ἄαδἰ ἀί ἐ ἀαδἰεαἰί
Ὀε ἀεὸ ἰαἰεἰαἰ ἰαἰ εἰ ὄ,
Δαἰε ἀεὸ ἰ ἰ εδαἰ ὠ ἰ αἰ ἰ
Γαἰεἰ ὄαἰ ὀ ὄ ἰ εαἰ ἰ ἰ ὠ*

Ī ādāēēāēūū īnōū ā ī ēdā īāūyūū ēī ā-

×āōī īōā ē īāōā çānō èō īāīī,

Ī ī mīēēēēīī ī ū īōīōīāēī ī ēī ī

Ā òāīēūē āīī, āā ī ū ī ā āī āī ēū ōēāāā

B ī āāāī ī ēç Āāōī āī ēē āāōī ōēāūū

Ēāē ī īīyōū ÷ōī īāō òāēēō īōāāēīā

Āāā āū īāī āīā yōī īā ēīīī ōēīīī

Āāā āū īāī yōū īāōōā īā āīēāēā

×ŌĪ Ī ĪĀ ŌĀ ĪΘŌĀ Ī ŪĒŪĪĀB

×ōī ī īā ōā Īθōā ī ūēūī āy,

Āīāīōīāī ÷āī ū ÷ēnō ūē...

Çāāū īā āū āāō ēōōīōōī ēēīā

Ī īōīē çāāōāāpō òōōēnō ū.

×ōī ī īā ōā īēī ūāāū āāçōī āy?

Īōīnōī ōōāī āī ō ī āīōā ÷ēā

×ōī ī īā mīāāēā Āāēēī ÷ēā

Θēōēīp īī ÷ēē ēēōīēā ēī?

×ōī ī īā ōā ōēēōā ōçēāy,

×ōī ī īā ōīō āīī īāēāçēnō ūē,

Nāā ē āāōāāy āēōīāāūā

Ā çāōōīīōō ēāōēā ēēīōūy?

×ōī ī īā nōāōāy yāēīīy

Ē ōāīē nēāā īā ōōīīēīēā ī ēēōīē?

Ēīīāā īōēāçēāēē āīōīōīē,

Ī āāūīāēē nāēōīāū ē nāēōā

Āā ÷ōī ī īā Āīōēē ē Ēēēī īāē ÷ē,

Ē ÷ōī ī īā Āēōāāīē ē Ī īçūōī?

Āāāē īōāēōē ÷āēē āīāūēē,

È í àðáááðí óò èí çíðü

Áúèá èü ñ ðàçí àðí í è ñò àáèá

Á «çíðí» í ò èðúáçé ÿ áááðè, -

Í ðí ò í í àí ðáññèáçé àò ñò àèèáð,

Õí áèáçé è á çí í ó í í ò áðè.

ÝÒÍ Ò ÁÍ ðÍ Á × ÓÆÍ É

Ýò í ò á ðí á ÷ óæ í é è ÷ óæ è á áí ò à..

ðí èü èí è á çé à ðí ÿ,

çá áí ÿ è í áá - ò í áú áá è á

Í áðé ÿ ÷ áðç í è í ù ááü ñááñè á è ðá è á

È í í óçé í è ò ðí í è í è á ñ á çé è á è í ðè ÷ á è á

Í ó à í í æ á ò, í á ò á è

Í í æ á ò, ò è á ÷ áðç í í ñ ò,

Ñí è í ó á æ á í, è í á ò á ð è è í í á í í æ

ñá í áá è è ..

Í í í á áá è è ðá á í í, áá á ñ ò ðá - á è è í á í ÿ

È, ó è ðú á çé í è á ù í í, á í ó ò ð á ó æ í á æ è.

Í ó à í í æ á ò, æ è è á ÿ á ò í ò áí á á í èü è í í,

Áá á í ò í ù ò ú á ñ ò á í ú á é á ñ ò ÿ ò,

è á è ñ è ð è æ á è è,

È í á è á ñ ò í è ó á ò á í í é è í í á í ð è ò í á è è

Ò í ò è ð á ñ è á í è ..

Á í ò ò í èü è í í á í í í ð, è á è ç á è è.

È áí ñ ò á è æ á ò ð èü í á í ú ó á è è í í è ó á í,

× á ð á í è ÷ í ú á è ð ú çé í á ñ è í ó á á è í è è,

È í ð á á á á è è í í è è ü í í á ð çé è è í í è

È í í è è è è í í è í á í í è á á ð á è í í è á í á è è.

DÓNÑÈÈÁ ÆÁÍ Û

Dónñèèá æáí ù... Áõ, ðónñèèá æáí ù!

Çá ááðjÿi è øèè áù íò ñ:áñò ùj' áí çíí ù...

È áçäùòæèà ñáæðíáí

æé áí ñæçáúéí ææèí,

×òí æáí è òñj' ñíí íà èæíé-òí íáðæéá

È ÷òí áúúò áí ó:àòà òáí áðíííéóèðíæè,

È èíñèèáñííáí ùj', è áíð:æè çíéíæè.

Áú ðææèè ááòæ è èá:èèè ííííñí..

Á éíáá íà ì óæé íðèðíæèè áíííñí,

Íñòáæá Í ññéá, á ááðíéçííáð áðí æéñèð

Ñòðjíæè ñòðæè è «òèø íí-ááðæíñè».

È á íæàòáð áíéùí è:íúð ñéáæè íí:áí è,

Í à ñáý' íðéíèì áj' è áíéü, è íá:æè.

Ííñéá áíéæð ñáðáí èé,

íáðòèéíúð ðaçáíðíé

Èì ñéáñòèèè íèèþèþ,

÷òíá íá áúé òæé áðæ

ðéá, éíòíðíé ííòíí

íááñííá çáñíííñòáæá

Áú, ííèéíóá ñáé áíí,

óçææè á Èçáèéü

Òáí ðáñòèèè ááòæ è èñéæè ðáííòá

Áí éííóà íñòááýñííñáúáíé è ííéíòíí.

Ñóíòíáðæèè ñáí æéíúð

ñ íòðj'ò ÷óúíáíðj'æáííí

Ýòè ðónñèèá æáí ù - ááðæíñèèá æáí ù.

ÔÐÁÉÉÁÕÑ

Òàí òááàèè Ààñèüüáà è Èàòÿ Ì àèñèì íáà,

È íá áúèí á òáí óá í è:áã í áúÿñ èì íã -

Í è èíñò ðì íá ááðáèñèèó,

í è ì áí áðù ì íá:áðéí óò íé,

Òí èüèí áãá ì í òáææéí,

áí ñè ù áéí áí :áð è éí á

Òàí òááàèè Ààñèüüáà è Èàòÿ Ì àèñèì íáà,

È ì áèüèáèè ñò òáí èóù èç í áí í á ò í ò èì íã.

Áú è òèñí í é èçÿ ù áí,

ñè í á í ò í í é í á è òáæááí,

Ááç í áæ è ì á è ç è è ò í áã,

è è ò á á á è ñ ò á á í á í ó æ í íã.

Òàí òááàèè Ààñèüüáà è Èàòÿ Ì àèñèì íáà,

È íá áúèí á òáí óá í è:áã í ù ó è ì íã -

Í è á è ó á í ò á ááðáèñèí íã,

í è ì á ñ ò á :è á ç á ú ò í á

È í è ì á è ü :è è á Á í ò ó á,

á Á á á ú á ì Ò á í ç á ò ù ò í á.

Í ò ñ ò í á ú è í í í é á ç á í í

è á á è æ á í ú á ì , è á ç á ÿ á í í ,

È í á á á è è ó á á í ó á á , è æ è á ò ù á á ò ÿ á í í .

ЛЕХАИМ МАРТ 2004 АДАР 5764 – 3 (143)

ПУРИМ

Ēēāī à Àðē

Пурим – один из самых веселых еврейских праздников. Отмечают его 14 адара. В этом году он пришелся на 7 марта. В Пурим дарят подарки бедным, посылают друзьям корзины с вкусными вещами, слушают в синагоге свиток Эстер и садятся за праздничный стол. В Израиле в это время проходит веселый карнавал «Аделояда». Название карнавала пошло от фразы «Ад ло яда». Дело в том, что взрослым евреям во время Пурима вменяется в обязанность напиться до «Ад ло яда», то есть до состояния, когда они уже не могут ощутить разницу между двумя фразами: «Будь проклят Оман» и «Благословен Мордехай!»

Ōīðīōī, ÷ōī āīōūī à īāōā

ŌĀĀ Ī ŌÐĒĪ !

Ā ŷōīō ī ðāçīēē

Ī ū īīēyōāī, īīōðāīēī.

Ī āīōūāīyōōīy īāñĪ ī āī ū,

Ōīōūīāī īīæēī ī ū è īīyī ū

Ā ŌĀĀ Ī ŌÐĒĪ !

Сегодня мы идем в музей», – сказала учительница истории Эсти.

Вот зал голландского искусства XVII века. Нам сюда. Я повернул голову и увидел натюрморты Кальфа. Ой, как кисло от его лимона... Так неаккуратно срезали корку, что капельки сока срываются вниз...

– Яша! Не отставай! Давай сюда!

Остановились у небольшой, как бы затемненной картины. Освещен только ее центр. Читаю название: «Артаксеркс, Аман и Эсфирь». Ну?

– Что «ну?» Смотри, хорошенько.

– Ну, Рембрандт. И что? 1660 год...

– А вон на табличке что написано?

– «Еврейка Эсфирь-Эстер-Адаса, жена персидского царя Артаксеркса-Ахашвероша, поведала царю о коварных планах его друга, визиря Амана, задумавшего целиком погубить еврейский народ во всех ста двадцати семи странах Персидской империи.

Эсфирь-Эстер открывает царю свое иудейское происхождение и просит даровать ей жизнь и спасти евреев. Она объявляет Амана своим смертельным врагом».

– Так это же Пурим!!!

– Правильно. Ты умница, Яша. Теперь скажи-ка нам, откуда на картине свет?

– Так... У Амана освещена только шея, наполовину виден Ахашверош и, как светлячок, Эсфирь. Она – источник света!

– Хорошо. Теперь пусть скажет кто-нибудь другой. Каких героев Пурима нет на картине Рембрандта?

– Царицы Вашти!

– Мордехая!

– Зереш – жены Амана!

– Хватит, хватит. События Пурима происходили за 330 лет до нашей эры и за 300 лет до событий Хануки.

Смотрите, в руках у Артаксеркса жезл, наклоненный в сторону Эсфири. Следовательно, она прощена за то, что пришла к царю без приглашения. Визирь Аман оставлен в одиночестве. В пустоте и темноте.

Эсфирь ни на кого не смотрит, но все ощущают, что она излучает энергию. Чувствуются напор, сила. Она диктует, она требует, нет в ней страха.

Будем ставить Пуримшпиль?

– Будем, будем!

– Тогда разбирайте роли. Только учтите – в Пуриме все перевернуто с ног на голову. Девочки будут играть мужские роли, а мальчики – женские.

– Ахад, штаим, шалош, я – Ахашверош! – закричала Шошана.

– Тише, тише! Мы в музее. Шоша, тебе придется соорудить золотую корону. Попросишь у папы банный халат и еще обернешь фольгой лыжную палку и сделаешь жезл.

– Я – Эстер, – встрепенулся Яша. – Я влезу в мамины туфли!

– Погоди, Яша. До тувель тоже дойдет очередь. Знай: Эстер была внучкой первого еврейского царя Шауля и воспитывалась в доме своего дяди Мордехая. Мордехай запретил ей говорить, кто она такая. Это чудо, что на конкурсе невест Ахашверош выбрал именно ее, без роду и племени, позеленевшую от страха и трясущуюся, как лист. Отвергнутые соперницы прозвали ее «Малыриной курицей». И еще ее называли Адасой, что в переводе значит «зеленая». Тебе понадобятся зеленые кофта и юбка. На голову повяжи какой-нибудь зеленый шарф. Лучше газовый.

– Аман должен быть низенький и совсем не страшный. Кто у нас сыграет Амана? Что ж вы молчите? Никто не хочет быть злодеем? Как же поступить? Ладно, я сама выберу.

Послушай, Двора, ты отлично сыграешь Амана. Побольше хитрости, раболепия перед правителем и побольше ненависти к еврейскому народу – вот и весь Аман.

Кроме костюма, ты должна сделать кубик для гадания. Он назывался Пур.

Его бросал Аман, чтобы определить подходящее время для уничтожения евреев. На одной стороне кубика напиши «месяц адар». Аман знал, что именно в этом месяце, 7 адара, умер Моисей. Но он не знал, что Моисей в адаре и родился. Он не учел также и того, что адар находится под знаком рыб. А именно рыб Творец пощадил во время потопа. «Они плодятся и множатся, и дурной глаз над ними не властен».

Еще нам нужен Мордехай – дядя Эстер. Он был высокий.

– Можно мне?

– Да, Голда, ты подойдешь. У тебя должен быть белый тюрбан. Кстати, попроси у отца талес.

– Мальчики! У нас свободны три женские роли: Вашти, Зереш и ее дочери. Распределение ролей продолжим в школе. Не забудьте приготовить «шалах монойс» (вкусные, съедобные подарки) для своих друзей. Можете положить туда оменташн – съедобные треугольники с маком. Не забудьте и про пожертвования для бедных.

Бабушка Фира

– Ну, как музей?

– Ой, бабушка! Мы такую картину видели! Про Пурим! Называется «Эсфирь, Артаксеркс и Аман».

– Как же, знаю. Я, между прочим, тоже Эсфирь. Что еще ты узнал нового?

– На Пурим нужно посылать вкусную еду друзьям – «шалах монойс». Чтобы можно было произнести благословение. Спеки, пожалуйста, оменташн. Да, еще мы будем ставить Пуримшпиль. Помоги мне сделать зеленый костюм, – я ведь буду играть Эстер.

– Знаешь, когда я была такая, как ты, я тоже играла в Пуримшпиль.

– Ой, бабуля, правда?

– Да, было дело. – Бабушка Фира поправила очки на носу и, приосанившись, спросила: Догадайся, кого?

– ???

– Ахашвероша! Да, да! А что, не похожа? И текст у меня был замечательный. До сих пор помню. Вот, послушай:

– «Вашти, негодная! Ты не явилась к нам на пир, я ж звал тебя прийти в короне.

– Конюший на троне!

– Тебя отдам на растерзанье злобным псам!

– Хам!»

Ну, каково?

– Здорово, ба!

– Потом был «совет в Филях». Решалось, что делать с ослушницей-женой. Я обращалась к своим министрам: «Ее казнить?» Министры мне в ответ: «Ка-а-знить!» Дальше я: «А может быть?..» – «Так точно – может быть». И знаешь – Вашти, первой леди государства, отрубили голову. Другим женам в назидание.

Но ничего случайного не бывает на свете! В Соломоновых притчах сказано: «Сердца царей и министров в руках Всевышнего». Место Вашти должна была занять Эстер.

Еще в «конкурсе красоты», в конкурсе на корону новой персидской царицы у нас участвовала одна старушка, дважды вдова. Она говорила Ахашверошу: «Сумею я с почетом и вас похоронить». Я кричала страже: «Убрать нахалку!»

Эстер играл красивый высокий парень. Ему привезли платье, туфли и парик прямо из театра... А известно ли тебе, что самое важное в Пуриме?

– ???

– Аман считал, что мы разобщены и потому нас легко сломить. Мы же должны быть едины, должны помогать ближнему, любить друг друга. Вот главная мысль. Поэтому в Пурим мы и посылаем друзьям подарки – «шалах монойс». Когда приходит месяц адар, радости прибывает.

×òíá ìðàçáí è è Í òðèì

áú è áúúúá!

×òíá ðáúí áá è è ñí áá ò è!

È è è áá ñ ñ: áá ò úú áá ñ, áá ò úú,

Áíáí, áíáí, áíáí, áíáí

Í á ñá ò á!

ХОЧУ, ЧТОБЫ ЖИЛИ

С'і а'а'а Д'е'о'а'д

Иглицкие – не только имена людей. Иглицкие – это глава российской истории.

(«Южная мысль», 02. 02. 1912)

Я думаю, новый век возвращает нас к той давней главе, прочитанной в свое время, может быть, недостаточно внимательно и беспристрастно.

І е'о'а'е (І а'і а'а'і) І і'е'і'а'а'е - Е'а'е'о'е'е (1868 - 1912).

Книга Евгения Иглицкого «Хочу, чтобы они жили» вышла крошечным тиражом (100 экземпляров) под редакцией Эвелины Ракитской в издательстве «Э.РА». По сути – семейная хроника. Воспоминания, письма, магнитофонные записи, статьи, фотографии...

Фамильный архив и по нынешним-то условиям – вещь редкая. Что станет с нашей родовой памятью дальше – боюсь предполагать. Дневники не ведутся, письма не пишутся... Строчки на пейджере? Электронная почта? Факс?

Экранная, легко стираемая память. Она кажется мне слегка безответственной. И XXI век представляется анонимом. Сплошное видео. Ни почерка, ни росчерка, ни рукописи, ни подписи...

Впрочем, этого быть не может, потому что не может быть никогда. Человечество что-нибудь да придумает!

Род Иглицких действительно принадлежит российской (и русской, и еврейской) истории.

Михаил Моисеевич Иглицкий – основатель и директор мужской еврейской гимназии, одного из лучших учебных заведений Одессы. Тогда существовала «процентная норма» (в «черте оседлости» – 12% от общего числа учащихся казенной гимназии), и вырваться за «черту» было нелегко.

В гимназии Иглицкого, как и вообще в частных гимназиях, «процентная норма» не соблюдалась: туда принимали евреев со всей России. Курс – восьмиклассный. Выпускники сдавали экзамен на аттестат зрелости. Проводила его независимая комиссия. Поблажек никаких (скорее, наоборот, придирки, – по разным, не обязательно юдофобским, причинам). Но воспитанники первой еврейской гимназии держались, как правило, стойко и «обнаруживали достаточное знание предмета».

Ἰγλιτσεὶ τὴν ἀρχαίαν ἐν Ὀδησσῷ ἰουδαϊκὴν γυμνάσιον.

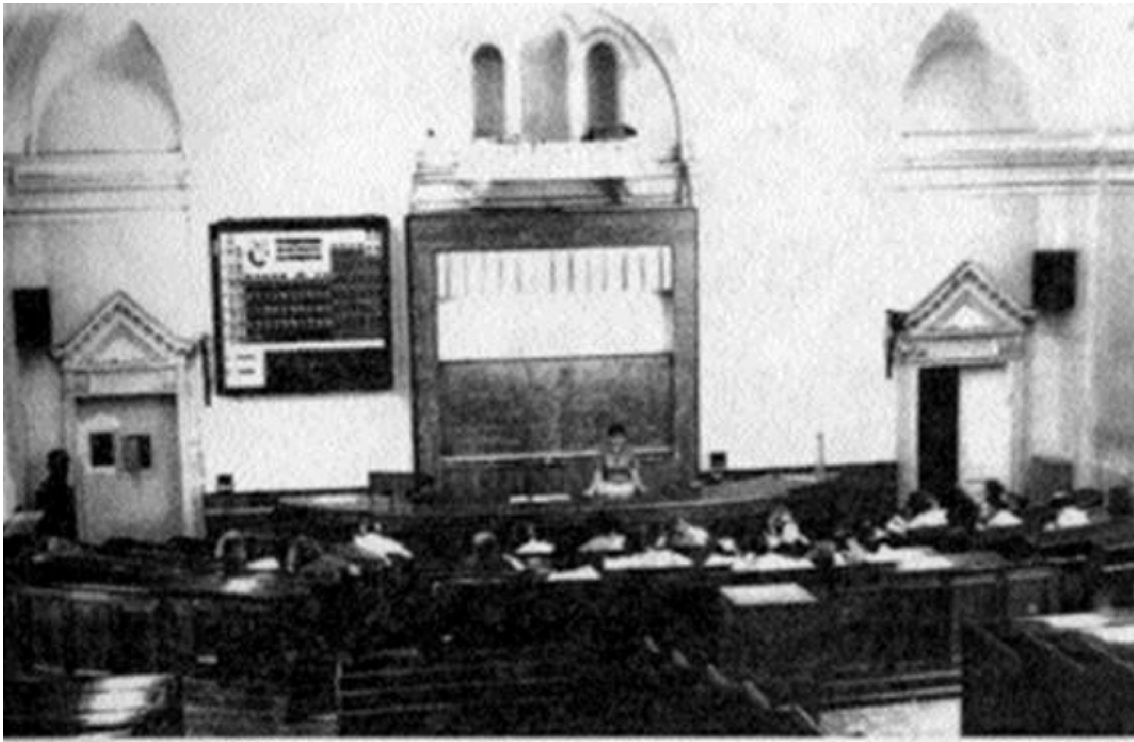
Семью Иглицких знали в городе. У Михаила (Менделя) Моисеевича было четверо детей: Евгения, Илья, Александр и Ольга. Интеллигентные, трудолюбивые, добрые ребята. Революционеров среди них не водилось. Иглицкий сам, судя по всему, относился к властям лояльно; так и детей воспитывал. Женя, Илья и Ольга были вполне самостоятельные (самостоятельно мыслящие), современные молодые люди. В дневнике Илюши Иглицкого есть запись: «Мой девиз – справедливость». Автору 13 лет – возраст бар-мицвы.

В 1910-м Илья с золотой медалью окончил гимназию. Поступил в Новороссийский университет. Поскольку Одесской губернии в империи не было, а была Новороссийская (столица – Херсон), то и Одесский университет (нынешний имени Мечникова) величался Новороссийским.

Возглавлял его некто Левашов, официальный черносотенец, член той самой организации, неприлично сокращаемой на три буквы: СРН (Союз русского народа), о которой скороспелый одесский поэт (впоследствии перезрелый советский классик) слагал вирши в местной южнорусской печати:

*Ἰδεῖτε ὁμοῖα ἰδεῖτε,
Ἰδεῖτε, Νῆρς θῆραϊ ἡέ,
ὄυ ὁ ἀνδρῶν δέξτε
Ἰδεῖτε ἰαυῶνδεῖ ἡέ,
Ἰδεῖτε ἰαθῆαι ὑὸ μ ὄ
Νῆαδεῖ. Ἐ ὄγχεῖε ἰὸυῖ*

*Ἄνθρωποι πάλαι
Νῦναι ὁπλοὶ ἀπὸ δασιῦν,
Ἴν' ὁπλοῦν οὐ πῶλύε
Ἰδὲν ἰσχυροῦν ἀεὶ ἔτι...*

Ἀνευθῆναι οὐκ ἐπιτρέψαι ἀλλ' ὀφείλει.

События развивались стремительно и, как ни горько, естественно. Студенты Императорского Новороссийского университета требовали отставки Левашова и профессоров-«союзников», очистки университета от агентов полиции, свободных выборов ректора.

Далее цитирую по книге Иглицкого:

...8 декабря 1910 года в большой физико-химической аудитории состоялась сходка около 300 студентов... в числе которых – 15 «союзников»... Выхватив револьверы, «союзники» начали стрелять... Был ранен в голову Илья Иглицкий...

Остальное додумайте сами.

Представьте: громоздкие лабораторные столы – ни убрать, ни сдвинуть: вмонтированы стационарные штативы. 300 мгновенно обезумевших молодых людей... Очень молодых...

Раненого Илью пытаются вытащить. Толпа рвется на выход.

Полиция слышит беспорядочные залпы, готовится отразить атаку. Встречает студентов кинжальным огнем.

Товарищи бросают Илью.

Давка, драка, пальба...

Участники сходки арестованы. Студенты-«союзники» вместе с полицией конвоируют «бунтарей» в участок.

Дым рассеялся. Сражение завершилось. В пустой аудитории подобрали Илью. Он умер на больничной койке, не приходя в сознание. «Случайная жертва беспорядков», констатирует полицейский отчет.

Ναὶ ἡ Ἐλεοσέο ἰηὴά ἀλαεὲ Ἐέρσοε. Γάστῆ. 1911 ἄ

Но ответьте мне, пожалуйста, что за странная закономерность в этих «случайностях»? Сколько их даже на нашей памяти...

Я вспоминаю сейчас (ибо танковая бригада «в кармане» у большого начальника – то же, что револьвер в кармане трусливого хулигана), вспоминаю молодых москвичей, легших под гусеницы в августе 1991 года. Кого отпел православный священник, кого провожал «скрипач на крыше» и древний библейский распев. Было в той церемонии что-то невыносимое...

Одесса и вся Россия похоронили Илью Иглицкого так скорбно и так торжественно, как могли. Многотысячная процессия за гробом, речи, статьи в газетах...

А следствие прекратили. Дело закрыли. Несчастный случай. Случайная жертва.

Случайно и револьвер (такой ладный, такой надежный!) оказался в кармане студенческих форменных брюк. Угрелся там, жег ляжку, просился в ладонь и верещал:

«Выстрели! Выстрели! Смотри, как они тебя ненавидят, какие злые и страшные, как размахивают руками... Давай! Нажимай на спуск!»

Ἀαῦῖ ἑαῖ ῖ Ἐῖαῦ ἰά ἄῖαῖ ἑάο,

Οάοάοὸ ἰῖῖ ἰάῖ ὀάῖε,

Í àðí áí ïí ó ñéí áó í á áí áí è áò
È ÷ ò è ò è è ò ú ç à é í ú ñ á è.
Ò à è ÷ ò í æ ! Í á á ç á è è æ á ñ è ú,
× ò í á ñ ÿ ò ú ÿ ò í ò ò ÿ ñ ò í ú é á á ò,
× ò í á ñ è í ò è á ñ ð á í ò è è ú,
Ð ï ñ è ÿ á ñ á á í á í á è á á ò ?

1 февраля 1912 года Мендель Моисеевич Иглицкий, как всегда в 3 часа дня, пришел на могилу сына и выстрелил себе в сердце.

Снова Одесса и вся Россия потянулись в траурном кортеже. Тысячная процессия следовала за гробом через весь город на еврейское кладбище (теперь оно уничтожено посредством реконструкции). Снова Одесса и вся Россия клялись в вечной памяти.

Одесса и впрямь чтит Иглицких. Но этот город, право же, такой... странный. В Москве память короче да и кладбищ побольше... И троих, что под танк бросились... тогда, в августе... как их звали-то? Один тоже вроде Илья?.. Верно? Не путаю?

Эти «Илюшечки», хоть еврейские, хоть «достоевские», вечно они – в нужном месте в нужное время. Под арест, под танк, под пулю...

Ì í à è ú È. Ì. è Ì. Ì. È æ è ò è ò í á Á ò í ò ï í á á ç á è ñ è ï è è á á á è ú á
Í á ÷ á ò á á è ò è á í í è ò ú ñ á í í á á è í á
Á è ò ï è ñ ò á ò ñ è ò, á ñ á ò í è ÷ á ÿ è ÷ á ä
È ñ í è í á í ú á ñ ñ è è ò è á á á è í á..

Подобное тянется к подобному. Помогает выжить, хранит и оберегает. За них, духовно близких, родных не всегда по крови, Евгений Семенович Иглицкий молится и вызывает: Хочу, чтобы жили!.. Не то – беда. Пустое, белое, безотзывное пространство.

Евгений Иглицкий одно за другим называет имена.

Александр Сергеевич Лизаревич – дядя Саша.

Вениамин Федорович Каган – верный друг семьи. Ученый и педагог. Создал издательство «Матезис» (книги по точным наукам). Присутствует в энциклопедии. Собственно, это он перевез Иглицких в Москву. Посмотрите на фотографию. Какое породистое, благородно-спокойное, ясное лицо! Сколько ума и чувства собственного достоинства!

Александр Сергеевич Лизаревич, дядя Саша... Любимый ученик В.Ф. Кагана, муж Е.М. Иглицкой. Замечательно образованный, светлый, неунывающий человек. Его друг Лев Разгон вспоминает о нем с благоговением. И правда, письма дяди Саши из ссылки поразительны.

...Ты только не подумай, – обращается он к сыну, – что я хочу поучать или навязывать свои вкусы. Просто мне повезло, что удалось прочесть немало хороших книг, и я хотел бы, чтобы и ты получил наслаждение. Вот список. Писатели распределены по странам, но без всякой последовательности...

Айтәи еі Оәйідрә: Еәйі

(1869 – 1953)

В списке – около 50 имен. Иногда названия двух-трех романов. Или: «Все, что сможешь достать». Лучшее, что есть в русской и мировой литературе. И никаких национальных предпочтений. Лучшее – оно и есть лучшее.

На письме – штамп: п/о Вожаель, Железнодорожный район, Коми АССР. И личный номер ссыльного. Ни жалобы, ни боли; жене – стихи, сыну – рассказ об одесских дедах и прадедах, о корнях.

«Письма к сыну» опубликовал журнал «Детская литература». К сожалению, только в 1990 году...

Писатель Лев Эммануилович Разгон – солагерник Лизаревича – рассказывал «под магнитофон»:

Однажды нас (с Лизаревичем) посадили в карцер, дело было летом... Сидим... А комары... Об спать речи нет. А посадили на сутки... Сутки мы читали друг другу стихи... и не иссякли! Я вам скажу вот что: а может, стоит быть благодарным, что все это было...

Éáá Yí í áí óééíáè- Ðáçáí. Éáðñáèèí. 1992 á

Думаю, да. Оно, конечно, и врагу не пожелаешь... Но я благодарна за то, что узнала сложную, со множеством ответвлений, семью Иглицких – неистребимую наперекор времени и не поддающуюся истреблению, как память.

Еще одна глава – и счастливая, и отчаянно горькая, и беспощадная. Про невосполнимую утрату. Про великое счастье мужской дружбы.

ТОРКВЕМАДА

Говард Фаст

Продолжение. Начало в [№142](#)

4

На следующее утро Алверо проснулся в другом настроении. Не только сон и яркий солнечный день были тому причиной: утром у Алверо должна была состояться деловая встреча, назначенная месяцем раньше. Алверо давно подумывал о том, как бы испанским, итальянским и голландским купцам заключить договор. Последнее десятилетие оказалось временем небывалого процветания для их государств, и Алверо был уверен, что, если соединить торговый флот Голландии и Милана с военной силой, какую могут собрать испанские купцы, возникнет коммерческий триумвират, который со временем может стать настоящей империей.

Перед тем как заснуть, он пытался представить, что будет, если тот итальянец, Колумб, окажется прав и до Индии можно будет добраться, плывя через океан на запад; а сегодня утром, когда он приветствовал своих партнеров – Ганса Ван Ситтена и Сало Кордосу из Амстердама; Пери Гомеса и Луиса Лопеса из Барселоны и Дино Алеппо из Милана, – ему стало интересно, что они скажут и он весело и даже несколько легкомысленно сообщил им о планах Колумба. Однако это не сбило купцов с толку. К словам Алверо – он сидел в конце длинного стола в черном бархатном камзоле и белоснежной рубашке, смуглый, мужественно-красивый, соединяющий в себе изящество испанского рыцаря и проницательность купца, – нельзя было отнестись без должного внимания или пропустить их мимо ушей, поэтому не успел он кончить, как Ван Ситтен, голландец, спросил, сколько денег нужно королеве. Алверо ответил, что точная цифра не называлась, однако речь шла о том, чтобы снарядить небольшой флот, от четырех до десяти кораблей, и снабдить его оружием, достаточным запасом продовольствия, а также разнообразными товарами.

Ван Ситтен занялся подсчетами, а Гомес стал объяснять, что, несмотря на переживаемые Испанией годы подъема, ее золотой запас тает из-за постоянных войн с маврами.

– Любопытное противоречие, – сказал Гомес, – бурный экономический рост и нехватка наличных денег, которая все парализует. Если безумная авантюра итальянца увенчается успехом, я буду молить Б-га, чтобы она принесла нам не меньше миллиарда. Нам отчаянно нужны деньги. Сейчас в Испании каждая монета на счету...

– Вот чем, на мой взгляд, – проговорил Алеппо, итальянец, – и объясняется растущее влияние вашей инквизиции: она, как мне кажется, руководствуется не так благочестием, как жадностью. Стоит отыскаться еретику, как король и церковь конфискуют его собственность и делят ее. Сейчас это, возможно, обогащает короля и обогащает церковь, но поверьте мне, Алверо, это лишь на время, в конечном счете все от этого проиграют. Вы поедаете собственную плоть.

– Правильно, – согласился Ван Ситтен. – Скажите, Алверо, вы надеетесь получить деньги от Амстердама, верно?

– От Амстердама и Милана, – отозвался Алверо.

– Что до Милана, – вмешался Алеппо, – то на Милан нельзя надеяться. Так же как и на герцога Сфорца^{III}. За свои слова я ручаюсь, но они не для дальнейшего распространения.

– Поверьте, друг мой, – поспешил заверить его Алверо, – то, о чем мы здесь говорим, никуда дальше не пойдет. Слишком многое из сказанного может затянуть петлю на чьей-то шее.

– Ну что ж, – продолжил Алеппо. – Я полагаю, что герцог Сфорца не может и не захочет отразить вторжение французов. Французский король спит и видит, как бы поскорее его начать. Французы

– никудашные купцы, а давно известно: чем бездарнее купец, тем чаще его мысли обращаются к грабительству.

– Тем не менее, – перебил его Лопес, – мне кажется, вы недооцениваете Сфорца. Милан – по-прежнему богатейший город Италии. Сфорца может поставить под ружье больше наемников, чем Людовик. Все решают франки и флорины.

– Не так-то это просто, – вмешался Кордоса. – Милан – конечно же, богатый город, но поверьте мне, друзья, столько денег, сколько нужно, он не наберет. Не будем забывать, что мы ссудили Сфорца сто тысяч гульденов под восемь процентов через посредника – Авраама Беналафа, амстердамского еврея. Давайте уговорим его потребовать возврата долга.

– Но герцог не нарушил договор, – поспешил прервать его Алверо. – И в его лице мы будем иметь врага, а пока, что бы там ни задумал король Франции, в Милане правит он.

– То же самое скажет и Авраам, господа. Он не станет требовать, чтобы Сфорца вернул деньги. В ином случае евреи Европы вцепятся ему в глотку. Мне кажется, иметь дело с Миланом менее рискованно, чем с Испанией. Вполне вероятно, что король Франции, даже если он захватит Милан, выплатит долги Сфорца. С другой стороны, он сам просит денег, и, я полагаю, мы можем ссудить ему двести тысяч флоринов под двадцать процентов годовых. Таким образом через три года одна только прибыль покроет все убытки, которые мы можем понести в Милане. Действовать надо через парижских и миланских евреев. Впрочем, даже если война будет отложена, мы все равно окажемся с прибылью...

– Короче говоря, – подвел итог Алверо, – вы предлагаете не давать деньги королеве Испании. Вы к этому ведете, Ван Ситтен?

– Алверо, старый друг, смотри сам. Торквемаду назначили великим инквизитором. Куда идет Испания? Неужели ты думаешь, что аппетиты инквизиции можно удовлетворить? Послушай меня, – это между нами, только между нами – разве найдется хоть один благородный испанец, в ком нельзя найти хоть каплю еврейской крови, если не от отца и матери, так от бабушки и дедушки или прабабушки и прадедушки? Где остановится инквизиция? Какова цена залога? Какова цена гарантии? Моя бабка была наполовину еврейка. И теперь я приезжаю в Испанию, как во враждебную страну...

Алверо почудилось, что солнечный свет померк и в воздухе повеяло холодком. Он машинально принимал участие в дальнейшей беседе, говорил то, что от него ожидали. Деловая встреча закончилась, и все, кроме Ван Ситтена, который остался на обед, разошлись. Они с Алверо были старыми друзьями. За столом Ван Ситтен держал себя исключительно светски. Он побывал в таких местах, где не бывал никто из знакомых Алверо, и развлекал Катерину и Марию рассказами о далекой России, Святой земле, диких турках и варварском племени болгар. Когда разговор перешел на Колумба, оказалось, что Ван Ситтен тоже думает, что до Индии можно доплыть, если держать путь на запад. Однако он считал, что до Индии скорее всего так далеко, что понадобится огромный корабль – иначе людей и необходимый груз туда не доставить, а такого корабля пока нет. В Амстердаме, рассказывал Ван Ситтен, евреи-географы рассчитали длину пути вокруг света. Оно значительно больше, чем полагали итальянцы.

– И вот интересно – эти евреи родом из Испании. Вы уже двести лет поставляете нам испанских евреев, Алверо.

Заметив, что Мария де Рафель изменилась в лице, Ван Ситтен спросил, не раздражает ли ее такой откровенный разговор о евреях.

– Напоминание о них мне неприятно, – ответила Мария.

– В таком случае – молчу, – пообещал Ван Ситтен.

После обеда Алверо отправился с Ван Ситтеном к конюшням – там Хулио уже держал наготове оседланную лошадь голландца.

– Сегодня ты, старый друг, не в лучшем настроении. Хотел бы я хоть чем-то тебе помочь, – сказал Ван Ситтен, прежде чем вскочить в седло.

– Спасибо за участие. Но, боюсь, никто мне не поможет.

– Неужели дела так плохи?

Алверо пожал плечами, и Ван Ситтен, помолчав, сказал:

– Я не был в Испании два года, Алверо. Что случилось за это время?

– Ты сам об этом упомянул – инквизиция.

– А-а... – Какое-то время Ван Ситтен задумчиво смотрел на Алверо, потом сказал: – Вашим евреям следовало бы оставаться евреями. Здесь все они стали испанской знатью. В Голландии они остались евреями, и мы хорошо уживаемся. А здесь евреи искушают Б-га.

– А разве Б-га можно искушать?

– Вы, испанцы, слишком много думаете о Б-ге. Слишком много о Б-ге и слишком много о евреях.

– Это особая испанская проблема, – проговорил Алверо. – Видишь ли, друг мой, в нашей проклятой стране, как ты заметил, нет ни одного дворянина, который отчасти не был бы евреем – целиком, наполовину, на одну четверть или одну восьмую. Все мы называем себя христианами, но стоит копнуть поглубже...

Он замолк: его внимание привлек Хулио, стоявший в нескольких шагах с лошадью Ван Ситтена.

– Ты никому не доверяешь, – сказал Ван Ситтен.

Вместо ответа Алверо схватил его руку и крепко ее пожал.

– Не приезжай больше в Испанию, – тихо попросил он.

– Тогда ты приезжай к нам, – сказал Ван Ситтен.

Алверо ничего не ответил, только пристально посмотрел на него. Ван Ситтен сел на лошадь. Алверо взял его лошадь под уздцы, сделал Хулио знак удалиться. Медленно, церемонно, как велит обряд гостеприимства, он довел лошадь до ворот. Больше Алверо не проронил ни слова. Еще минута – и Ван Ситтен пустился вскачь.

5

После отъезда Ван Ситтена Алверо, стоявший у ворот конюшни, увидел, что кто-то приближается к его дому. Этот человек ступал медленно и с достоинством; возле него кружили оборванные мальчишки, кидавшие в него засохшими комьями грязи. Алверо не сразу признал в нем раввина Мендосу и понял почему – тот был не похож ни на раввина, ни на еврея. На этот раз Алверо не кинулся к нему на помощь, а спрятался за столб конюшennых ворот и оттуда смотрел, как Мендоса направляется к его дому. Из своего укрытия он смотрел, как Мендоса пересекает сад и подходит к парадному входу – тогда Алверо, быстро обогнув конюшни, подошел к дому с другой стороны. Он стоял снаружи, у конца длинной галереи, невидимый для тех, кто находился в ней, когда Хулио отворил дверь Мендосе. Слуга с удивлением уставился на раввина; некоторое время он просто глазел на него, потом, придя в себя, слегка отодвинулся, кивком пригласив еврея зайти.

Со своего места Алверо не мог видеть, как Мендоса вошел в галерею. Катерина и Мария сидели в дальнем ее конце. Мария кроила плащ, ткань для которого Алверо привез из Севильи, а Катерина помогала ей соединять выкроенные детали и скреплять их булавками. Обе женщины с головой ушли в работу и не заметили Мендосы. Раввин остановился – и вновь оказался в поле зрения Алверо. На голове у него была широкополая шляпа, он сжимал руки. Алверо понял, что Мендоса потерял дар речи, он не мог

ни назвать себя, ни каким-либо другим образом привлечь внимание женщин, а может быть, просто боялся, что было, по сути, одно и то же. Хулио подошел к раввину, он растерянно глядел на него и явно не понимал, что ему делать. Алверо спрашивал себя: почему он не входит в дом, чтобы разрядить ситуацию, но, как и Мендоса, словно окаменел и потерял способность двигаться и говорить. А Хулио был всего лишь слуга. Наконец он, шаркая, подошел поближе к женщинам. Они же по-прежнему не отрывали глаз от работы.

– Сеньора, – сказал Хулио.

Катерина сидела лицом к раввину. Мария подняла глаза на Хулио, тот знаком указал ей на Мендосу, и тогда Мария медленно повернула голову. Обе женщины смотрели на раввина, не говоря ни слова и застыв на месте, с удивлением, к которому примешивались страх и отвращение.

Алверо казалось, что он присутствует на представлении и видит сцену из пьесы. Он отчужденно следил за женой и дочерью. Их удивление рассердило его, а страх не только злил, но и вызывал неприязнь к ним; и тем не менее ни сдвинуться с места, ни заговорить он не мог.

Теперь, когда женщины знали о его присутствии, Мендоса сделал несколько шагов по направлению к ним и слегка склонил голову. Он не отличался ни изысканными манерами, ни изяществом, столь высоко ценимыми в этой стране. Он не снял шляпы. У него, однако, оказался красивый голос, и он прекрасно говорил по-испански.

– Я – раввин Биньямин Мендоса. Я взял на себя смелость прийти сюда. Знаю, что для меня большая вольность – вступать в разговор с такими благородными дамами, но я не хотел вам досадить, огорчить вас... то есть не хотел доставить вам неприятности...

Мария обрела наконец голос. Она чуть не сорвалась на крик – можно было подумать, что ей приходится давать отпор.

– Что вам здесь надо?

– Всего лишь видеть дон Алверо, благородная сеньора. Видеть его и говорить с ним.

Видимо осознав, что она говорит слишком резко, Мария взяла себя в руки и сказала холодно и спокойно:

– Он назначил вам встречу?

– Нет. Увы, нет. И как бы я мог договориться о встрече, если б не пришел сюда сам? Вы же понимаете, послать другого еврея я не могу. Кого же тогда? Да, я незваный гость, но я должен был прийти сам.

– Тогда я уверена, что дон Алверо не сможет вас принять, – сказала Мария.

– Понимаю. То есть я хочу сказать, что могу понять его нежелание принять меня. Я пытаюсь объяснить вам, благородная сеньора – вы его супруга, я знаю – что я не круглый дурак. Многие побудило меня прийти сюда, но самое главное – то, что дон Алверо де Рафель спас мне жизнь. Он... как бы это сказать... вложил в меня капитал, а мой народ серьезно относится к таким вещам.

Мария встала и, повернувшись к дочери, попросила ее выйти. Алверо почти физически ощущал, что с Катериной что-то происходит. Она избегала взгляда матери, а та повторила:

– Катерина, я же просила тебя уйти.

– Я хочу остаться.

– Меня не интересует, чего ты хочешь. Я просила тебя уйти.

Катерина покачала головой, но, не в силах устоять перед матерью, встала и выбежала из галереи. Мария – белая как мел – перестала сдерживаться и гневно потребовала от раввина ответа:

– Кто спас тебе жизнь? Ты хочешь сказать, что это сделал мой муж? Что это значит?

– Только то, что он спас мою жизнь, – ответил раввин.

– Это я уже слышала. Ты это сказал. Кто послал тебя сюда? Зачем ты пришел?

Раввин покачал головой, беспомощно развел руками. Он был смущен, озадачен, явно не знал, что ему делать.

– Если бы вы, донья Мария, пришли в мой дом, я просто приветствовал бы вас, не спрашивая, зачем вы пришли.

Мария сделала шаг по направлению к нему.

– Чтобы я пришла в твой дом, еврей? Такого быть не может! Скорее солнце не взойдет. Ясно тебе? Не может такого быть!

Алверо не выдержал. Он вбежал в галерею с криком:

– Мария! – В его голосе звучала боль.

Этот крик заставил Катерину вернуться. Она остановилась в дальнем конце галереи, наполовину скрытая за дверью. Хулио тоже не нашел в себе сил уйти и стоял тут же неммым свидетелем, словно исход этой встречи был настолько непредсказуем, что – как знать – вдруг и от его присутствия зависят жизнь и смерть всех присутствующих.

Мария пристально посмотрела на мужа, затем – на редкость спокойно – заговорила:

– Этот еврей хочет видеть тебя. Утверждает, что ты спас ему жизнь. Я сказала, что он не может находиться здесь.

– Этот еврей, – прошептал Алверо.

Он двинулся было к Мендосе, хотел что-то ему сказать, но не нашел слов. Вместо этого он подошел к Марии и прошептал:

– Мария, Мария, лучше б ты вонзила мне в сердце нож! Человек приходит в наш дом. Пусть этот человек – искуситель. Но он приходит в наш дом. И тогда он – гость. Он под нашей крышей. Разве мы ударим его? Разве оскорбим? Разве унизим?

– Ты подслушивал, – сказала Мария.

– Я слышал ваш разговор.

– Ты подслушивал, – повторила Мария. – Как ты мог? Как ты мог подслушивать?

– Значит, тебя волнует только то, что я все слышал?

Мария посмотрела на мужа долгим взглядом. Затем повернулась, устремилась к двери, где стояла дочь, и вышла. Катерина же, напротив, вернулась в галерею. По ее щекам текли слезы. Сделав несколько шагов, она остановилась. Старик Хулио коснулся бархатного камзола Алверо.

– Я старик, – сказал Хулио, – а вы смотрите на меня так, дон Алверо, что мне лучше умереть.

– Я доверяю тебе, – хрипло прошептал Алверо.

– Это правда? – переспросил Хулио. – Иначе я пойду на конюшню и всажу нож себе в живот.

– Правда. – Голос у Алверо сел.

Катерина между тем решительно направилась к столу, где стояли бокалы и графин с вином. Наполнив бокал, она уверенно подошла к Мендосе и поднесла ему вино. Он по-прежнему стоял неподвижно, и тогда Катерина сказала:

– Попробуйте наше вино, сеньор Мендоса.

Алверо смотрел на них. Мендоса принял из рук Катерины бокал, она пододвинула раввину стул, предложив ему присесть.

– Я буду пить один? – спросил Мендоса.

– Налей мне тоже, – сказал Алверо дочери и велел Хулио принести хлеба.

– Достаточно и вина, – произнес Мендоса.

– Это мой дом, – сказал Алверо, и в голосе его звучала горечь. – Если вы пьете вино, то преломите со мною и хлеб.

Он подошел к дочери, поцеловал ее и шепнул, чтобы она оставила их. Она кивнула и вышла. Словно участники живой картины, Мендоса и Алверо, не говоря ни слова, стояли, пока Хулио не вернулся с хлебом. Алверо взял хлеб и, преломив его, протянул кусок еврею – тот стал сосредоточенно его жевать, словно пробовал на вкус.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил Алверо.

Мендоса уселся за стол, Алверо сел напротив. Раввин заговорил о его дочери. Алверо показалось, что раввин цитировал или пересказывал какие-то места из Библии, но он не был в этом уверен. Сам он не очень хорошо знал Библию.

– Б-г благословил вас замечательной дочерью, – сказал Мендоса.

– Думаю, вы правы, но не забывайте, что благословение может обернуться проклятием. Я люблю дочь больше жизни.

– Любовь никогда не бывает проклятием.

Хулио – он до сих пор стоял возле них – неожиданно вышел, а Мендоса сказал Алверо:

– Этот человек любит вас. Почему вы боитесь его, дон Алверо?

– Мы в Испании, рабби. Нам надо учиться жить в страхе.

– Странное утверждение, дон Алверо, ведь не все жители Испании – евреи.

– Я вас не понимаю.

– Я хочу сказать, что жить в страхе – привычка преимущественно еврейская. Тем не менее бояться не стоит. Если жить в страхе и всего бояться, тогда вы правы, дон Алверо, любовь может стать проклятием. Но можно жить в страхе и не бояться – и тогда всякая любовь будет благословением. Но зачем я все это говорю? Я пришел в ваш дом не для того, чтобы говорить на философские темы. На самом деле я сожалею, что пришел к вам. Меня привели сюда неосмотрительность и отчаяние.

– Мне не за что вас прощать, – возразил Алверо.

– Даже за то, что вы спасли мне жизнь? – спросил Мендоса.

– Прощать за это? Я вас не понимаю. Вы были в опасности, и я сделал для вас то, что сделал бы для любого, оказавшегося в таком положении. Мой поступок не заслуживает ни благодарности, ни обсуждения. В нем нет ничего особенного.

– Только не для меня, – возразил Мендоса.

– Я не то хотел сказать. Теперь уж вы простите меня.

– Вы особенный человек, дон Алверо, но, возможно, все испанские дворяне – особенные люди. Всем вам свойственны любезность и изысканные манеры, а это своего рода благословение. Думаю, поэтому мне так больно видеть, что вы напуганы.

– В таком случае я должен вам сказать, что я несколько не напуган. Б-г мой, чего мне бояться? Того, что еврей пришел в мой дом? Вы ведь духовное лицо, рабби?

– У вас свои духовные лица, дон Алверо.

– Тогда вы не можете даровать мне утешение.

– Пожалуй, нет, – согласился Мендоса. – Я пришел за утешением к вам, что непростительно, а теперь, с вашего позволения, удалось и больше ни с какими просьбами обращаться не буду.

– С какими просьбами, рабби? Что я могу для вас сделать?

– Вы уже достаточно сделали. Если вы помогли мне однажды, разве это значит, что вы всегда должны мне помогать?

– Возможно.

– Придя сюда, я подверг вас опасности, а значит, вы больше ничего мне не должны, – сказал Мендоса.

– Зачем вы пришли?

– Следует ли мне отвечать?

– Думаю, да, – кивнул Алверо. – Я и так плохо сплю. И не хочу совсем лишиться сна.

– Хорошо, – согласился еврей. – Известно, что вы – друг Торквемады.

– Откуда вам это известно? – удивился Алверо. – Потому что в тот раз я был с ним?

– В Сеговии об этом давно знают.

– Пусть так, я его друг, – пожал плечами Алверо. – Ничто человеческое ему не чуждо, он чувствует, страдает и тоже плохо спит – верите вы этому или нет.

– Верю.

– Он человек и нуждается в друзьях. Вы правы, мы дружим уже много лет.

– В таком случае вы должны знать, что он решил разрушить нашу синагогу – сжечь дотла.

– Не может быть! Это нелепость! Зачем?

– Разве мало тому причин, дон Алверо? Неужели вы не видите? Торквемада ненавидит евреев. Вы скажете на это, что многие ненавидят евреев. Но он ведь еще и великий инквизитор – глава инквизиции всей Испании.

– Пусть так, но ему не дозволено ни ущемлять права евреев, – возразил Алверо, – ни разрушать синагогу. И вы это знаете. Инквизиция имеет право карать еретиков, вероотступников, богохульников, но не евреев.

– Права, нарушение прав – вы изо всех сил стараетесь мыслить в рамках закона, дон Алверо. Но все решает сила. Торквемада говорит, он проповедует. Он призывает обуздать заразу. Он добродетельный человек, ваш Торквемада, и полагает, что исполняет Б-жьё волю. Это беда всех добродетельных людей. Они говорят от имени Б-га, и Торквемада слишком многих убедил в том, что Б-г хочет, чтобы синагогу сожгли.

Алверо пристально смотрел на Мендосу – мрачно, подозрительно, ничего не говоря. Мендоса некоторое время сидел молча, а потом стал подниматься.

– Должен ли я покинуть ваш дом, дон Алверо?

– Только если сами того хотите, – пожал плечами Алверо.

Мендоса встал из-за стола. Он покачал головой; казалось, его бьет дрожь. Минуту-другую он стоял молча, потом сказал:

– Если, на ваш взгляд, какое-то там строение – ничто по сравнению с человеческой жизнью, тогда, полагаю, вы правы. Для меня в синагоге есть нечто такое, чего другие не видят. Это очень старая синагога, и уже по одному по этому она для нас свята. Вот отчего мы ее называем святой и считаем, что за ней присматривает Г-сподь Б-г. Она стоит здесь, в Сеговии, две тысячи лет. Ее построили еще карфагеняне. Среди них было много евреев. Многие известные ученые считают, что Гамилькара^[2] родился в еврейской семье, а однажды я видел древний пергамент, в нем приводились факты, которые дают основание полагать, что сам Ганнибал посещал нашу синагогу. Есть также древнеарамейская надпись на камне, гласящая: «Здесь Ганнибал приносил жертву Б-гу своих отцов, Б-гу Исаака, Авраама и Иакова». Однако трудно сказать, насколько достоверна эта надпись: возможно, кто-то просто поверил в легенду и решил увековечить ее таким образом...

Теперь встал и Алверо и, глядя на раввина, заговорил. Голос его охрип; он доказывал, что синагога – всего лишь здание, ни больше и ни меньше:

– Дома строятся, и дома разрушаются! – чуть не кричал Алверо.

– Знаю, знаю.

– Да ни черта вы не знаете! – выкрикнул Алверо. – Я ничем не могу вам помочь. Ясно? Не уверен, что вы сами понимаете, о чем просите. Знаете ли вы, о чем просите? Отдадите себе в этом отчет?

– Отдаю, – тихо произнес раввин.

– Почему вы пришли ко мне? Почему из всего нашего города выбрали именно меня? Поговорим начистоту. Я имел дело с евреями. В Испании нет ни одного купца, который не вел бы с ними дел, и я знаю, как вы работаете. Вы покупаете, вы продаете, и вы подкупаете. Не менее сотни раз вы подкупали городской совет Сеговии. Подкупали и священников. И даже епископов. Почему же теперь вы пришли ко мне? Соберите столько денег, сколько потребует, и ваша синагога будет спасена. При чем тут я? Почему из всей Сеговии вы выбрали меня? Потому что я спас вам жизнь?

– Нет, не потому.

– Конечно же, потому. Мой поступок превратил меня в вашего раба. Покорного слугу. Нечаянно я спас жизнь одному еврею и навсегда стал заложником остальных. Теперь я должен спасать жизни уже тысячам ваших единоверцев, спасать синагогу, а не синагогу, так что-то еще, что вы от меня потребуете...

– Позвольте мне уйти, дон Алверо, – взмолился раввин.

Алверо схватил еврея за руку, резко повернул лицом к себе и, притянув его почти вплотную, спросил:

– Почему вы пришли ко мне? Почему из всей Сеговии выбрали меня? Не потому, что я спас вам жизнь. Есть другая причина.

– Вам обязательно нужно ее знать?

– Да, – прошептал Алверо.

– Ну что ж, хорошо, – согласился Мендоса; он говорил тихо, так тихо, что Алверо пришлось чуть ли не прижаться ухом к лицу раввина, чтобы услышать, что он говорит. – Я назову вам эту причину. Я знал вашего отца по Барселоне. Знал, кто он и каков он. Я любил его, доверял ему и подумал: может быть, сын похож на него.

в

Когда Мендоса ушел, Алверо сменил платье, натянул сапоги для верховой езды, взял шпагу и приказал седлать коня. Он вышел из своих покоев и спустился вниз, где его поджидала Катерина – жену после ухода Мендосы он не видел. Дочь спросила, куда он собрался, он оставил ее вопрос без ответа. Она взяла его за руку, пошла рядом, и Алверо, не удержавшись, сказал:

– Ты хорошеешь с каждым днем.

– А ты день ото дня становишься все красивее, – в тон ему ответила Катерина. – Будем и дальше расхваливать друг друга? К чему это? Мне больно, когда вы с матерью ссоритесь.

– Мы не ссоримся, – оборвал ее Алверо.

– Почему она ненавидит евреев? – спросила Катерина.

– Многие ненавидят евреев.

– Я не испытываю к ним ненависти. Разве они такие уж плохие?

– Люди как люди, – пожал плечами Алверо. – Одни хорошие, другие плохие.

– А этот человек, раввин Мендоса... его ведь так зовут? Скажи, он хороший или плохой?

– Ты хочешь, чтобы я судил людей? Я видел его однажды на дороге и тогда помог ему, и второй раз сегодня, у нас в доме. Мы немного поговорили. Разве этого достаточно, чтобы узнать человека? Иногда на это и целой жизни мало.

– А кто такой раввин? Это священник?

– Не совсем.

– Что ты имеешь в виду, говоря «не совсем»? Разве ты не знаешь?

– Знаю.

– Тогда почему не говоришь?

– Не потому, что хочу что-то скрыть от тебя. Раввин – нечто среднее между священником и учителем... – Неожиданно Алверо повернулся от дочери и направился к Хулио – тот держал под уздцы его коня. Когда Катерина подошла к нему, он уже сидел на лошади.

– Я вернусь сегодня вечером, – сказал он.

Катерина стояла молча, не сводя с отца глаз.

– Что ты так смотришь на меня? – спросил Алверо.

Лицо Катерины неожиданно озарила улыбка.

– Ты очень красивый мужчина, дон Алверо. Почему я не понимала этого раньше? Ты немолод, но очень красив.

Алверо поднял коня на дыбы и, прищпорив, выехал за ворота. Резвым галопом он поскакал к окраинам города, зная, что дочь смотрит ему вслед; однако, отъехав подальше от дома, перешел на рысь, а затем и на шаг. Ван Ситтен – Алверо расстался с ним всего несколько часов назад – должно быть, провел это время в одной из гостиниц Сеговии, и сейчас Алверо увидел, что он скачет впереди, окликнул его и прищпорил коня. Узнав Алверо, Ван Ситтен осадил лошадь и подождал, пока тот подъедет. На окраине дорога проходила через оливковую рощу. Вдали под палящим солнцем в поле работали крестьяне, небо было ясное, синее со стальным оттенком. Ван Ситтен утер пот и сказал:

– Нам, голландцам, всегда не хватает солнца, но, думаю, стоит пробыть несколько дней в Испании и мечтать о нем забудешь. Б-же, ну и жара! А тебе хоть бы что!

– Ко всему привыкаешь, – ответил Алверо. – Куда ты теперь, добрый друг?

– Сначала во Францию, потом домой.

– Я заметил, ты торопишься покинуть Испанию, – сказал Алверо.

– На этот раз в Испании мною овладел страх, – признался Ван Ситтен. – Не слишком приятное ощущение.

– Никогда не известно, когда к тебе подкрадется страх, – сказал Алверо.

– Так же как и смерть.

– Тебе смерть не грозит.

– Зато грозит Испании, – сказал Ван Ситтен. – По-моему, Испания гибнет. И если у тебя еще осталась хоть толика здравого смысла, Алверо, ты поедешь со мной.

Алверо покачал головой, но ничего не ответил. Они ехали рядом, Ван Ситтен продолжал убеждать друга и заверил Алверо, что, если тот решится покинуть Испанию, он будет ждать его до завтра и договорится, как переправить его семью. Алверо казалось, что страх Ван Ситтена граничит с безумием, и он старался успокоить друга. Наконец они подъехали к развилке. Дорога на север сворачивала влево, монастырь Торквемады был в полумиле направо. Они пожали друг другу руки и распрощались. Алверо смотрел вслед Ван Ситтену. Один раз тот остановился, повернулся в седле и долго смотрел на друга, но Алверо и на этот раз лишь покачал головой, как бы в ответ на его немой вопрос. Ван Ситтен вновь пустился в путь, и вскоре, исчез за поворотом. Алверо прищпорил коня и направился к монастырю.

Монастырь стоял на равнине в окружении роскошных фруктовых садов, оливковых деревьев и виноградников. В садах, подоткнув рясы и закатав рукава, работали дочерна загорелые монахи, их

тонзуры блестели на солнце. Они едва взглянули на Алверо, и он провел между ними коня так, словно они пребывали в разных измерениях.

У монастыря Алверо спешился и под узцы подвел коня к коновязи с вбитыми в нее железными кольцами. Привязав коня, он подошел к деревянным дверям монастыря. Тишину нарушал лишь скрежет вонзающихся в землю мотыг. Алверо открыл тяжелую дверь и вошел.

Едва он переступил порог, ему показалось, что он в аду – такая крошечная тьма окружала его. Он немного постоял, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте, потом двинулся вперед – за поворотом ему открылся длинный коридор, освещенный солнечными лучами, проникавшими сквозь незастекленные окна. Он остановился на мгновение, поглядел, как на его руках играют солнечные лучи, – и тут в противоположном конце коридора появился монах. Он медленно шел к нему, а в нескольких футах от Алверо застыл – молчал, ничего не спрашивая и ничего не предлагая.

– Я хотел бы повидать отца Томаса, – сказал Алверо.

Монах, казалось, задумался. Это был лысый загорелый человек с толстой шеей и плоским крестьянским лицом. Люди такого типа не менее древние, чем земля Испании, они такие же живучие и такие же бесчувственные. Обдумав просьбу Алверо, монах кивнул и, пригласив его следовать за собой по коридору, привел к двери, на которой был начертан алый крест. Сделав Алверо знак подождать, он открыл дверь и вошел в комнату. Вскоре он вышел, кивком пригласил Алверо войти, сам же остался в коридоре и, дождавшись, когда Алверо зайдет, закрыл за ним дверь.

Алверо оказался в аскетически обставленной келье – примерно тридцати футов в ширину и двадцати в длину. Дверь, через которую он вошел, находилась как раз по центру. На стене напротив, почти под потолком, располагались окна с цветными стеклами. Солнечные лучи, проникавшие сквозь окна, заливали все помещение странным светом, придавая келье какой-то нереальный вид. Стены, как и пол, были выложены из камня, слева всю стену занимало огромное распятие – вырезанный из дерева Христос застыл в вечной агонии невыносимого страдания.

Из мебели в комнате был длинный трапезный стол, за ним семь обращенных к двери стульев, обтянутых черной кожей, с высокими, завершавшимися крестом спинками. На столе в двух огромных медных подсвечниках стояли толстые свечи. Сейчас они не горели: дневного света вполне хватало. Рядом лежали массивная латинская Библия в кожаном переплете, крест, распятие и несколько пергаментных свитков. За столом, напротив двери сидел Торквемада, упершись подбородком в сложенные руки, и неподвижно смотрел на стол перед собой. Торквемада не поднял глаз на Алверо – тот продолжал стоять, а Торквемада все так же сидел за столом, не глядя на него. Затем приор неспешно поднял глаза и встретил взгляд Алверо. Однако он продолжал молчать, и тогда, четко выговаривая каждое слово, заговорил Алверо:

– Я встретил человека, который сказал, что Испания гибнет.

– И ты пришел сказать мне это, – кивнул Торквемада.

– Нет, – сказал Алверо. – Было время, когда я пришел бы к тебе просить о великом благодеянии. Пришел бы, чтобы преклонить колена. Чтобы поцеловать твою руку и просить дать мне такую веру, которая помогла бы устоять в любых испытаниях.

– Кто-то сказал глупость, и ты пришел бы просить укрепить тебя в вере?

– Иногда глупец мудрее мудреца.

– Но чаще он всего лишь глупец, – улыбнулся Торквемада. – Страна не погибнет только потому, что кто-то так сказал. Должен ли я вселить в тебя веру, дон Алверо?

– Раньше мы были друзьями. Когда умерла наша дружба?

– Разве она умерла, дон Алверо?

– Видно, настал час.

И тогда Торквемада сказал:

– Скажи мне, когда, дон Алверо, скажи мне, когда настал этот час?

– Если хочешь, скажу, – согласился Алверо. – Он настал, когда ты узнал, в чем твой долг, когда ты, отец Томас, стал на путь праведности.

– Это ни о чем не говорит, дон Алверо, – разве только о том, что ты умный человек. Ты утверждаешь, что я стал на путь праведности. Ты очень умный человек, я всегда это знал. Тебя, видимо, прельщает священник, которому недостает праведности. Весьма интересно. Значит, ты пришел сюда, не дожидаясь моего зова, чтобы сказать это?

– Меня терзают сомнения, Томас. Разве это признак ума? Признаюсь, я страдаю. Я, конечно же, не очень умен. Что за игру ты ведешь со мной?

– Я не веду никакой игры.

– В чем тогда дело?

– Ты желаешь исповедоваться? – спросил Торквемада участливо.

– Кому – священнику или великому инквизитору?

– Это один и тот же человек, – пожал плечами Торквемада.

– Не думаю. Я знал священника.

– А я по-прежнему знаю тебя, дон Алверо, – сухо произнес Торквемада. – Знаю лучше, чем ты думаешь.

– Лучше, чем я сам себя знаю?

– Возможно. Вполне возможно, что я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя. Я многое знаю, дон Алверо. Например, что сегодня в твой дом приходил раввин Биньямин Мендоса.

– Ты, Томас, не теряешь времени – шпионишь за мной, – не сдержался Алверо.

– Святая инквизиция не занимается слежкой, – спокойно возразил Торквемада. – Она все видит. Кто, кроме нее, откроет глаза, на то, что происходит? Вы хотели бы покончить с инквизицией и сделать нас всех слепыми? Тебе никогда не приходило в голову, что если Испания гибнет, то в этом виноваты евреи, взявшие ее за горло?

– Меня всегда учили, что святая инквизиция – церковный суд и евреями она не занимается.

– Это чистой воды софистика, недостойная тебя, дон Алверо. Святую инквизицию тревожит судьба христиан, которые являются христианами только на словах; особенно тревожимся мы за души тех из них, кто следует еврейским обычаям, тайно совершает иудейские обряды и ставит под угрозу бессмертие своей души. Что же до раввина Мендосы, я знаю, зачем он приходил к тебе.

Алверо слушал и задавал себе вопрос, испытывает ли он страх. Боишься ли ты, дон Алверо де Рафель, спрашивал он себя. Ты испанский дворянин, и несмотря на это, ты во власти страха. Ты, испанец, чувствуешь себя здесь чужим. Что ответишь ты этому человеку, Томасу де Торквемаде?

Вслух он произнес:

– Эта синагога очень древняя.

– Так вот какие у тебя аргументы, Алверо? – спросил Торквемада удивленно. – Ты выступаешь в защиту древности и ее ценностей? Синагога – древнее строение, но и евреи – тоже древний народ. Чтобы уничтожить одно, нужно уничтожить другое. Пока есть евреи, есть опасность, что христиане будут переходить в их веру. Так ты пришел просить меня о сохранении синагоги?

– Я не такой мужественный, Томас, – заговорил Алверо серьезно и искренне. – Я боюсь. И признаюсь в этом. Испанский дворянин признаётся в том, что он напуган, что он в ужасе. А раз так, то кто сегодня во всей Испании решится попросить не трогать синагогу?

Торквемада неожиданно улыбнулся и покачал головой.

– Алверо, Алверо, ты удивляешь меня.

– Ответь мне, – упрямо настаивал Алверо.

– Ответить? Кто попросит за синагогу? Ответ очевиден, Алверо. Конечно, еврей.

– Но я не еврей! – вырвалось у Алверо.

– Нет, ты не еврей, – повторил Торквемада, кивнув. Он взял со стола один из пергаментных свитков, развернул и некоторое время рассматривал его. – Но ты ведешь дела с неким Гансом Ван Ситтенем, голландцем, в нем большая примесь еврейской крови, и он исповедует иудаизм. Здесь, в Сеговии, он посетил синагогу, когда евреи молились. Знаешь ли ты, что у меня есть четыре надежных свидетеля, которые присягнут, что он иудей?

– Не могу в это поверить!

– У меня надежные свидетели, – продолжал Торквемада. – Это чистокровные испанцы, и они готовы поклясться, а ты говоришь, что не можешь в это поверить?

– Он голландец.

– Можно ли втиснуть бессмертную душу в национальные рамки? Пусть он голландец, но и над ним Б-жья воля. Он твой друг, но очистить его и даровать надежду – не в преходящей, земной жизни, а в жизни вечной может лишь одно. Так неужели ты помешаешь ему спасти душу?

– О чем ты?

– О костре, – отвечал Торквемада. – Ты ужаснулся?

– Да, ужаснулся, – признался Алверо.

– Ты думаешь, легко посылать на смерть живого человека? Но, мой дорогой Алверо, еще страшнее знать, что гибнет его душа. Ты согласен со мной?

Алверо не находил слов. Он стоял, молча глядя на Торквемаду.

– Ты тут говорил о дружбе, Алверо. Я хочу заключить тебя в свои объятия и открыть тебе свое сердце, но даже ради тебя я не могу пойти против веры. – Подняв руку, он наставил палец на Алверо: – Вот что я тебе скажу. Доставь мне доказательства того, что Ван Ситтен – еретик. Огласи их перед инквизицией. Тогда я раскрою тебе свои объятия. Тогда услышу твои просьбы, твои ходатайства.

Алверо по-прежнему молчал и пристально смотрел на Торквемаду.

– Я прошу тебя лишь доказать, что ты христианин, – сказал Торквемада.

Алверо сглотнул, собрал все силы и с трудом выдавил из себя:

– И я должен доказывать это тебе?

– Не мне, – ответил Торквемада. – Бгу.

Выйдя из монастыря, Алверо некоторое время стоял у дверей, переводил дух. День клонился к вечеру; большая стая цапель, медленно взмахивая крыльями, летела по небу к своему гнездовью. Пока Алверо следил за ними, в их строй ворвался сокол, и Алверо подумал: а ведь где-то еще люди занимаются соколиной охотой. И от души им позавидовал. Странная мысль, подумал он, если учесть, как он подавлен.

Алверо направился через сад к коновязи, где оставил коня. Прошел мимо монахов, которые, не обращая на него никакого внимания, продолжали заниматься своими делами. В этом тихом, уединенном месте он тоже старался молчать и не обращать на себя ничего внимания, постоял у коновязи, вскочил в седло и поехал прочь от монастыря.

Тишина распространялась все дальше. Она окутала поля, серовато-коричневые горы вдали. Алверо расстегнул рубашку и вытянул из-под нее серебряную цепочку. На цепочке рядышком висели крест и серебряный цилиндр. Алверо с интересом ощупал их, подержал на ладони, а затем вновь спрятал под рубашку. Он уже выехал на большую дорогу и, не отдавая себе в том отчета, удалялся от Сеговии на север. Конь замедлил шаг, погруженный в свои мысли Алверо отпустил поводья. Эти мысли укрыли, укутали его еще одним защитным слоем внутри той величественной тишины, которая со всех сторон окружала его. Дорога пошла в гору, конь еле плелся. На вершине холма он остановился, но Алверо так и сидел в седле, застыв под пылающим послеполуденным солнцем.

Он смотрел на простиравшуюся перед ним северную дорогу, но не видел ее. На дороге показались два всадника в доспехах, они медленно ехали навстречу Алверо. На этих людях с суровыми лицами были кирасы и поножи, их кони тяжело ступали. К передней луке седла одного из них была привязана веревка. Конец ее затягивался петлей вокруг шеи Ван Ситтена.

Алверо разглядел их, только когда они подъехали ближе, – увидел внезапно, словно перед ним раздвинули занавес, и узнал голландца. Руки Ван Ситтену связали за спиной. Одежда на нем была разорвана, сам он с головы до ног запачкан грязью и кровью. Время от времени всадник, к седлу которого был привязан Ван Ситтен, ударом плетки пускал коня в галоп. Тогда Ван Ситтен пускался бежать, стараясь не отстать, падал, хватался за веревку руками, чтобы не дать петле затянуться на шее, поднимался на ноги и снова бежал, падал и бежал снова. Но каждый раз, когда, казалось, Ван Ситтен вот-вот задохнется, всадник останавливался и ждал, пока тот придет в себя.

Приблизившись к Алверо, всадники осадил лошадей, приветствуя его – как и подобает простым людям при встрече со знатным испанцем. Это были солдаты церкви, нанятые на службу инквизицией, – от сытой и спокойной жизни они изрядно ожирели. От их нечесаных волос, от немывтых тел шел зловонный дух – казалось, он окутывает их плотной пеленой. Сидя в седлах, они ухмылялись Алверо, а он, в свою очередь, молча взирал на эту сцену. Тем временем Ван Ситтен заковылял к Алверо, беззвучно шевеля губами. Он открывал и закрывал рот. Алверо понимал, что голландец пытается что-то сказать, но не может вымолвить ни слова – губы его распухли, горло пересохло. Алверо молчание друга казалось частью великого молчания вокруг, а сквозь него прорывался безмолвный и страшный вопль – Ван Ситтен молил о помощи, просил сжалиться, хоть какого-то заступничества.

Но Алверо не мог вмешаться. Не мог даже пошевелиться. В воображении он уже выхватил шпагу, уложил обоих солдат, освободил Ван Ситтена, отвез его к себе домой, дал ему чистую одежду, свежего коня и помог бежать. Все это промелькнуло в сознании Алверо, но в действительности ничего такого не случилось и через какое-то время солдаты пришпорили коней и пустились в путь, волоча по пыльной дороге за собой Ван Ситтена.

Минуты тянулись долго. Конь бил копытом, нетерпеливо перебирал ногами, и наконец из груди Алверо вырвался стон. Алверо услышал, как он стонет как бы со стороны – даже если бы Ван Ситтен обрел голос, он не стонал бы с такой мукой. Алверо пришпорил коня и не отпускал шпоры до тех пор пока конь не перешел на бешеный галоп.

Время остановилось для Алверо. Он гнал коня кругами, вонзал ему в бока шпоры, нахлестывал плетью, не давал ему отдыха, пока измученный конь не оступися и не упал. Алверо вылетел из седла и, перекатившись по земле, уткнулся лицом в грязь и замер. Поднявшись на ноги, он увидел в нескольких шагах от себя крестьянина – тот стоял и молча смотрел на него, но помочь не торопился. Алверо подошел к коню, того била дрожь – морда в пене, круп горячий и влажный. Взяв коня под уздцы, Алверо повел его прочь. Стемнело, дорога была еле видна. Потом Алверо сел на коня и поехал назад в Сеговию.

Алверо чувствовал себя опустошенным. Пустота была мучительной, иссушающей, он слабел, его мутило. Казалось, душа покинула его, он омертвел.

Когда Алверо подъезжал к дому, кто-то окликнул его; он обернулся и разглядел в темноте Хуана Помаса – тот пустил своего коня рысью, чтобы догнать его. Взошла луна, и при ее свете Помас увидел, что на его будущем тесте нет лица, и это заставило юношу воздержаться от вопросов. Они вместе подъехали к конюшне и спешили. Конюх, уводя коней, сказал Алверо:

– Вы совсем загнали коня, хозяин.

Алверо молча посмотрел на него, но ничего не ответил. Затем повернулся к Хуану.

– Иди, скажи, что я вернулся, – приказал он. – Пойду переоденусь.

С этими словами Алверо повернулся и ушел в дом. У себя в комнате он сорвал всю одежду – тут же явился Хулио с водой и губкой. Слуга молча протер его губкой, Алверо насухо вытерся, надел черные чулки, черные штаны, белую рубашку и накинул длинный черный халат. И, не сказав Хулио ни слова, вышел из комнаты и спустился вниз. Алверо остановился на пороге галереи, услышав голос Катерины – высокий и, как обычно, возбужденный. Она рассказывала Марии, как провела день: она ходила к женщине по имени Карлотта, о которой говорили, что та делает лучший в Сеговии сыр с перцем. Марии не нравился этот сыр: она считала, что это еда бедняков и дворянам негоже его есть, но Катерина пристрастилась к нему, разделяя трапезы со слугами. Катерина не скрывала, что, несмотря на все возражения и протесты матери, купила сыр, и теперь рассказывала о ссоре Карлотты с мужем. Катерина оказалась свидетельницей их драки. Алверо услышал слова дочери, в которых звучало волнение и испуг:

– ... ужасная драка, мама. Она визжала, обвиняя его в том, что он спит с другими женщинами – с двумя разом. Он ведь страшный как черт – не понимаю, как это он нашел двух женщин, которые согласились иметь с ним дело...

– А ты стояла и слушала! – возмутилась Мария. – Как ты могла? Как ты могла до этого опуститься? Где твоя гордость?

– Мама, при чем тут гордость, и к тому же я достаточно взрослая. Я знаю об отношениях между мужчинами и женщинами. Меня такими скандалами не удивишь. Я видела стычки и похуже между нашими слугами – они такое говорили друг другу... Просто я покупала сыр, вот и все, а хороший сыр с перцем можно купить только у Карлотты...

– Опять ты о сыре! – воскликнула мать. – И почему ты такая упрямая?

– Мама, – сказала Катерина, – хватит про сыр. Неужели ты не хочешь услышать, что случилось дальше?

– Ну ладно, заканчивай свой рассказ, – разрешила Мария.

– Карлотта кричала, что мать ее мужа шлюха, и бабка шлюха, и прабабка, а потом схватила длинный нож, которым режет твердый сыр, и стала гоняться за ним вокруг большого стола – они на нем отжимают творог. Она увидела меня, но это ее не остановило. Мама, представь себе, она продолжала гнаться за ним, а мне крикнула: «Дорогая, ты уже взрослая, иначе я бы такого при тебе не допустила, да и не позволила бы этому гнусному негодяю находиться в одной комнате с тобой». Словом, что-то вроде этого, и самое удивительное, что она не прекратила гоняться за ним, а он – убежать от нее...

Тут Мария увидела Алверо и пошла к нему. Катерина смеялась. Она так заливисто смеялась, что не могла говорить. Подбежав к отцу, она расцеловала его.

– Где ты был? Ужин перестоял, – недовольно спросила Мария.

Переступив порог, Алверо увидел и Хуана он стоял чуть поодаль. Катерина перестала смеяться, отпустила отца и отошла к Хуану. Теперь все трое смотрели на Алверо. В нем произошла какая-то перемена, и дело было не в одежде. Он и сам чувствовал, что переменился, и сурово сказал им, что пора садиться за стол.

Ужин – его подали в столовой – прошел почти в полном молчании. Столовая, менее просторная, чем галерея, была обставлена строго – в духе времени; ее освещала люстра с тридцатью свечами. Алверо нравились белые оштукатуренные стены с темными деревянными панелями. Посреди одной стены он повесил круглый мавританский бронзовый щит – одно из самых красивых изделий из бронзы, когда-либо виденных им. Этот щит он подобрал на поле сражения двадцать лет назад. Стол, как и обычно, когда они здесь ели, был застелен белой льняной скатертью, на ней были расставлены серебряные тарелки, инкрустированные золотом. Ножи и вилки – как столовые приборы они только-только появились в Испании – были железные, но ложки – из чистого золота.

У Алверо кусок не лез в горло. Он не мог заставить себя есть, и когда Мария обратила на это внимание, Алверо ответил, что его мучает не голод, а нечто другое.

– Что случилось? – спросила Мария. – Где ты был?

Он уклонился от ответа, и она повторила свой вопрос снова.

– Ездил верхом, – ответил Алверо.

Пристально глядя на него, Катерина сказала, что отец опоздал на обед по вполне уважительной причине. Она знала, что отец любит ездить верхом и когда у него случаются неприятности, ищет выход на верховых прогулках. Хуан сидел молча; было видно, что ему не по себе. Катерина время от времени улыбалась и кивала молодому человеку, чтобы он не нервничал. Назревала семейная ссора, и Катерине было жаль Хуана: он пришел некстати.

– Ах вот как! Ты ездил верхом! – повысила голос Мария. – Это, по-твоему, ответ? Ты ездил верхом. Я не имею права спрашивать, где ты был, что делал, кого видел. Ты отвечаешь – ездил верхом! Ты не прикасаешься к еде, а когда я спрашиваю, почему ты не ешь, отвечаешь загадками...

– Вся наша жизнь – загадка, – мягко ответил Алверо.

Его мучила жажда. Он осушил бокал вина, Хулио наполнил его снова.

– Что за чушь! – фыркнула Мария. – Как можешь ты говорить такую чепуху при Хуане? Мы одна семья. Хуан – тоже, можно сказать, член нашей семьи. Он сказал нам, что твой конь в мыле и ты чуть не загнал его.

– Я скакал во весь опор, – отрезал Алверо.

– Ты был нам нужен, – сказала Мария, – но, похоже, конь тебе дороже семьи.

– Зачем я был вам нужен? Что случилось?

– Без тебя приходил приор, – ответила Мария.

– Торквемада?

– Меня не было дома, – сказала Мария. – Он говорил с Катериной.

Алверо повернулся к дочери, та поспешила его успокоить:

– Отец, он всего лишь поинтересовался, почему ты носишь на шее серебряный цилиндрок. Видишь, ничего особенного.

– И что ты ответила ему, дитя мое? – мягко спросил Алверо.

– Я сказала, что ты его носишь, сколько я тебя помню, – пожала плечами Катерина и спросила отца, что это за цилиндрок. – Понимаешь, отец, я не знаю, что это такое и почему ты его носишь. Скажи, почему?

– Он мне дорог как память, – ответил Алверо. – Я отказался от большей части воспоминаний, но расстаться со всеми – невозможно. Никому – ни мне, ни Торквемаде.

Алверо нащупал под рубашкой цепочку и снял ее через голову. Положил крест и цилиндрок на стол перед Катериной, но тут к нему обратилась Мария, голос ее звучал неприязненно:

– Алверо, что ты делаешь? Что за нелепые шутки? Торквемада приезжал сюда специально, чтобы расспросить о медальоне. Неужели ты ничего не понимаешь?

– Я знаю, что Торквемада приезжал сюда специально ради этого, – кивнул Алверо. – Добрый приор стремится знать как можно больше. Для него не должно быть тайн. Не сомневаюсь, он догадался, что именно я ношу на шее. А ты не догадывалась, Мария? Неужели тебе никогда не было интересно, что я ношу и почему? Неужели никогда?

Хуан Помас поднялся, он чувствовал себя неловко и попросил извинить его. Разговор их явно не предназначался для чужих ушей, и хотя со временем он тоже станет членом семьи, однако пока он им не является.

– Поэтому прошу извинить меня, – сказал он. – Я, пожалуй, пойду.

– погоди! – остановил его Алверо ледяным тоном. – Сядь, Хуан. Ты уйдешь, когда я разрешу тебе уйти. – Повернулся к Хулио и добавил: – Ты свободен. Мы останемся одни.

Хулио, степенно поклонившись, вышел; воцарилось молчание. Алверо крутил в руках крест и цилиндрок. Катерина следила за его руками, отмечая про себя, какие они сильные и ловкие, какие длинные и изящные у отца пальцы. Почему она не замечала этого раньше? Хуан после слов Алверо опустился на стул и теперь сидел, уставившись в стол. Мария, раздраженная и взволнованная, потребовала от Алверо, чтобы он объяснил, зачем к ним сегодня приезжал Торквемада. Алверо молчал, и тогда она указала на медальон и, срываясь на крик, спросила:

– Что это, Алверо?

– Ты спрашиваешь об этом сейчас – после того как мы прожили вместе двадцать два года?

– Отец, – взмолилась Катерина, – ради Бога, скажи, что сегодня произошло?

– Не знаю. Я ни в чем не уверен. Что-то произошло, но что – толком не могу сказать. Как бы это тебе объяснить... Эта... – Алверо поднял медальон. – Эта вещь принадлежала моему отцу, а до него – деду. Что это такое? Это святая вещь, такая же святая, как и крест. В ней лежит кусочек пергамента, на нем написано несколько слов...

– Перестань! Хватит! – Голос Марии звучал визгливо.

Алверо, словно не слыша жены, повернулся к Хуану и спросил: все ли он понял? Следил ли за его мыслью? Хуан покачал головой. Он был озадачен и испуган.

Катерине он напоминал попавшего в западню зверя, но Хуан не был зверем – совсем нет. Скорее цыпленком в руках повара, собакой, угодившей в капкан, или мужчиной, лишившимся мужества. Катерине хотелось заплакать, зарыдать, упасть на колени и молить отца позволить Хуану уйти. Но она молчала.

Тут встала ее мать.

– Я не хочу это слышать! Не хочу! – холодно объявила она.

– Сядь, Мария, сядь! Ты поняла меня? – В голосе Алверо сквозила горечь. – Я сказал, что тебе нужно сесть, Мария.

Жена повиновалась, снова села за стол.

– Чего ты не хочешь слышать? Того, что в тебе течет еврейская кровь? И во мне? И в Катерине? И в Хуане?

Хуан отчаянно замотал головой. Он открыл было рот, облизнул губы и снова замотал головой. Он страшно побледнел – Катерине показалось, что его черные глаза смотрят из посмертной маски.

– Ну что? Говори, Хуан Помас. – Голос Алверо понизился до шепота. – Ты не согласен со мной?

Хуан – он совершенно потерял голову – вскочил на ноги, через стол подался к Алверо и с мольбой сказал:

– Что вы делаете, дон Алверо? Ради Бога, что вы делаете со мной? Я христианин. И вы это знаете.

– Христианин? – переспросил Алверо – губы его скривились в улыбке.– Конечно же, ты христианин, Хуан Помас. Разве я это отрицаю? Но вот твой прадедушка, Якоб Помас, был раввином. Ты и его считаешь христианином?

– Я христианин. – Голос Хуана звучал жалобно.

Мария, чернее тучи, встала из-за стола, стремительно направилась к двери, но на пороге остановилась и вернулась к Алверо; подойдя чуть не вплотную к мужу, она прошипела:

– Ты сумасшедший! Ты потерял рассудок! Сумасшедший! Безумец! Тебя свяжут и упрячут в сумасшедший дом.

– Я сумасшедший? – устало переспросил Алверо. – Значит, ты, Мария, думаешь, что я сумасшедший? А что, если я просто не обманываю себя? Есть ли в Испании хоть одна благородная семья, в которой не было бы примеси еврейской крови? И разве твоя собственная мать не наполовину еврейка?

– Ложь! – вскричала Мария. – Как ты смеешь лгать и богохульствовать?

– Ты права, моя дорогая жена, – сказал Алверо.– Что такое наша жизнь – ложь, загадка, ну а потом, если повезет, эпитафия. Не знаю, но мне кажется, мы смертельно больны и вот-вот умрем. И Испания умрет вместе с нами.

Алверо поднял медальон повыше. Катерина спокойно, почти безучастно спросила:

– Что это, отец? Ты сказал, что там кусочек пергамента. На нем есть какая-то надпись?

Мария и Хуан застыли на месте – ждали, что ответит Алверо. Когда тот заговорил, Хуан рухнул: силы вдруг оставили его.

– Это называют еврейским заклятием, – ответил Алверо. – Такой кусочек пергамента евреи прибавляют к дверному косяку своих домов. В медальон вложен кусочек пергамента, и на нем надпись на иврите: «Возлюби Г-спода Б-га твоего всем сердцем твоим, всей душой твоею и всеми силами твоими».

Мария закрыла лицо руками, зарыдала и, спотыкаясь, вышла из столовой. Оставшиеся минуту-две сидели молча, потом Катерина спросила отца:

– И это все?

Алверо встал.

– Да, дитя мое, это все. Мне больше нечего сказать. Сейчас мне нужно идти к твоей матери. Она страдает. Не знаю, зачем я причинил ей эту боль. Поверь, раньше я никогда так не поступал.

С этими словами Алверо покинул столовую, Хуан и Катерина остались за столом. Катерина взяла цепочку, потрогала крест и медальон. Пребирала их, как перебирают четки.

– Катерина! – взмолился Хуан. – Прошу тебя, Катерина!

– О чем, Хуан?

Хуан ничего не ответил – молча сидел за столом. Тогда Катерина без обиняков спросила, почему он боится.

– Почему ты так боишься, Хуан? Ты сердисься на отца из-за того, что он сохранил этот медальон?

Хуан по-прежнему молчал. Катерина протянула ему цепочку. Он в ужасе отпрянул, словно в той таилась страшная угроза.

– Я не чувствую в себе никакой перемены, – сказала Катерина. – Час назад я не знала, что во мне и в тебе течет еврейская кровь. Теперь я это знаю. Но никакой перемены в себе не чувствую. Решительно никакой.

– Я христианин, как и ты. И тебе это известно, Катерина, – вырвалось у Хуана.

– Да, известно. И это означает, что я – и то и другое. Я еврейка и христианка, и это ничего не меняет.

– Что ты говоришь!

Катерина надела на шею цепочку и взглянула на Хуана. Тот яростно зашептал:

– Сними ее, пожалуйста! Ради всего святого, сними!

Катерина улыбнулась, сжимая цилиндрок в руке. И беспечно сказала:

– Держи эту вещь в руке, я как бы исповедую иудаизм. А теперь представь себе, что наш добрый приор Томас здесь. В таком случае я сказала бы ему: «Отец Томас, я исповедую иудаизм». Бедный приор! Ему пришлось бы отправить меня на костер. Отдать приказ привязать меня к столбу и сжечь...

Голос ее пресекался, лицо потемнело – так темнеет свеча перед тем, как фитильку погаснуть. Катерина приблизила лицо к Хуану:

– Б-же мой, Хуан, что здесь творится?

– Что бы это ни было, не дай Б-г, чтобы это коснулось нас, – сказал Хуан.

– Когда я была совсем маленькой, Хуан, у нас в Сеговии проходил рыцарский турнир. Последний – больше такого не было. Думаю, не только в Сеговии, но и во всей Испании. Мир изменился, над турнирами теперь смеются. Но тогда меня, маленькую девочку, турнир привел в восторг. Испанские рыцари с головы до ног были закованы в латы, их стяги и вымпелы всех цветов радуги развевались по ветру. Один рыцарь был в ярко-красном, другой – в небесно-голубом, третий – в снежно-белом. А потом начался поединок – рыцари съехались, раздался звон мечей, лязг доспехов... – Катерина замолчала – казалось, она перенеслась в то время. – Мой отец тоже участвовал в турнире. Тебе трудно вообразить дона Алверо в латах? Он был в белом. С ног до головы в латах, поверх них белый плащ. Знаешь, мне казалось: в мире нет рыцаря доблестнее его. Он выбил из седла своего противника, поднял коня на дыбы, поскакал ко мне, поднял меня и посадил в седло впереди себя...

– Катерина, неужели ты не поняла, что произошло? Как ты можешь болтать о рыцарях, об их доспехах? Ты что, дурочка? Разве ты не знаешь, что творится в Сеговии? Нет больше рыцарей в доспехах. Никакой рыцарь не оградит нас от того, что здесь творится...

– Ты по-прежнему хочешь жениться на мне? – перебила его Катерина; голос ее звучал холодно и отчужденно.

– Я дал слово.

Кровь ударила Катерине в голову; она встала, отошла было от стола, потом повернулась к Хуану.

– Будь проклят ты вместе с твоим словом! – выкрикнула она. – Я освобождаю тебя от него! – И вышла из комнаты. Хуан Помас остался один.

В эту ночь Хуан Помас не спал. Он шел в темноте, ведя под уздцы своего коня. Потом привязал его к сухому дереву, а сам сел на камень, размышлял, проклинал себя и даже плакал. И так просидел несколько часов кряду, пока не услышал крик петуха – только тогда он сел на коня и поскакал во тьму. Ближе к рассвету тьма постепенно рассеялась, вдали зазвонили монастырские колокола. Хуан Помас направил коня прямо на этот звон.

Торквемада видел, как Хуан подъезжает к монастырю. Он тоже провел ночь без сна; впрочем, он часто бодрствовал ночью. Вечером Торквемада закрывал дверь своей маленькой, похожей на клетку кельи и вел битву с дьяволом. Иногда Торквемада скидывал одежду, призывал монаха и тот хлестал его плетью до тех пор, пока все тело не покрывалось багрово-синими полосами. Эти следы в его битве с дьяволом служили доспехами. В этой битве Торквемада не всегда одерживал победу. Были ночи, когда победа оставалась за ним, но бывали и ночи, когда торжествовал дьявол. Однако Торквемада каждый вечер снова бился с дьяволом. Он почти не сомневался в том, кто в конце концов победит.

Теперь, когда колокола возвестили, что наступило утро, Торквемада приступил к неспешному обходу монастыря, и каждый его шаг, казалось, совпадал с мерным ударом колоколов. Торквемада не остановился, когда увидел, что Хуан въезжает в монастырский сад и, спешившись, привязывает коня у большого древнего камня.

Хуан думал, что Торквемада не заметил его, но такова уж была особенность Торквемады: он научился замечать, не замечая, видеть, не видя, и даже осуждать, не осуждая. Хуан подошел к монастырю и встал в тени – дожидаясь, когда Торквемада совершит очередной круг. Возвращаясь с обхода, Торквемада остановился в нескольких шагах от Хуана – стоял не двигаясь. Густая тень от стен монастыря не позволяла Хуану понять, смотрит на него Торквемада или нет, как он оценивает его появление и нет ли в глазах приора немого вопроса. Он не различал ни глаз, ни даже лица Торквемады, видел только фигуру в черном облачении с куколем.

Так они молча стояли, пока окружавшая их тьма не стала серой, потом светло-серой. Наконец Торквемада произнес, и голос его звучал ласково:

– В это время, в такое раннее утро, мой сын, плоть может быть одета, но душа обнажена. Она открыта Богу. Она стоит перед Ним в наготе своей, потому что ее не могут скрыть ни одежды, ни плоть.

Слова Торквемады прозвучали ни как вопрос, ни как утверждение. Хуан не знал, что сказать, и стоял, в страхе ожидая, что за этим последует. Торквемада продолжал:

– Ночь – время сна. Почему ты не спал, сын мой?

Хуан Помас тупо покачал головой. Ему было страшно; он понимал, что должен ответить на вопрос Торквемады, но не мог вымолвить ни слова, только качал головой.

– Ты боишься меня, сын мой? – спросил Торквемада. – Но тебе нечего бояться. Мы слуги Господа. Христовы дети. Как можешь ты бояться меня? Может быть, тебе сказали, что раньше Торквемада был человеком, а теперь стал чудовищем? Но разве чудовища служат Господу? Этот вопрос ты должен задать себе и сам на него ответить. Так скажи мне, разве чудовища служат Богу?

– Не знаю, – пробормотал Хуан.

Теперь все вокруг заливал свет, яркий утренний свет – первые лучи солнца коснулись плоских башен монастыря. Хуан уже мог видеть Торквемаду; его сутана стала обычным черным облачением из домотканого сукна; под куколем было видно худое, смуглое лицо со скошенным костлявым подбородком, но глаз по-прежнему нельзя было различить. Нависающий куколь отбрасывал на них тень.

– Ты хочешь служить Богу? – спросил Торквемада. – Хочешь служить Испании? Хочешь служить своей бессмертной душе?

Хуан пытался ответить, но не мог выговорить ни слова. Ему хотелось убежать, но он понимал, что это невозможно. Ему хотелось пасть на колени и молить о пощаде, но и это было невозможно.

– Ты тоже думаешь, что Бог забыл Испанию? – продолжал Торквемада. – Если так, тогда я должен спросить себя, почему у тебя такие мысли. Я должен задать себе вопрос, почему Божье дитя и дитя Испании думает, что Бог забыл его родину. Я должен открыть тебе мое сердце и дать ответы – иначе какой же я приор? Поэтому говорю тебе, сын мой: Бог не забыл Испанию. Он только отвратил свой взор от евреев. За все время от сотворения мира и до наших дней Бог забыл одних только евреев. Но...

Он подошел ближе к Хуану, настолько близко, что юноша мог наконец видеть его глаза – черные дыры на обтянутом кожей лице.

– Но еврея, ставшего христианином, – такого еврея Господь помнит. Потому что такой еврей обретает бессмертную душу, а бессмертную душу Господь никогда не забудет.

Он протянул руку, дотронулся до плеча Хуана.

– Пойдем.

Хуан пошел рядом с приором – они двинулись вокруг монастыря и молча шли до конца колоннады. Оттуда Торквемада повернул назад.

– Что привело тебя сюда, Хуан Помас? – возобновил разговор Торквемада. – Сюда мало кто приходит по собственной воле. Люди обычно оказываются здесь, когда их приводят солдаты инквизиции, солдаты Святой матери церкви. Но за тобой солдат не посылали, и все же ты здесь.

Торквемада протянул руку и коснулся шеи Хуана. Его палец очертил линию вокруг шеи молодого человека – тот вздрогнул и отпрянул. Торквемада прошептал:

– Что за медальон носит на шее дон Алверо?

Торквемада продолжал идти дальше – ждал, что ему ответит Хуан. Тот молчал, шел рядом, не отвечая на вопрос и не вдаваясь в объяснения. Дойдя до конца колоннады, Торквемада опять повернулся и пошел назад.

– Инквизиция святая. Она свята – как Отец, Сын и Дух Святой. И суд ее свят. Ты знаешь, что такое святая инквизиция, сын мой?

Торквемада обнял Хуана за плечи. Неожиданно Хуан вырвался.

– Клянусь Богородицей, – закричал он, – потому что я христианин! Я клянусь, клянусь вам, отец Томас, что дон Алверо – христианин!

Спокойно, невозмутимо Торквемада, понизив голос, сказал:

– Ты слишком много клянешься. Зачем ты подвергаешь опасности свою бессмертную душу? Бог ненавидит божбу. Разве я просил тебя клясться? Просил?

– Дон Алверо – христианин!

– Ты отвечаешь на вопрос, которого я не задавал, – сказал Торквемада. – Это ответ, но где же вопрос, Хуан Помас? В твоём сердце, в твоей душе, или это вопрошает Бог? Я не спрашивал тебя, христианин ли дон Алверо. Я спрашивал тебя, что в медальоне, который он носит на шее?

– Заклятие, – выпалил Хуан.

– Что за заклятие?

– Еврейское заклятие.

– Скажи мне, Хуан Помас, что такое еврейское заклятие? Ты знаешь?

– Я слышал, как дон Алверо произносил его.

– Что?

– Я уже говорил. Я слышал, как дон Алверо произносил еврейское заклятие.

Торквемада кивнул и двинулся дальше. Хуан следовал за ним, как будто невидимая сила приковала его к приору. Наконец Торквемада сказал:

– Произнеси это заклятие сейчас, Хуан Помас.

Они сделали еще шесть шагов. Хуан хранил молчание, и тогда Торквемада крикнул громко и повелительно:

– Я отпускаю тебе грехи. Говори! Я приказываю! Не гневи меня, отвечай!

Хуан остановился, повернулся к приору и, глядя ему в лицо, произнес умоляющим тоном: «Возлюби Г-спода Б-га твоего всем сердцем твоим, всей душою твоею и всеми силами твоими».

И тут вновь зазвонили колокола. Их звон отдавался в голове Хуана – ему казалось, что их громоподобный звук разорвет его череп, лишит его разума.

(I ēīī ÷ āī ēā ŋēāāōō)

I āāāāā Ā. Āāāī āōēēē

^[1] *Nóĩdõà - àèí àñò èy ì èèàí ñèè ãdõí ãá á XV - XVI áá*

^[2] *Áàì èèùèàð Áàdèà (áá ðí æá í àèçá - òí . 229 áí í.ý) - èàðò áááí ñèè è ì èèí ãááò ì àdèí áá 1-é Ì óí è: áèí è áèí ù (264 - 241 áí í.ý). Ì óáò èdù í ñá ì èèí ãááò è áñkãáð ò ááí í ñá áyó áy Ááí í èááè (247 - 183 áí í.ý).*

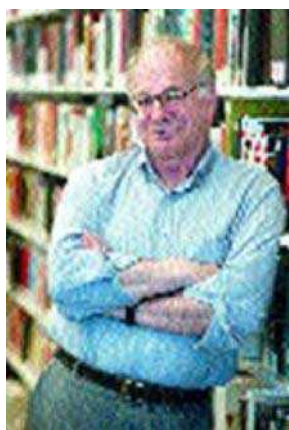
МАРТОВСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 МАРТА

105 *éàð ìí áíŷ ðíæááíéŷ* композитора, пианиста и дирижера, народного артиста НРБ, профессора Музыкальной академии в Софии, одного из основателей Союза болгарских композиторов, автора оперы «Царь Калоян», балета «Легенда об озере», оркестровых сочинений **Панчо Владигерова** (1899, Цюрих – 1978, София).

5 МАРТА

70 *éàð ìí áíŷ ðíæááíéŷ* психолога, члена АН США, профессора Принстонского университета, автора трудов по применению психологической методики в экономической науке, в частности, при исследовании человеческого фактора и принятия решений в условиях неопределенности, лауреата (совм. с В. Смитом) Нобелевской премии по экономике 2002 года **Даниэля Канемана** (Kahneman; р.1934, Тель-Авив).

75 ёаò ì ã äý ðæääéý ученого в области вычислительной техники, академика РАН, автора трудов по разработке элементной базы и структуры высокопроизводительных вычислительных комплексов, лауреата двух Государственных премий СССР **Владимира Константиновича Левина** (р. 1929, Москва).

7 МАРТА

135 ёаò ì ã äý ðæääéý физикохимика, иностранного члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по полиморфным модификациям химических элементов, влиянию давления на физико-химические процессы **Эрнста Юлиуса Когена** (Kogen; 1869, Амстердам – 1944, убит в концлагере Освенцим).

305 ёаò ì ã äý ðæääéý врача, почетного члена Петербургской АН, лейб-медика российского императорского дома **Антониу Саншеса** (Саншиш, Санчес, Санхец, Sanchez; 1699, Пенамакор, Португалия – 1783, Париж).

10 МАРТА

65 ёào ñ ай ðæääёў

легкоатлетки, обладательницы золотых олимпийских медалей 1960 и 1964 гг.

Ирины Натановны Пресс (р. 1939, Харьков).

11 МАРТА

130 ёào ñ ай ñ аòё физика и электротехника, академика Петербургской АН, изобретшего электродвигатель и опробовавшего его для привода судна, создавшего гальванотехнику и несколько типов телеграфных аппаратов, исследовавшего (совм. с Э.Х. Ленцем) электромагниты, автора трудов по практическому применению электричества, военной электротехнике, электрическим измерениям, метрологии **Бориса Семеновича (Морица Германа) Якоби** (1801, Потсдам – 1874, Петербург).

12 МАРТА

75 ёào ñ ай ðæääёў молекулярного биолога, члена-корреспондента РАН и РАМН, профессора Московского университета, автора исследований по молекулярной биологии и генетике РНК-содержащих вирусов животных, главным образом, пикорнавирусов, **Вадима Израилевича Агола** (р.1929, Москва).

140 ёаò ñ ãÿ ðæääёё экономиста и статистика, одного из организаторов и лидеров партии кадетов, собравшего обширный материал по экономике крестьянских хозяйств Сибири, **Александра Аркадьевича Кауфмана** (1864, Берлин – 1919, Петроград).

105 ёаò ñ ãÿ ñ аòè государственного деятеля, министра финансов, почты, таможни и телеграфа, премьер-министра Новой Зеландии **Джулиуса Фогеля** (Vogel; 1835, Лондон – 1899, Ист-Молси, Англия).

13 МАРТА

165 ёаò ñ ãÿ ðæääёё офтальмолога, профессора организованной им кафедры глазных болезней Харьковского университета, чьим именем назван Украинский НИИ глазных болезней в Харькове, автора трудов по физиологии цветоощущения, эмбриологии сосудов сетчатки, лечению трахомы, лично принявшего около 1 млн. больных, **Леонарда Леопольдовича Гиршмана** (1839, Туккум Курляндской губ. — 1921, Харьков).

65 ёаò ì ã äÿ ì äòè этнографа и психолога, члена Французской АН, профессора Сорбонны, автора теории господства «дологического мышления» в сознании первобытного человека **Люсьена Леви-Брюля** (Levy-Bruhl; 1857 – 1939, Париж).

15 МАРТА

110 ёаò ì ã äÿ ðæääèÿ микробиолога и иммунолога, академика АМН СССР, создателя научной школы вирусологов, описавшего возбудителя дальневосточного клещевого энцефалита, сформулировавшего вирусно-генетическую теорию рака, заложившего основы иммунологии рака, лауреата двух Государственных премий СССР, **Льва Александровича Зильбера** (1894, Медведь Новгородской губ., – 1966, Москва).

75 ёаò ì ã äÿ ðæääèÿ физикохимика, академика РАН, автора трудов по металлокомплексному катализу, кинетике и механизмам жидкофазных органических реакций, разработавшего высокоэффективные катализаторы превращений углеводов, **Ильи Иосифовича Моисеева** (р.1929, Москва).

18 МАРТА

15 ёаò ì ãíŷ ì áðè химика-органика, члена АН США, разработавшего методы получения витаминов В2 и А, пантотеновой кислоты, триптофана, метионина и др., организовавшего промышленное получение кортизона, **Макса Тишлера** (Tishler; 1906, Бостон – 1989, Мидлтаун, США).

20 МАРТА

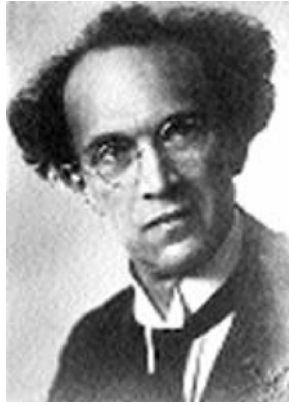

120 ёаò ì ãíŷ ðæääíéŷ философа и физика, профессора Пражского и Гарвардского университетов, автора трудов по теории относительности и логике науки **Филиппа Франка** (Frank; 1884, Вена – 1966, Кембридж, США).

23 МАРТА

65 ёаò ì ãíŷ ðæääíéŷ композитора, народного артиста РФ, профессора Петербургской консерватории, автора балетов «Двенадцать», «Ярославна» и др. **Бориса Ивановича Тищенко** (р. 1939, Ленинград),

70 éàò ìí áíŷ ìí àðòè композитора, дирижера, директора Высшей музыкальной школы в Берлине, профессора Прусской академии искусств, автора опер в традициях позднего романтизма и экспрессионизма «Пламя», «Дальний звон» и др. **Франца Шрекера** (Schreker; 1878, Монте-Карло –1934, Берлин).

28 МАРТА

95 éàò ìí áíŷ ðíæááí èŷ боксера, чемпиона мира в среднем весе 1938 – 1939 гг. **Солли Кригера** (Krieger; 1909, Нью-Йорк – 1965).

ÊÀÊ È Î ÂÑÁÉ ÐÎÑÑÈÈ...

В декабрьском номере «Лехаима» за прошлый год мое внимание (впрочем, как и внимание многих других евреев владимирской общины) привлекла заметка А. Хасина, напечатанная под рубрикой «Из нашей почты».

Абрам Борисович Хасин встревожен: «В нашем городе убивают евреев. Разве это не должно взволновать ФЕОР и другие еврейские организации? Разве это не причина сделать определенные выводы и оказать нам хоть какую-нибудь помощь? Подключить следственное управление МВД и Генпрокуратуру РФ? Далее А. Хасин, приводя действительно достоверные факты – убийства супругов-врачей М.Ф. и А.Г. Эльтерман, А. Элькина и А. Рахмана, – сетует на то, что все они до сей поры не раскрыты и, по его словам, «антисемитская версия вообще не отрабатывается».

Я по профессии судебно-медицинский эксперт и 38 лет отдал своему делу. Естественно, меня ничуть не меньше, чем А. Хасина, взволновали эти убийства. Тем более, что за несколько десятилетий работы мне довелось помочь раскрытию сотен подобных преступлений. И каждое из них, поверьте, оставляет зарубки в сердцах экспертов. Что же случилось на самом деле?

Все названные убийства, действительно жестокие, не выходят за рамки того, что юристы относят к корыстным преступлениям (убийства Эльтерманов и А. Рахмана) и к преступлениям на почве так называемого «ресторанного конфликта» (убийство А. Элькина).

Как в действительности обстоят дела с их расследованием? Убийство супругов Эльтерман, совершенное явно с целью грабежа, взято под контроль областной прокуратурой. На его раскрытие брошены лучшие оперативники и следователи города. Уже есть обнадеживающие версии, есть и подозреваемые; теперь все сосредоточено на так называемой «доказательной базе», без которой ни одно преступление нельзя считать раскрытым. Вопреки фактам, изложенным А. Хасиным, буквально по горячим следам раскрыто убийство А. Рахмана. Оно совершено двумя солдатами, строившими дачу потерпевшему; после преступления убийцы скрылись на автомашине, но вскоре были задержаны. Идет расследование, и, по твердому заверению военной прокуратуры, преступники предстанут перед судом.

Что касается убийства А. Элькина, происшедшего в городском ресторане (Андрею был нанесен удар ножом в грудь неким азербайджанцем, – нанесен на глазах у множества людей), то личность преступника, мгновенно ускользнувшего от преследования, известна и, по данным следствия, он находится в федеральном розыске.

Вот и получается, что «антисемитскую версию» вряд ли стоит отрабатывать, ибо ее попросту не существует.

Да, во Владимире осквернялись еврейские могилы, появлялись позорные националистические надписи на стенах. Ректор политехнического института Сергеев пишет непристойные статьи, а депутат областного Законодательного собрания Артемов издает газету «Рубеж», многие публикации которой направлены против евреев. Все это, безусловно, можно считать проявлениями самого грязного антисемитизма (о чем, кстати, вполне справедливо упоминает А. Хасин).

Однако, возвращаясь к убийствам, замечу, что они – лишь часть того, что, увы, совершается сегодня по всей России. А. Хасин абсолютно неправ: национализм тут ни при чем. Еврейская же община и правоохранительные органы Владимира весьма заинтересованы в раскрытии этих тяжких преступлений.

Î àðÈ Óòðì àí,

ã Áëääëì èð